

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

На правах рукописи

СОПИЛКО НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС**

08.00.14 – Мировая экономика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
Хасбулатов Руслан Имранович

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	18
1.1 Генезис теорий международной экономической интеграции	18
1.2 Синергия и противоречия глобализации и региональной экономической интеграции	35
1.3 Трансформация энергетического сотрудничества в энергетическую интеграцию на примере ЕС.....	50
1.4 Концептуальные подходы к оценке эффектов международной экономической интеграции	62
ГЛАВА 2 СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС.....	75
2.1 Актуальные тенденции институционального развития ЕАЭС	75
2.2 Анализ социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС по сравнению с другими странами постсоветского пространства.....	82
2.3 Особенности социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС на современном этапе	92
ГЛАВА 3 ПЕРВЫЕ ИТОГИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩИХ РЫНКОВ ТОВАРОВ, УСЛУГ, РАБОЧЕЙ СИЛЫ И КАПИТАЛА ЕАЭС	118
3.1 Анализ торговли товарами и услугами государств ЕАЭС	118
3.2 Миграционные процессы в странах ЕАЭС: движение трудовых ресурсов....	136
3.3 Формирование рынка капитала государств ЕАЭС. Потоки капитала (динамика притока взаимных инвестиций).....	145
3.4 Формирование рынка энергоресурсов. Анализ и перспективы.	151
ГЛАВА 4 ОЦЕНКА КАЧЕСТВЕННЫХ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС	171
4.1 Анализ качественных эффектов экономической интеграции ЕАЭС.....	171

4.2 Методологические подходы к оценке эффектов экономической интеграции ЕАЭС	185
4.3 Долгосрочные количественные эффекты экономической интеграции ЕАЭС	191
ГЛАВА 5 ОЦЕНКА ДОЛГОСРОЧНЫХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ ЕДИНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	209
5.1 Разработка концепции региональной энергетической интеграции и безопасности ЕАЭС	209
5.2 Методика разработки прогноза развития энергетической сферы государств ЕАЭС на долгосрочную перспективу	223
5.3 Развитие рынка газа	234
5.4 Развитие рынка нефти и нефтепродуктов.....	238
5.5 Предложения по развитию энергетической интеграции и формированию единого энергетического пространства Евразии	242
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	258
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	263

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современный этап развития мировой экономики характеризуется повышением степени неопределенности международных экономических отношений, структурными изменениями в мировом хозяйстве и политике. Такая ситуация приводит к протеканию сложных разносторонних глобальных процессов, к глубоким общественно-экономическим преобразованиям. Происходят нарушения работы рыночных механизмов, международных институтов, казавшихся предельно устойчивыми и надежными. Следует учитывать, что период 2008–2019 гг. и начала 2020 г. был ознаменован рядом событий различного масштаба: мировой экономической кризис, падение и частичное восстановление цен на энергоносители, сланцевая революция, развитие военных и политических конфликтов, замедление роста мировой экономики. Все это привело к структурной перестройке мировых рынков, изменению правил игры и взаимоотношений между потребителями и продавцами товаров, услуг, и, в особенности – энергетических ресурсов. Очевидно, что нестабильность мировой экономической системы усиливает кризис Европейского Союза (ЕС), главным проявлением которого стал выход Великобритании из состава ЕС. Созданный прецедент не имеет аналогов в европейской истории и, вероятно, станет только первым из многих потенциальных шагов на пути к дезинтеграции европейского сообщества.

XXI век – переломный в развитии мировой экономики, изменилась геоэкономическая картина мира. Лидерами мирового экономического развития стали азиатские страны, такие как Китай, Индия, Япония и др., применяющие собственные уникальные модели экономического развития и интеграции.

При этом приоритетным направлением является международное сотрудничество стран и формирование общих рынков. Как правило, изначально партнерство развивается в конкретных экономических сферах, имеющих стратегическое значение для государств, и предполагается, что в случае успешной

конвергенции будут получены определенные интеграционные эффекты, дающие толчок к кооперации в смежных отраслях экономики, а затем и в других.

Российская Федерация к концу 2010-х годов политически и экономически стабилизировалась после кризисного периода 1990-х годов. С участием России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана в 2015 году было создано значимое в мировых масштабах международное интеграционное объединение – Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), придавший новый импульс процессам международной экономической интеграции на пространстве Евразии.

Интеграция на евразийском пространстве стартовала после двух десятилетий трансформационного кризиса и постепенного оживления роста в странах Центральной и Восточной Европы. При этом следует отметить фактор времени – на начальном этапе развития интеграционных процессов позитивные эффекты реализуются через перемещение товаров, рабочей силы и капитала, движение которых облегчается при снятии барьеров, снижении ограничений и т.д. В этой связи, важным является оценка роли, значимости, экономических результатов и перспектив развития ЕАЭС.

В ходе анализа множества теоретических и практических исследований было установлено, что увеличение объемов торговли и развитие экономических институтов в результате экономической интеграции может способствовать увеличению ежегодных темпов роста ВВП вовлеченных стран. Но при этом недостаточно глубоко изучена природа этих эффектов, особенно на региональном уровне. С точки зрения классической и неоклассической школ экономической теории, такие интеграционные эффекты могут быть объяснены увеличением эффективности производства, например, в результате релокации экономических ресурсов, возможной за счет снятия барьеров при развитии интеграции. Это позволяет реализовать сравнительные преимущества стран-участников интеграционного процесса и углубить их специализацию в системе экономических связей внутри объединения, что может быть учтено при оценке интеграции в регионе ЕАЭС.

Для государств ЕАЭС, в которых процесс формирования общих рынков был

начат и получил свое развитие в период 2015–2016 гг., вопросы дальнейшего развития имеют особую актуальность в настоящее время.

Энергетическое сотрудничество объявлено безусловным приоритетом развития ЕАЭС на период до 2025 года, когда должно завершиться формирование единых рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов – и далее, с целью формирования единого энергетического пространства, трансконтинентальных энергетических коридоров, повышения доступности энергетических ресурсов для населения государств-членов ЕАЭС и хозяйствующих субъектов. В конечном итоге энергетическое взаимодействие стран должно способствовать более интенсивному экономическому росту и повышению уровня благосостояния населения государств ЕАЭС в долгосрочной перспективе. Таким образом, в условиях богатой ресурсной базы, высокой роли топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в экономиках стран ЕАЭС, исторически сложившейся общности и неразрывных экономических связей в них, энергетическая интеграция в регионе является локомотивом интеграционного процесса как такового.

Формирование общих энергетических рынков ЕАЭС является одним из первых проектов подобного масштаба и качества в практике мировой рыночной экономики. Большой интерес в области энергетической интеграции для Евразийского интеграционного объединения представляет опыт Европейского союза. Безусловно, и опыт СССР по развитию ТЭК на обширном пространстве также является актуальным, однако энергетическая интеграция в условиях нестабильной и динамичной макроэкономической среды несет в себе как многочисленные положительные эффекты, так и ряд вызовов и сложностей. В этой связи особую важность приобретают вопросы обеспечения энергетической безопасности на уровне не только отдельных стран, но и ЕАЭС как единой сущности, а также возможность согласования позиций государств-членов ЕАЭС по направлениям развития ТЭК, гармонизации национальных законодательств в этой области, выработки единой энергетической политики. Эти факторы обуславливают необходимость научной проработки основных закономерностей трансформации макрорегиональных энергетических рынков с учетом процессов международной

экономической интеграции, и, в конечном итоге, создания концепций региональной энергетической интеграции и формирования единого энергетического пространства стран ЕАЭС, что определило выбор темы диссертации, а также ее цель и задачи.

Степень разработанности темы и обзор научной литературы. Настоящая диссертация посвящена исследованию закономерностей, проблем и перспектив энергетического сотрудничества государств в условиях формирования региональных экономических союзов – международной экономической интеграции на постсоветском пространстве. В мировой и отечественной научной литературе число комплексных исследований, посвященных проблематике данной работы, крайне невелико. Множество работ не рассматривают эти направления во взаимосвязи. Это обуславливается относительной новизной изучаемых макроэкономических явлений, их динамичностью и развитием в реальном времени. Процессы экономической интеграции, как и энергетическая интеграция, сформировались после окончания Второй мировой войны. Их динамика постоянно ускоряется, происходит трансформация различных интеграционных форм, связанных как с расширением числа участников, так и ростом различных факторов, влияющих на их ход. А сопряжение энергетических рынков носит зачастую противоречивый характер и в целом малоизучено.

В условиях развития интеграции стран в энергетике усилия большинства зарубежных исследователей ориентированы на оценку изменения факторов спроса и предложения, а анализ экономических преимуществ энергетической интеграции на уровне отдельных государств или компаний, как правило, рассматривается на примерах развития европейских энергетических рынков. Однако в зарубежной литературе к настоящему времени не выработано ни одной комплексной теории энергетического сотрудничества, которая позволяла бы объяснить ее фундаментальные механизмы и закономерности, встроить интеграцию энергетических рынков в процессы международной экономической интеграции с учетом их особенностей и значимости ТЭК как фундаментального сектора экономики. Поэтому именно в этой области имеется значительный потенциал

дальнейшего развития теории энергетической интеграции.

В российской экономической науке в последние годы формируется тренд на проведение комплексных исследований интеграции энергетических рынков в условиях формирования региональных экономических союзов. Очевидность эффективности и значимости интеграции энергетических рынков, активная динамика процессов энергетической интеграции государств ЕАЭС формирует мощный запрос на научное осмысление и выработку комплексных научных подходов к процессам энергетической интеграции в условиях ЕАЭС. Характерно, что данный запрос формируется не только на уровне государственных и надгосударственных органов государств ЕАЭС, но и в первую очередь – на уровне компаний-участников энергетических рынков. Именно компании заинтересованы в максимизации выгод и снижении рисков от развития интеграции, что подчиняет сами процессы энергетической интеграции интересам экономической эффективности и целесообразности.

Заключение Договора о ЕАЭС в 2014 г., предусматривающего создание общих энергетических рынков и перспективы расширения интеграционных процессов с сопредельными государствами Евразии в рамках интеграционного проекта «Большой Евразии», разработку различных Программ и проектов существенно повышают актуальность изучения интеграционной проблематики и вызывают интерес к ней со стороны российских ученых.

Настоящая работа основывается на нескольких группах научных исследований. Во-первых, это работы, касающиеся процессов международной экономической интеграции в целом, а также изучение ключевых макроэкономических трендов. В этом контексте необходимо выделить труды «отцов-основателей» теории европейской интеграции: Б. Балассы, Г. Бругманса, Дж. Вайнера, Д. Митрани, Ж. Монне, Р. Шумана, Э. Хааса. Глобальные макроэкономические и международные процессы осмыслены в рамках теории мирового системного анализа И. Валлерстайна, а также важный вклад в разработку моделей региональной интеграции был внесен А. Либманом и Б. Хейфицем. Большая часть теоретических и эмпирических исследований носит глубокий

характер, раскрывает сущность этого процесса и его особенности, что детально освещено в работах многих российских авторов: О. Абрамовой, А. Бойченко, Г. Дендак, Н. Гусакова, Н. Косолапова, В. Матюшка, М. Мунтяна, Н. Промского, С. Сутырина, М. Худаловой, В. Шерова-Игнатьева, Ю. Шишкова, Л. Шквари др. Наиболее значимые работы были представлены такими зарубежными экономистами, как Дж. Албертин, Б. Баласса, А. Венаблес, Дж. Вайнер, Р. Гросс, Х. Гинкель, Д. Даннинг, С. Клар, П. Кругман, Д. Кудзава и др. Развитие идей об оценке эффектов экономической интеграции было выполнено Х. Лиснером, Д. Гринвэем, К. Милнером, Г. Грубелем, П. Ллойдом и рядом других исследователей. Значительный вклад в осмысление процессов международной экономической интеграции, а также новой роли России и стран постсоветского пространства в современной мировой экономике внесли О. Буторина, В. Барановский, Т. Валовая, С. Глазьев, А. Дынкин, А. Мастепанов, Н. Навроцкая, В. Перская, Р. Хасбулатов, Ю. Шишков, Л. Шкваря, П. Цыганков и многие другие.

Второй значимой группой источников информации являются исследования, касающиеся ключевых проблем развития мировых энергетических рынков и роли России в мировой энергетике, а также процессов на Евразийском пространстве. Особую важность в этой области имеют труды В. Бушуева, В. Грибанича, А. Дынкина, С. Еремина, А. Громова, А. Кнобеля, Е. Телегиной, И. Томберга, Г. Халовой, А. Шуркалина и других отечественных исследователей. Следует отметить, что благодаря трудам исследователей ИМЭМО РАН имени Е.М. Примакова и РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина в последние годы был сформирован тренд на создание концепции энергетической интеграции и формирования единого энергетического пространства, которая отличается высокой прикладной значимостью. При этом к 2019 году в основном завершилась проектировка контуров единых рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов ЕАЭС. Данные обстоятельства предопределили необходимость проведения настоящего исследования, обусловили его цели и задачи.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является определение перспективных направлений развития экономических интеграционных процессов

в ЕАЭС с учетом ключевой роли энергетического сотрудничества.

В теоретическом аспекте целью диссертационной работы является выявление критериев и закономерностей развития энергетической интеграции с учетом особенностей макроэкономического положения и режимов функционирования топливно-энергетических комплексов стран-членов ЕАЭС.

С практической точки зрения – провести оценку текущих результатов экономической интеграции государств ЕАЭС на современном этапе, оценить качественные и количественные эффекты их экономической и энергетической интеграции в долгосрочной перспективе.

Для достижения поставленной цели были определены и решены следующие задачи:

1. Развить понятие международной экономической интеграции в условиях замедления глобализации в мировой экономике.

2. Выделить существующие противоречия процессов глобализации и региональной экономической интеграции, в том числе в энергетической отрасли.

3. Обосновать выбор наиболее целесообразных подходов к оценке эффектов международной экономической интеграции и в контексте развития ЕАЭС.

4. Выявить тенденции формирования общих рынков государств ЕАЭС, влияющие на динамику изменения их основных макроэкономических показателей.

5. Выдвинуть концепцию региональной энергетической интеграции и сформулировать ее определение.

6. Уточнить сущность понятия коллективной энергетической безопасности и сформулировать ее определение применительно к странам-членам ЕАЭС и Евразийскому пространству в целом.

7. Сформировать методологический подход к оценке эффектов экономической интеграции государств ЕАЭС.

8. Разработать методику оценки перспективного развития энергетической сферы государств ЕАЭС с учетом эффектов энергетической интеграции.

9. Сформировать предложения по развитию энергетической интеграции в ЕАЭС, а также по созданию единого энергетического пространства на евразийском

континенте с учетом авторской концепции региональной энергетической интеграции и коллективной энергетической безопасности.

Предмет исследования – энергетическое сотрудничество в условиях международных экономических интеграционных процессов, в частности, применительно к региону ЕАЭС.

Объект исследования – интеграционные процессы и топливно-энергетический комплекс государств ЕАЭС.

Теоретическая и методологическая основа диссертации базируется на теоретических концепциях международной экономической интеграции, неинституциональной экономики и концепциях отраслевой интеграции. Следует отметить, что в мировой экономической науке еще не завершено формирование концепций, рассматривающих энергетическую интеграцию как ключевую опору и локомотив процессов международной экономической интеграции в отдельных регионах мира, в частности, в ЕАЭС.

Информационная база исследования. Для выполнения макроэкономического анализа и анализа ТЭК использовались аналитические, методические и статистические материалы Группы Всемирного Банка (ВБ), Организации объединенных наций (ООН), Всемирной торговой организации (ВТО), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международного энергетического агентства (МЭА), других зарубежных национальных и международных аналитических и статистических организаций и изданий, а также Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и т.д.

В ходе работы были изучены материалы специализированных международных организаций, авторитетных международных исследовательских центров и консалтинговых организаций, а также российских научных институтов – мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО), энергетических исследований РАН (ИНЭИ), энергетики и геополитики России (ЭНГИН) и др.

В качестве источников статистических данных были использованы материалы Росстата, Минэкономразвития России, Минэнерго России, ЦДУ ТЭК при Минэнерго России, ФАС России и других российских ведомств, а также

данные аналогичных министерств и ведомств других государств и Департамента статистики Евразийской экономической комиссии.

Также использовались материалы статей по исследуемой тематике, публикуемые ведущими отечественными и зарубежными информационными агентствами и другими СМИ.

Гипотеза диссертационной работы. Интеграционные процессы, происходящие на пространстве региона ЕАЭС, в частности, в сфере энергетики, предполагают формирование научной концепции региональной энергетической интеграции в контексте международной экономической интеграции, а также разработку методологического подхода к оценке эффектов экономической интеграции с учетом специфики и особенностей взаимного сотрудничества государств ЕАЭС.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разработке комплексной научной концепции региональной энергетической интеграции применительно к условиям и особенностям интеграционных процессов ЕАЭС.

На основе выявленных особенностей и признаков международной экономической интеграции разработана методика оценки интеграционных эффектов для определения перспектив развития взаимного сотрудничества государств ЕАЭС в целях повышения их конкурентоспособности и обеспечения энергетической безопасности.

Наиболее важные научные результаты диссертационного исследования, содержащие научную новизну и выносимые на защиту, заключаются в следующем:

1. Предложено и обосновано комплексное, развернутое многоаспектное толкование современных интеграционных процессов через принципы, задачи и особенности их протекания в мировой экономике в условиях замедления глобализации, противоречивости мировых процессов интеграции с учетом развития ЕАЭС.

2. Выделены противоречия глобализации и региональной экономической интеграции (фрагментарность и локализация рынков при одновременном их расширении; открытость/закрытость экономик, рост региональной

конкурентоспособности с параллельной реализацией и защитой национальных интересов и т.д.), а также определена противоречивость интеграционных процессов в сфере энергетики (национальные экономические интересы и экономическая целесообразность развития энергетической интеграции стран, геополитические разногласия стран и др.), возникающие в условиях влияния факторов макросреды.

3. Охарактеризованы достоинства, недостатки и возможности практического применения, существующих в экономической науке концептуальных подходов к оценке эффектов международной экономической интеграции, что позволило обосновать целесообразность разработки определенного подхода к оценке интеграционных эффектов развития ЕАЭС, основанного на использовании методов сравнения и прогнозирования динамики роста макроэкономических показателей.

4. На основе результатов исследования социально-экономических показателей государств ЕАЭС выявлены основные тенденции их развития: расширение степени открытости ЕАЭС по отношению как ко многим странам мира, так и некоторым региональным группировкам; сокращение изъятий и ограничений в рамках Союза; рост взаимной торговли товарами и услугами, увеличение миграционной активности и взаимных инвестиций и т.д. Подчеркнуто, что в отличие от государств СНГ, не входящих в ЕАЭС, негативные макроэкономические проявления в странах региона отмечаются в меньшей степени, а темпы роста основных макроэкономических показателей имеют положительную и нарастающую динамику.

5. Определено понятие «региональной энергетической интеграции» как процесса формирования взаимных технологических и экономических связей между топливно-энергетическими комплексами государств, способствующего развитию пространственных распределенных энергетических систем, положительно влияющих на экономическую и энергетическую эффективность топливно-энергетического комплекса государств, на обеспечение более высокой доступности энергии и энергоносителей для потребителей и на укрепление энергетической безопасности стран.

6. Разработан авторский подход к уточнению сущности понятия коллективной энергетической безопасности как системы в условиях интеграционных процессов ЕАЭС, включающей совокупность средств поддержания и обеспечения безопасного состояния стран, имеющих технологические и экономические связи между национальными топливно-энергетическими комплексами, с учетом рисков и издержек их функционирования.

7. Сформирован методологический подход к оценке качественных и количественных эффектов международной экономической интеграции государств Евразийского экономического союза, основанный на разработанной автором экспертно-аналитической методике.

8. Разработана и применена авторская методика оценки перспективного развития энергетических рынков государств ЕАЭС в трех сценариях: базовый, высокий и низкий, основанная на синергии различных методов экономико-математического моделирования и прогнозирования. Выполнены прогнозы развития рынков газа, нефти и нефтепродуктов, а также рынка электроэнергии ЕАЭС на долгосрочную перспективу и получены результаты совокупного спроса и предложения энергетического рынка стран ЕАЭС.

9. Сформированы предложения по развитию энергетической интеграции в регионе ЕАЭС и созданию единого энергетического пространства с участием расширенного круга государств Евразии на основе развития проекта «Энергетическое кольцо» в рамках Континентального партнерства в контексте международной энергетической безопасности.

Теоретическая значимость исследования. Настоящая диссертация является одним из первых научных трудов в данной области, в которой сочетается комплексный анализ синергии международной экономической интеграции с интеграцией энергетических рынков и влияние интеграционных процессов на развитие экономики на примере ЕАЭС и государств Евразии.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется необходимостью достижения стратегических целей экономического развития России и других стран ЕАЭС в области развития ТЭК и общих энергетических

рынков, разработки программ развития экономической и энергетической интеграции государств ЕАЭС с учетом интересов хозяйствующих субъектов.

Результаты, которые получены в диссертации, представляют определенный методологический вклад в исследование процессов и перспектив международной экономической и энергетической интеграции, могут представлять интерес для формирования концептуальных подходов к согласованному развитию ТЭК государств ЕАЭС и сопредельных стран Евразии.

Область исследования соответствует Паспорту научных специальностей Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по специальности 08.00.14 – Мировая экономика по пунктам областей исследования: п.4 Интернационализация хозяйственной жизни. Глобализация экономической деятельности, ее факторы, этапы, направления и формы. Взаимодействие региональной интеграции и экономической глобализации; п.5 Интеграционные процессы в развитых и развивающихся регионах мирового хозяйства, закономерности развития этих процессов, оценка интеграционных перспектив различных торгово-экономических блоков, включая Евразийскую экономическую интеграцию; п.26 Внешнеэкономические интересы России на мировом рынке и в отношениях с отдельными странами и группами стран. Геоэкономические проблемы России, ее стратегические приоритеты и внешнеэкономические перспективы; п.27 Международная и национальная экономическая безопасность. Теоретические и методологические основы обеспечения внешнеэкономической безопасности России.

Апробация. Научные результаты диссертации докладывались и обсуждались на различных научных мероприятиях: Международная научно-практическая конференция «Мировая экономика, международный бизнес и Россия в новых геополитических условиях» (г. Екатеринбург, 2015 г.); IV Международная научная конференция «Актуальные проблемы глобальных исследований: формирование полицентричной модели современного мироустройства» (г. Москва, 2016 г.); IV Международная научная конференция «Глобальные процессы и новые

форматы многостороннего сотрудничества» (г. Москва, 2016 г.); Международная научно-практической конференция «Новая индустриализация: мировое, национальное, региональное измерение» (г. Екатеринбург, 2018 г.); Международная научная конференция «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы» (г. Санкт-Петербург, 2018 г.); VI Международная конференция ЦЭИ ИМЭМО РАН и Факультета международного энергетического бизнеса РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина «Глобальные энергетические и экономические тренды» (г. Москва, 2019 г.); Международная научная конференция «Третьи Ливенцевские чтения», «Трансформация системы современных международных экономических отношений в условиях постбиополярности» (г. Москва, 2019 г.); Международная научно-практическая конференция IX Абалкинские чтения «План и рынок – сочетание несочетаемого?» (г. Москва, 2019 г.); Международный научно-технический форум «Вторые международные Косыгинские чтения», «Экономические механизмы и управленческие технологии развития промышленности», (г. Москва, 2019 г.); Международная научная конференция «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы» (г. Санкт-Петербург, 2019 г.).

Диссертационная работа выполнена в рамках темы «Разработка концепции и моделирование сценариев эндогенного (внутреннего) экономического роста России в условиях западных санкций» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (отделение гуманитарных и общественных наук), проект № 16-02-00375а.

Результаты исследования использовались в учебном процессе, при подготовке выпускных квалификационных работ, а также при создании программ учебных курсов «Мировая экономика», «Глобальные финансовые и товарные рынки», «Международная энергетическая интеграция», «Энергетическая интеграция государств ЕАЭС» и др. для студентов и аспирантов экономических специальностей.

Результаты были использованы при разработке направлений развития

бизнеса Группы «Интер РАО» в рамках внешнеэкономической деятельности в части взаимного сотрудничества России и Казахстана, в контексте формирования единого энергетического рынка в евразийском регионе, а также создания глобальной энергетической сети GEIDCO.

Публикации результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 46 научных работ в России и за рубежом общим объемом 57,4 п.л. (авторских – 45,11), в том числе две монографии (индивидуальных), два учебных пособия (в соавторстве), 21 статья в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, 10 статей в международных базах цитирования.

Структура работы определяется целями и задачами исследования, а также использованной методологией. В составе диссертации – введение, 5 глав, включающих 19 параграфов и заключение, содержащее результаты исследований и обобщенные практические рекомендации. Список литературы состоит из 348 позиций. Текст диссертации представлен на 301 странице, содержит 46 таблиц, 25 рисунков.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1 Генезис теорий международной экономической интеграции

Понятие интеграции в широком смысле было заимствовано в экономику из философии и естественных наук. В общем смысле интеграция (от лат. *integratio* – восстановление, целостность, *integer* – целый) – означает часть процесса развития чего-либо, в ходе которого ранее разрозненные элементы объединяются в единое целое [145]. Понятие интеграции также является важным элементом системного подхода и общей теории систем [25].

В процессе формирования и накопления научных знаний, понятие интеграции приобрело множество смыслов и определений. Экономическая интеграция в общем смысле обозначает объединение различных по своим качествам и свойствам экономических субъектов с целью образования укрупненной экономической общности. Как правило, речь может идти об экономической интеграции государств (международная экономическая интеграция), экономической интеграции внутри компаний или между компаниями (корпоративная интеграция). Для начала целесообразно рассмотреть подробнее научные подходы и этапы теоретического осмысления международной экономической интеграции.

Исследование интеграционных процессов в международной экономике имеет достаточно продолжительную историю, по мере отсчета которой научное сообщество обогащалось целым комплексом специфических и более общих теорий интеграции. Большая часть этих теорий формировались и развивались на протяжении XX столетия, в результате чего был создан целый пласт научного знания о природе и причинах экономической интеграции государств. Исторически сложилось два ключевых теоретических подхода к изучению и объяснению

интеграционных процессов – институциональный и федералистский. Ни тот, ни другой нельзя считать единообразной, монолитной научной школой, поскольку как в системе институционального, так и в системе федералистского подхода существует множество течений и точек зрения различных ученых, и, кроме того, теоретические концепции продолжают эволюционировать и совершенствоваться благодаря трудам ученых современности.

Впервые интеграционная идея получила научное оформление в трудах британского исследователя Давида Митрани в годы Второй мировой войны. В 1943 г. он опубликовал статью «Мир и функциональное развитие международной организации» [238, с.32-37], в которой обосновал неэффективность создания любой политической надгосударственной надстройки, обгонявшей по интенсивности развития экономическое сотрудничество между интегрирующимися странами. Размышляя о возможностях устройства системы международных отношений после второй мировой войны, Д. Митрани сделал вывод, что национальные государства не способны объединиться в какие-то эффективные сообщества до того, как произойдет интеграция их экономических систем. В качестве доказательства своей точки зрения он приводил неудачный опыт работы Лиги Наций, участники которой не имели экономического фундамента для сотрудничества.

Такая точка зрения была новой для мирового научного и политического сообщества. До того времени практически общепринятым считался подход, который известен под общим названием федералистского. Федерализм считается самой старой концепцией интеграции [144]. Выражением сути федерализма являются принципы согласия, партнерства, доверия и компромисса. Применительно к европейской интеграции федералистская интеграционная концепция предполагает синтез установки на объединение Европы и принцип разделения властей, заимствованный из теории государственного управления.

Согласно федералистской теории, источником объединения служат в первую очередь общее наследие и совпадение интересов государств, а принцип разделения властей призван характеризовать институциональную форму объединения. Этот

аспект имеет первоочередное значение для любого современного интеграционного процесса, поскольку настоящее объединение невозможно без реализации формальных законодательных мер по созданию стройной структуры институционального управления.

При этом, упоминая федерализм, нужно различать федерализм как теорию интеграции и федерализм как форму государственного устройства. Несмотря на то, что это родственные понятия, федерация как принцип организации подразумевает заложенное в конституции государства распределение полномочий между национальными (федеральными) и местными (муниципальными) властями. Примерами государств с федеративным устройством являются Австралия, США, Канада, Германия, Россия, и ряд других стран. При этом степень децентрализации власти внутри федеративного государства может быть разной: от широкой автономии и автаркии союзных регионов в рамках конфедерации, до сильной вертикали власти и ведущей роли центра в сплоченной федерации.

Федералисты-теоретики, такие как Г. Бругманс, П. Дюкло и другие видели цель интеграции в том, чтобы организовать союз людей в рамках одного политического объединения в противоположность союзу отдельных государств [182]. При таком подходе подразумевается, что федеративное устройство подразумевает ценностное и идеологическое единство граждан такого государства. В федеративном государстве, в отличие от унитарного, у местной власти есть своя властная сфера и сфера ответственности, определенная свобода в принятии управленческих, политических и экономических решений. При этом регионы остаются частями в составе единого государства, не располагая собственным национальным суверенитетом и не являясь субъектами международного права, хотя это зачастую не мешает им обладать собственной уникальной национальной, культурной и исторической идентичностью.

Федералистская теория является крайне государствоцентричной, так как стремится максимально приблизить структуру интеграционного объединения к модели государственного устройства. На практике федералистский подход стремились реализовать отцы-основатели европейской интеграции – Жан Монне и

Робер Шуман [167; 255]. При этом федералисты остаются тверды в убеждении, что государство и система государств в мире как форма общественной жизни и политического устройства не может быть заменено каким-либо иным структурным порядком [239]. В конечном счете, федералисты стремятся к воссозданию формата национального государства в наднациональных масштабах, перенеся на наднациональный уровень хорошо известную государственную систему «сдержек и противовесов» между различными ветвями власти.

При этом наднациональная структура подразумевает особенный способ взаимодействия государств, при котором каждый из членов интеграционного объединения по отдельности не сможет полностью контролировать происходящее в интеграционном объединении. Таким образом, интегрирующимся государствам приходится поступаться своим национальным суверенитетом вопреки собственным предпочтениям, подчиняясь решениям наднациональных органов.

Федерализм сыграл важнейшую роль в становлении и развитии научно-теоретического осмысления интеграционных процессов в мире после Второй мировой войны. Однако работы Д. Митрани и ряда других ученых сформировали оппонирующую теорию, которая научно обосновывала возникновение сначала общих региональных рынков, а затем общего мирового рынка и, соответственно, транснациональных корпораций как основных субъектов новой системы.

В противоположность культивируемой до этой идеи создания некой надгосударственной (т.е. федеральной) организации, которая бы управляла мировым развитием и сглаживала бы острые углы международных отношений, способствуя сближению и интеграции государств, Д. Митрани выдвинул идею альтернативной интеграции, что фактически означало разделение научного сообщества на две ветви: федералистскую и функционалистскую. Таким образом, именно с теории Д. Митрани берет начало не только школа функционализма в теории международной интеграции, но и известное противостояние федералистов и функционалистов. Данное разделение интеграционных теорий, не смотря на их многомерность и весомость, и вплоть до настоящего времени является основным.

Секторальный подход и экономическая выгода – это принципиальные моменты функционалистской теории интеграции. По мнению Д. Митрани интеграция национальных государств возможна и будет ограничиваться лишь путем фокусирования интеграционного внимания на приоритетных, т.е. наиболее выгодных с экономической точки зрения направлениях сотрудничества, в чем собственно и заключается принцип секторальности. Работы Д. Митрани и его современников, как поддерживавших его, так и оппонировавших ему, не были умозрительными теоретическими исследованиями, но ставили своей целью вполне конкретные задачи в области, как мы теперь понимаем, международной экономической интеграции, что было связано с послевоенным возрождением и объединением Европы. Необходимо было сосредоточить усилия на обеспечении машиностроения металлургическим сырьем и энергией, поэтому, закладывая в фундамент сотрудничества выгоды развития угольной и сталелитейной промышленности, в Европе создали широкую платформу для совместного обеспечения экономического роста. В этом и заключалась идея интеграции по функциональному признаку, т.е. путем извлечения выгод совместного экономического развития в фундаментальных направлениях, можно будет постепенно переходить к последующим технологически или экономически связанным секторам, и таким образом интеграция распространится на всю экономику сотрудничающих государств. Фактически будет создана новая совместная экономика, где компании одной и другой страны будут фактически единой структурой.

Реализуя свою идею функциональной интеграции Д. Митрани фактически подвел логическую черту под результатами развития мировой экономики в ее классическом понимании, т.е. углубление разделения труда ведет к интеграции рынков и устранению национальных государств с карты общественных отношений [237]. Развитие научно-технологического прогресса (НТП) и соответственно углубление разделения труда усложняет производственные процессы, расширяя кооперацию, в рамках мировой экономики, чему со временем начинает мешать национальная замкнутость государств. Теория Д. Митрани органично вписалась в

логику либеральной экономической школы мировой экономики, поэтому стала одной из основных среди теорий интеграции.

Значительный вклад в развитие теоретического осмысления интеграционных процессов внесли и многие другие ученые. Так, Якоб Вайнер впервые в истории разработал теорию таможенного союза и математически обосновал его экономическую выгоду для участников, а кроме того, обнаружил и обосновал потенциальные риски и убытки интеграции [267].

Эрнст Хаас в своих работах подчеркивал преимущества регионализма, а также доказывал важность общественной роли технократии, экспертного сообщества и бюрократии, которая необходима для управления сложными общественными процессами [223]. Неофункционалистская концепция Э. Хааса строится вокруг центральной идеи, которая заключается в том, что интеграция, начавшись в одной отрасли, постепенно распространится на все прочие. Конкретный результат в одной сфере порождает цепочку последовательных изменений в смежных и сопутствующих сферах, приобретая различные формы: функциональную, политическую или культивированную. Роль бюрократии в качестве агента интеграции в данном случае оказывается чрезвычайно важной.

В 1960-х годах американский экономист венгерского происхождения Белла Баласса разработал теорию развития универсальной интеграции [171; 169], предусматривающей набор стадий, которые должна в той или иной форме пройти любая интеграционная общность: от зоны свободной торговли до политической интеграции.

В действительности зона свободной торговли является слабым и довольно уязвимым структурным объединением, потому что позволяет экспортерам третьих стран обойти национальное таможенное законодательство, ввозя товары только через ту страну, которая устанавливает наиболее низкие уровни таможенных пошлин. Создание таможенного союза и общего рынка снимает эту проблему, однако для перехода на этот этап требуется больше усилий. Сегодня в мире существует множество таможенных союзов, однако экономический и валютный союз в настоящее время функционирует только в Европе – Европейский Союз (ЕС),

а в перспективе он должен появиться в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Лиссабонский договор 2009 года формально превратил ЕС в политическое интеграционное объединение, однако даже среди самих его членов это утверждение сегодня остается спорным [23].

Одной из популярных альтернативных теорий интеграции стал так называемый либеральный межправительственный подход (ЛМП), развитие которого связывают с исследованиями Э. Моравчика [240]. Его теория напрямую исходит из рационального институционализма, являющегося источником большинства теорий международных отношений. Э. Моравчик фактически разделяет анализ на три уровня: мезо-, макро- и микро-, в соответствии с чем определяет различные движущие силы интеграции, а также механизм их взаимодействия. На макроуровне основными игроками являются национальные государства и их правительства, которые действуют исходя из рационального расчета своих выгод и издержек. На микроуровне формируется социально-экономическая среда, в которой активно действуют предприниматели, производители и потребители товаров и услуг, также стремящиеся к реализации своих целей и получению выгод, причем, активно взаимодействуя с правительством. Мезоуровень возникает в ходе развития взаимных отношений между правительствами и участниками социально-экономической среды. Развивая свою теорию, Э. Моравчик приходит к выводу, что интеграция является обычным явлением международного развития или универсальным международным режимом, не обладающим какими-либо уникальными особенностями. Он объясняет интеграционные процессы как результат серии рациональных выборов, осуществленных национальными лидерами и правительствами, как реакции на запросы, сформированные бизнес-сообществами стран, при учете преимуществ тех или иных интегрирующихся государств в экономическом, институциональном или прочих отношениях.

В теории интеграции можно выделить и ряд других подходов, которые к настоящему времени еще не полностью сформировались: это сетевой, дискурсный подход, теория гибкой интеграции и ряд других [236; 269]. Среди недавних

крупных работ можно выделить исследования российских ученых – А. Либмана и Б. Хейфица [82], в рамках которых они развивают близкий к неофункциональному подход к интеграции. Авторы формируют матрицу интеграционных моделей, среди которых производится разделение на модели интеграции «сверху» и модели интеграции «снизу». В итоге она становится процессом встречного давления на рынки, в результате чего они интегрируются, развивая тем самым экономическую интеграцию, а за ней и политическую.

Кроме того, важно подчеркнуть, что понятие международной экономической интеграции неразрывно связано с понятиями интернационализации, глобализации и регионализации. Эти понятия объединяет то, что все они обозначают усиление взаимосвязей между отдельными государствами и обществами в различных областях: политике, экономике, социально-культурной сфере, области права и т.д. Данные понятия также предполагают развитие коммуникаций, развитие транспортных, энергетических и трубопроводных сетей, систем связи, многократный рост взаимного товарообмена, торговли услугами и обмена технологиями, рост инвестиционных потоков, активную миграцию населения, и так далее.

В современном научно-политическом сообществе нет общепринятого определения глобализации и регионализации, единого взгляда на ее формы, сущность и временные рамки. Ряд исследователей, как российских, так и зарубежных, считают, что глобализация как процесс началась в последней четверти XX столетия, когда произошел прорыв в области информационных технологий, либерализация международных экономических отношений и торговли, резкий рост взаимозависимости и взаимосвязанности стран и регионов мира. Глобализация в рамках данного подхода понимается в качестве новейшей фазы интернационализации, началом процесса которой (то есть создания общего мирового хозяйства) считается эпоха Великих географических открытий [30].

Существует и другая точка зрения, согласно которой глобализация не является принципиально новым процессом, а развивается на протяжении нескольких тысяч лет истории человеческой цивилизации, принимая все более

сложные формы. Согласно этой точки зрения, глобализация началась еще с Шумерского царства, древних цивилизаций Индии и Китая, а также с Римской Империи. В данном понимании глобализация представляется как процесс трансформации пространственной организации мира, который сопровождается возникновением новых, все более сложных структур, определяющих функционирование человеческого общества и власти. В настоящее время глобализация приобретает новые качества, охватывая все сферы человеческой жизни и деятельности: возрастают объем и скорость потоков товаров, услуг и капитала, и одновременно – усиливается степень регулирования международных отношений, растет роль институтов и наднациональных органов управления, а отношения между странами и народами переходят в новое качество [78].

Несмотря на разницу в подходах к глобализации, можно выделить ряд ее универсальных черт. В первую очередь, глобализация напрямую связана и была бы невозможна без научно-технического прогресса и развития коммуникаций. Формирование в конце XIX столетия единого мирового хозяйства стало возможным только благодаря промышленной революции, строительству сети железных дорог, изобретению телеграфа, телефона, реализации первых международных мегапроектов, таких как прокладка трансатлантического телеграфного кабеля, и так далее. В XX столетии появление персональных компьютеров, а затем и создание сети Интернет открыли эру информационных технологий, благодаря чему сегодня средства массовой информации, финансовые рынки, международные системы расчетов и многие другие институты работают в режиме постоянного взаимодействия и взаимозависимости в реальном времени [97].

Кроме того, глобализация подразумевает рост открытости общественных систем, устранение различных барьеров на пути перемещения товаров, услуг, капитала, технологий и людей. В процессе глобализации происходит все более интенсивный культурный обмен между нациями, распространение и универсализация моделей социального и политического устройства, методов экономического регулирования и способов хозяйствования [30]. Этому в большой

степени способствует деятельность крупных международных экономических организаций. Так, Всемирная торговая организация (ВТО) поощряет рост мировой торговли, создание безбарьерной среды для перемещения товаров и капитала. Всемирный банк (ВБ) и Международный валютный фонд (МВФ) участвуют в регулировании и распределении денежных потоков, в результате чего многократно увеличиваются объемы международного финансирования и инвестиционные потоки, и так далее.

Следствием глобализации стало кардинальное изменение системы международных отношений и миропорядка в наше время. Возникают принципиально новые центры политического влияния, структуры управления и институты. Все более спорным является вопрос о значимости роли государства в международных отношениях, поскольку транснациональные корпорации (ТНК) и лавинообразно растущие неправительственные организации превратились в важнейшую составляющую мировой экономики и политики. С этой же стороны, интеграционные объединения государств, вероятно, являются новым витком развития системы международных отношений.

Помимо положительных аспектов глобализации, существует и ряд негативных. Так, глобализация, очевидно, ведет к возникновению новых рисков. Снятие барьеров, прозрачность национальных границ, а также размывание традиционных культурных, идейных и религиозных границ и ценностей представляют собой существенную угрозу для мирового сообщества. Безбарьерная среда хороша не только для взаимовыгодного сотрудничества и реализации прав и свобод человека, но она же, к сожалению, создает условия для распространения финансово-экономических кризисов в мировом масштабе, роста торговли наркотиками и незаконной торговли оружием, незаконной миграции и диспропорционального распределения населения. Именно глобализация породила терроризм как международную системную угрозу, обострила проблемы самоидентификации личности, национальной идентичности, что резко повысило риск межэтнических и религиозных конфликтов. Бурный технологический прогресс, усиление рыночной конкуренции и стремление корпораций к

максимизации прибыли любой ценой порождает все больше угроз для здоровья человека и окружающей среды и т.д.

Таким образом, нельзя говорить о том, что глобализация способна гарантировать лучшую жизнь каждому народу и каждому человеку. Преимущества глобализации охватывают далеко не все регионы мира и распределяются неравномерно. Выделение развитых и развивающихся государств, «центра» и «периферии» – объективная черта процесса глобализации, а также процесса регионализации – то есть, обособления отдельных регионов в политическом, экономическом и социокультурном плане [208]. При этом особую важность приобретают те интеграционные процессы, синергетическая сущность которых может позволить обернуть глобальные процессы в полезное русло для ее участников.

Подробно изучив историю создания, а также генезис развития многих интеграционных объединений, мы можем выделить семь основных признаков международной экономической интеграции.

Во-первых, международная экономическая интеграция является игрой с положительной суммой, что означает получение выгод не только каждым участником интеграционного процесса, но и общностью в целом. То есть ожидается получение синергетического эффекта, предполагающего получение особых преимуществ для государств-членов, невозможного при деятельности поодиночке.

Во-вторых, по сути, интеграционная общность обособливается как новая единица в мировой экономике, внутри которой создается безбарьерная среда, при которой автоматически появляются барьеры снаружи, общие для всей группировки.

В-третьих, международная экономическая интеграция может быть исключительно сознательным и добровольным процессом. Силовое объединение территорий, создание империй или тоталитарных систем не может считаться интеграцией. Но при этом интеграция подразумевает политическую составляющую в виде обязательного участия правительств государств, а усиление

взаимозависимости (в результате активной внешней торговли, и т.п.) не может считаться интеграцией.

В-четвертых, международная экономическая интеграция затрагивает внутреннюю и внешнюю политику государств-членов. Так, в ЕС существуют общие законы, единые правила конкуренции и принципы государственной бюджетной политики, единый институт гражданства, и так далее. Интеграция перерастает трансграничные отношения и процессы, проникая в политическую и экономическую системы государств-членов, приводит к структурным изменениям. По этой причине деятельность международных организаций (например, ВТО) нельзя считать интеграцией.

Также, в отличие от международных организаций, которые действуют в основном в одном узком направлении, международная экономическая интеграция проникает во все области и сферы деятельности, оказывая воздействие на экономику, экологию, политику, культуру и т.д.

Помимо этого, в рамках международной интеграции создается механизм общих норм и правил, а также коллективного принятия решений. То есть, подразумевается формирование общей институциональной надстройки и нормативно-правовой базы для всех членов. При этом чем выше степень интегративности (более высокая ступень региональной интеграции), тем более вероятно существование наднациональных органов, у которых легитимность будет обеспечиваться за счет передачи некоторой части своего суверенитета от государств-членов общности.

Наконец, интеграция должна базироваться на совместных будущих общих интересах ее членов, которые, как правило, опираются на общность культурно-исторического кода, а также предполагается, что все участники интеграционного объединения связаны взаимными долгосрочными стратегическими обязательствами в отношении друг друга [27; 83].

Существует ряд различающихся теоретических подходов к понятию международной экономической интеграции, но при этом необходимо помнить, что

во всех случаях признаком интеграции является наличие между ее участниками более тесных связей, чем с любыми партнерами извне.

Сегодня, рассматривая процессы международной интеграции неотрывно от процессов глобализации и регионализации, целесообразно выдвинуть новое определение интеграционной сущности. С одной стороны, как было отмечено выше, глобализация усиливает взаимосвязь между различными странами и регионами мира, а с другой – приводит к последующей регионализации. В этой связи интеграция видится как способ сознательного участия группы стран в глобальных процессах, укрепления позиций интеграционного объединения и обеспечения ее участникам, максимально благоприятной стратегической перспективы. Именно процесс интеграции предоставляет возможность максимально эффективно использовать преимущества глобального мира, при этом являясь цивилизованным и осознанным способом самообособления, то есть регионализации в положительном смысле [218].

Для достижения стратегических целей, поставленных перед интеграционным сообществом, как правило, нужно перманентно решать три наиболее важные задачи. Во-первых, необходимо укреплять позиции интеграционной группировки на мировой арене, во-вторых, обеспечить политическую и макроэкономическую стабильность внутри интеграционного объединения, и, наконец, достичь устойчивого развития экономики и роста благосостояния населения. Кроме того, считаем целесообразным выдвинуть в число приоритетов интеграции сохранение общего культурного кода, защиту, упрочение и распространение общих ценностей.

Одно из основных предназначений международной экономической интеграции – снятие внутренних барьеров при укреплении внешних защитных рубежей. Например, в случае с созданием Таможенного Союза, его участники могут пользоваться как преимуществами внутреннего пространства для свободной торговли, так и защитить себя таможенным барьером от третьих стран. Это, очевидно, дает преимущества местным производителям, защищая их от влияния конкурентов и позволяя укреплять позиции на внешних рынках.

Одной из основных причин стремления Европы к интеграции после Второй мировой войны являлось желание не допустить возможности новых военных действий на Европейском континенте [182; 272; 182]. Став при этом участниками интеграционного объединения, государства принимали на себя не только экономические и политические обязательства, но также и определенный кодекс добрососедства, а усиление экономической взаимозависимости делает военные действия внутри объединения абсурдными по своей сути. Интеграция также ведет к снижению внутренних конфликтов естественным путем, сглаживая перепады экономической конъюнктуры.

Как уже отмечалось выше, процесс интеграции преследует цель в получении определенных выгод для всех своих участников, но в различных видах, исходя из экономических интересов государств [105; 126]. Это может проявляться в международной торговле – большая гибкость и независимость, эффективно используются различные механизмы поддержки собственных производителей, использование протекционизма и т.д. Все это, включая создание безбарьерной среды, дает возможность получать производителям эффект масштаба, увеличивая емкость внутреннего рынка. Снижая издержки производства, и наращивая объемы выпуска и продаж растет конкуренция внутри союза, что в свою очередь способствует проведению различных реформ в экономике и других сферах общественной жизни: как правило, единые либо наднациональные органы, априори обладают в глазах граждан большей легитимностью и весом, нежели государственные.

Анализ опыта деятельности интеграционных объединений в различных частях мира позволил выделить три общих принципа их построения.

Изначально сама интеграция является общей для всех ее участников с целью получения выгод и снижения издержек в свою пользу. Как правило, в этом процессе больше выигрывают более отстающие члены, получая дополнительные льготы и преференции. Но при этом, необходимо заметить, что сам интеграционный процесс требует глубокого анализа и проработки, поскольку результат его работы можно увидеть лишь спустя длительный временной отрезок

времени. На него оказывают влияние множество внешних факторов, влияние которых требует определенной приспособляемости и адаптивности. И насколько каждая страна-член региональной общности может быть гибкой и быстро реагировать на различные вызовы и сложности, будет зависеть ее успех.

Далее можно подчеркнуть, что процесс интеграции является поэтапным и взвешенным. Например, это весьма ярко прослеживается на примере интеграции в Европе, когда в 1956 году был подписан договор о создании ЕЭС шестью странами, а затем только через одиннадцать лет различных преобразований и трансформаций, а также всевозможных согласований нормативно-правовой основы, появился таможенный союз. А затем спустя еще тридцать пять лет в 1992 году произошел переход к общему рынку, а спустя еще десятилетие был сформирован валютный союз [94].

В качестве третьего принципа можно выделить то, что успешность интеграционного процесса практически полностью зависит от возможности договариваться участниками интеграции, эффективно коллегиально принимать решения, наличия у них практики компромиссов и согласований различных действий.

А также необходимым является то, что существуют разные взгляды у отдельных стран на некоторые проблемы, разногласия внутри региональной общности, а также постоянное воздействие внешних факторов, которые приводят к постоянным противоречиям, требующим внимания и учета при разработке стратегических решений.

Изначально, существует противоречивость между различными интересами на уровне отдельных участников и всей общности. Вспоминая общеизвестный практический опыт развития ЕС, можно отметить, что при формировании ЕОУС не всеми странами-участниками была поддержана инициатива по ликвидации торговых барьеров. Так, Бельгия и Франция из-за опасений не выстоять в конкурентной борьбе, были обеспокоены защитой интересов национальных предприятий, в частности шахт и металлургических комплексов, не поддержали эту инициативу [193].

Также можно выделить противоречие, которое появляется в ходе интеграционного процесса, между полномочиями наднациональных органов и суверенитетом стран-участников. Возвращаясь к опыту ЕС, по мере исторического развития которого, ряд вопросов, находившихся в ведомстве именно наднациональных органов, постоянно возрастал. И национальные правительства стран вынуждены были принимать все коллективные решения, зачастую идущие вразрез с собственными национальными интересами в определенных экономических сферах. Для разрешения такого противоречия, конечно же, возможно отказаться от принятия единогласных решений посредством голосования. Но, это решит проблему лишь частично. А внутри союза при этом будет расти потеря управляемости, которая затруднит процесс выработки правильных решений относительно реакции на внешние вызовы и многое др. Это противоречие является тяжело разрешаемым, поскольку, передача всех функций на наднациональное управление весьма сложный процесс.

Следующей противоречивостью интеграционного процесса можно выделить проблему «разных скоростей». Это так называемое противодействие интеграционного прогресса и целостности всей структуры. При поступательном развитии, углублении интеграции постоянно происходит реализация новых общих проектов, которые осуществляются странами совместно, и некоторые участники, в силу неспособности или нежелания участвовать в них, идут в разрез общему интеграционному вектору. Рассматривая вновь ЕС отметим, что такое противоречие проявилось при формировании валютного союза, поскольку некоторые страны не захотели перейти к единой валюте внутри региона [140]. И в настоящее время не всеми странами Европейского союза поддерживается евро и также не все страны входят в шенгенскую зону. Такая несогласованность несет определенные риски внутри ЕС, поскольку может привести к дезинтеграционным процессам в дальнейшем.

Далее, четвертое противоречие имеет отношение к взаимодействию власти и общества. Здесь можно говорить о конфликте между правоспособностью и дееспособностью интеграционного объединения, что *de facto* означает конфликт

между высшим руководством интеграционного объединения и общественным мнением. При успешном развитии интеграции осуществляется постепенная передача власти на наднациональный уровень, что на первых этапах, как уже было отмечено, повышает степень лояльности общества к принимаемым мерам и нововведениям, даже если они не столь популярны. Однако на более высоких стадиях гражданам становится трудно понимать общие цели и правила интеграционной группировки, так как их участие в процессе принятия решений существенно уменьшается (по сравнению с национальным уровнем). Это, в свою очередь, приводит к снижению общественной поддержки самой интеграции. Руководство интеграционного объединения может либо не учитывать мнение населения (однако, это противоречит демократическим принципам), либо намеренно замедлить темпы интеграции [233].

В последние годы отечественными исследователями было введено в комплекс теоретических концепций интеграции понятие принудительной экономической интеграции [20]. Принудительная экономическая интеграция подразумевает процесс формирования экономического объединения, участники которого не обладают равными правами и возможностями, и среди них выделяются доминирующие и зависимые субъекты. В таком объединении интеграционный процесс приносит выгоду доминирующей стороне (или сторонам), в ущерб экономическому и социальному развитию других участников, а также при ущемлении их политических интересов. При этом граждане зависимых государств, вовлеченных в процесс принудительной интеграции, подвергаются дискриминации, а их труд может оплачиваться ниже. Также происходит вывоз природных ресурсов и капитала из подчиненных государств, а местные производители вытесняются с рынка импортными товарами. Историческим примером принудительной экономической интеграцией можно считать колониализм [163], в современной мировой экономике некоторые элементы принудительной интеграции можно обнаружить, по нашему мнению, в действиях стран-лидеров ЕС по отношению в стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что на современном этапе развития мировой экономики все теории международной экономической интеграции в целом составляют комплексное представление об интеграции и интеграционных процессах. Все теоретические знания и накопленный практический опыт представляют собой успешную реализацию синтеза разных научно-теоретических подходов при формировании и развитии многих действующих региональных объединений.

Подчеркнем, что процесс международной экономической интеграции является весьма длительным, происходит поэтапно, постепенно, требуя огромных усилий от всех стран-участников. И, решая все противоречивые моменты между собой, приходя к консенсусу, интеграция в итоге позволяет этим странам получать синергетические эффекты и уникальные выгоды от этого процесса. Но все эти преимущества достигаются лишь при равноправном участии всех стран, их добровольном желании и позволяют в итоге получать ими комплексные конкурентные преимущества на мировом рынке, позволяя занимать более высокие позиции и рейтинги.

1.2 Синергия и противоречия глобализации и региональной экономической интеграции

Согласно результатам современных исследований протекания международных экономических процессов – глобализации, признано то, что в настоящее время происходит усиление взаимозависимости экономик стран, а также отводится особая роль для взаимообмена между нами, как стимула их ускоренного экономического роста. При этом постоянно предлагается поиск возможных путей реализации национальных экономических интересов и взаимовыгодного экономического сотрудничества государств, имеющих разновеликий и разнокачественный экономический и технологический потенциал [53].

Некоторые ученые объясняют усиление развернутых процессов глобализации за счет либерализации внешнеэкономических отношений, зависящих от перелива капитала, снижения торговых барьеров на многосторонней основе, свободной миграции и т.д. [88]. По мнению российского специалиста в области инновационной экономики и интеграционных процессов С.Ю. Глазьева, глобализация является объективным процессом формирования единого мирового экономического, информационного и гуманитарного пространства [38]. Другой российский ученый – Ю.В. Шишков, определяет глобализацию как новую, более развернутую стадию развития давно известного процесса интернационализации разных аспектов гражданской жизни: экономических, политических, культурных, конфессиональных и т.п. [159; 158], а исследователи И. Осадчая и Г. Шахназаров практически сводят к знаку равенства понятия глобализация и интернационализация и видят в первой из них всего лишь «заключительную фазу» второй [94; 155]. При этом, по мнению Н. Косолапова, историко-революционной подготовкой перехода к глобализации во второй половине XX в. явилась интернационализация общественных взаимоотношений, а формирование этого явления он видит как процесс, происходящий в направлении: «интернационализация – единый и целостный мир – глобализация» [78].

По нашему мнению, в реальной действительности не всегда возможно в чистом виде выделить этапы интернационализации, интеграции и глобализации мировой экономики, можно выявить лишь их основные тенденции. Эти процессы не являются взаимоисключающими и зачастую проявляются одновременно в определенной степени. Причем глобализацию и интеграцию (локализацию, регионализацию) в настоящее время можно определить, как формы явлений в мировой экономике, источниками развития которых являются именно интернационализация и региональная интеграция, что подтверждается в проведенных нами ранее исследованиях [110; 118; 115; 158].

По утверждению ряда специалистов специфика современной глобализации в экономическом смысле проявляется в следующих процессах: резком возрастании роли интернационализации процесса общественного воспроизводства на

национальных уровнях (с учетом самостоятельности воздействия и преобладании во многих странах мира внешних тенденций развития над внутренними); интенсивном укреплении международных экономических связей, как стран, так и регионов [151; 160].

Явление противоречивости процессов глобализации и регионализации исследуется в работах С.Ф. Сутырина [130; 131], где он выделяет среди современных тенденций их развития рост взаимодействия торговых экономических соглашений (ТЭС), одновременное участие стран в нескольких интеграционных группировках, а также тенденцию к внешней экспансии со стороны ТЭС.

Многогранность влияния глобализации на различные сферы общественной жизни, в том числе экономику, политику, идеологию, социальную сферу, культуру, экологию, национальную безопасность, образ жизни и т.д., а также деятельность в области международных отношений подчеркивается в работах И. Владимировой [283]. Ею отмечается, что глобализационные процессы усиливают взаимозависимость и взаимовлияние всех участников процесса. Такое разностороннее влияние объединяющего процесса с одной стороны может способствовать повышению экономического уровня государств, а с другой – являться для них неожиданным, требующим определенного уравнивания для состояния развития. Именно в поисках такого баланса и возникают парадоксы [79]. Так, например, растущее влияние демократии в мире не всегда является необходимым для некоторых стран (Китай), играющих не последнюю роль в мировой экономике (политический парадокс). Например, разрушение Берлинской стены положило начало новому развитию страны. Экономическая интеграция не уравнивает страны по степени экономического развития, то есть существуют страны как выигравшие от процессов глобализации, так и пострадавшие, находящиеся в худшем экономическом положении, чем были ранее (экономический парадокс). К экономическому парадоксу глобализации [54], можно отнести успех слаборазвитой Индии, ставшей одним из лидеров мировой экономики. Глобализация ведет страны к экономической интеграции, но не

приводит к их к одинаковому уровню экономического развития. В Индии более 50 миллиардеров, но более миллиарда людей пребывают за чертой бедности. Кроме того, глобализация может способствовать созданию скорее разнообразной культуры, чем однообразной, а укрепление культурных этнических традиций будет выступать в противовес всемирной универсальной культуре (социально-культурный парадокс).

Отмечается, что возрастание экономической взаимозависимости стран вследствие глобализации экономических связей может стимулировать значительный рост уровня развития экономических систем (от государственного до мирового) [101; 106]. Полагаем, что кроме того для интеграционных процессов характерно постепенное «исчезновение» или «стирание» границ государств, что предполагает развитие региональной интеграции и усиление роли регионов в мировой экономике.

В концепции Н. Косолапова [78], процесс регионализации определяется как основная современная тенденция глобализации, явившаяся в свое время ее активатором. Схожая точка зрения, совпадающая с нашими взглядами, отражается в работах Н. Навроцкой, которая отмечает, что современное мировое хозяйство в процессе глобализации, развивается в направлении усиления интеграционных процессов и приводит к активизации процессов региональной интеграции [91].

Напротив, Н. Ивановым подчеркивается противоречивость этих процессов, с одной стороны, регионализация является производной от глобализации, а с другой – автор отмечает что формирование региональных блоков, наоборот ослабляет глобализацию [73]. Такой же точки зрения придерживаются и зарубежные авторы Р. Гросс и Д. Кудзава, считающие, что процесс регионализации – это развитие взаимных экономических связей (производственных, коммерческих и т.д.) внутри региональной общности, которые обособляют этот регион как отдельную единицу и, тем самым подтверждают противоположность этих понятий [219].

В своих трудах Ю. Шишков подчеркивает сочетание объективных движущих сил и субъективных факторов региональной интеграции, которое в рамках интеграционного объединения приводит к значительной интенсификации

процессов сближения и взаимоприспособления национальных хозяйств [157]. Особая заслуга М. Мунтяна заключается в том, что им были выделены группы факторов и степень их влияния на региональную интеграцию: экономические факторы, составляющие основу региона и ускоряющие процесс региональной экономической интеграции; политические факторы, результатом которых является региональная интеграция; а также факторы, носящие предпосылочный характер (географический, социально-психологический, культурологический) [90]. В целом отечественными учеными делался упор на изучение закономерностей межотраслевого и внутриотраслевого разделения труда, выявления процессов международного взаимопроникновения факторов производства и переплетения национальных воспроизводственных процессов. Региональная интеграция, по их мнению, включает в себя: торговлю, производство, распределение, обмен, потребление с учетом исторических и национальных особенностей и специфики стран, участвующих в интеграционных объединениях. При этом регионализация представляется как сложный, многоплановый и многоаспектный исторический процесс, зарождающийся в наиболее развитых странах и регионах мира и постепенно вовлекающий в себя новые государства [46].

Все вышеизложенные подходы, с нашей точки зрения, отражают традиционные взгляды на процессы регионализации, не учитывая современные тенденции развития мировой экономики. В настоящее время, региональная интеграция видоизменяется, адаптируется к внешним изменчивым факторам и приобретает новые черты. И, конечно же, именно новые направления ее развития определяют смену экономических интересов стран-участников интеграционного процесса, их трансформацию и архитектуру. Она носит противоречивый характер, если ранее, региональная интеграция рассматривалась как этап на пути к глобализации, то в настоящее время большое количество группировок развивается в противоположном направлении, в сторону локализации [93; 260].

Современные работы авторов также отражают эти тенденции. Например, в трудах Н. Промского, рассматриваются набирающие силы интеграционные

процессы, характеризующиеся неоднородностью по степени интенсивности в зависимости от их географического расположения [101]. Он подчеркивает, что при постепенном росте либерализации национальных рынков присутствует неодинаковая интенсивность этого процесса, но при этом отмечается, что формируются интеграционные объединения государств, примерно одинакового уровня экономического развития.

По мнению Е. Хесина, региональная интеграция представляет собой организацию производства и рынка в определенном географическом пространстве [151]. В его теории выделяются наиболее характерные черты региональной интеграции: географическая близость, регулярность, интенсивность и место взаимодействия. Вместе с другими исследователями Е. Хесин, как и многие другие авторы, обращает внимание на противоречивость процесса региональной интеграции, отмечая, что она одновременно может с одной стороны являться этапом на пути к глобализации, а с другой – ослаблять механизмы регулирования в рамках международных организаций, учитывая в большей степени интересы стран-участников этого процесса. В этой связи отдельный регион предлагается рассматривать в контексте его способности действовать в качестве участника, то есть выявлять степень его региональности (региональной контактности). И чем выше этот комплексный показатель, тем более высоким может оказаться уровень экономических взаимосвязей.

На наш взгляд, современная региональная интеграция развивается с высокой степенью интернационализации производства на основе углубления устойчивых экономических, в том числе производственных связей. При этом региональная интеграция одновременно стимулирует процессы объединения разных государств и замедляет темпы глобализации, поскольку растет степень обособленности региональных общностей, развиваясь и конкурируя между собой [122].

Учитывая, что по мнению многих специалистов [98], в настоящее время мировое сообщество переформируется из однополярного состояния в многополярную конфигурацию, то приоритетная роль отводится именно региональным объединениям, с чем мы также согласны. В условиях

многополярности, важным является понимание современных форм и новых направлений переориентации стран в процессе региональной интеграции и факторов, влияющих на развитие при этом производственных связей [114].

Основываясь на проведенных исследованиях [112; 172], нами выделена группа факторов, которые играют, по нашему мнению, определяющую роль при развитии интеграционных процессов между странами (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Внешние и внутренние факторы, оказывающие влияние на процессы развития региональной интеграции

Источник: составлено автором.

Очевидно, что воздействие представленных факторов на страны, участвующие в интеграционных процессах, несмотря на многочисленность, разнородность, разноразностность и различные экономические интересы, преследуют практически одинаковые цели.

Некоторыми авторами в научных работах подчеркивается, что рост регионализации, предполагающий расширение за счет новых участников, не обязательно с одинаковым экономическим уровнем развития, благоприятно влияет на степень их адаптивности внутри общности и способствует повышению конкурентоспособности, несмотря на то, что каждая страна при этом преследует свои особые цели и интересы [26]. Так, А. Бойченко утверждает, что именно региональная интеграция способствует укреплению позиций государств на мировой арене. По ее мнению, развитые страны хотят с помощью регионализации занимать господствующее политико-экономическое положение в мире, а развивающиеся пытаются защититься, укрепить национальную безопасность и интересы. Автором также выводятся новые характеристики современной региональной интеграции. Она указывает на изменение скорости и форматов отношений, причем подчеркивая, что это процесс разноформатный и разноскоростной [26].

Следует отметить что в условиях глобализации, по мнению многих авторов Н. Промского [101], В. Шерова-Игнатъева [156], А. Попович [311], и М. Худаловой [153], имеет место неравномерность интеграционных процессов. Неравномерное развитие процессов региональной интеграции происходит под влиянием создающихся целостных хозяйственных региональных объединений или комплексов, имеющих общие наднациональные и межгосударственные органы управления. Согласно данным исследований В. Шерова-Игнатъева, развитие региональной интеграции происходило в два этапа: «горизонтальная и широтная» (1950–1960 гг.), примерами которых служат ЕАСТ, ЕЭС, и как второй этап (вторая половина прошлого столетия), автор выделяет «меридиональную интеграцию», примерами которой являются АТЭС и НАФТА [156]. Но при этом автором подчеркивается возможность формирования регионов под влиянием

институциональных соглашений (ЕС), интеграции рынков (АСЕАН), или же симбиоз нескольких моделей. Такая же точка зрения у М. Худаловой, отмечающей, что в условиях развития глобализации, регионализация постепенно становится закономерностью [153].

Экономист Е. Хесин подчеркивает, как и многие другие ученые, противоречивость интеграционных процессов, выделяя регионализацию как этап глобализации, и одновременно отмечает, что особые интересы отдельных участников региональных общностей создают определенные препятствия для действий международных организаций, ослабляя их [151].

В исследованиях Ф. Ломбарде и Л. Лангенхова [195], регионализация – это процесс зарождения целостных территориальных систем в мировой экономике, усиливающий тесные внутрисистемные связи. Также он способствует формированию новых структур наряду с уже действующими форматами. Х. Гинкель высказывает мнение о том, что такой процесс нацелен на усиление взаимозависимости стран, росту их сотрудничества под воздействием факторов экономической среды, с чем мы также можем быть согласны [266].

В своих работах С. Клар и А. Нельке, дают определение регионализации как объединяющему процессу стран в единую систему, который происходит по мере их готовности к такой трансформации, при этом каждое государство преследует свои национальные интересы. Приоритетным ими выделяется взаимодействие деловой среды, как основы экономического интереса [189].

При этом многие отечественные специалисты придерживаются точки зрения, что это многофункциональное явление, очень сложное, которое включает в себя увеличение плотности производственных связей и других взаимоотношений, как на корпоративном уровне, так и на субрегиональном, в центре которого стоят экономический интерес страны и целесообразность [82; 104; 154; 160; 324]. В частности, Г. Дендак отмечает [56], что регионализм проявляется в виде усиления конкурентной борьбы, и при этом выступает как объединение государств для реализации национальных интересов и повышения конкурентоспособности всей группировки и отдельно каждой страны.

Однако, проведя анализ множества источников [207; 224], можно отметить, что в научной литературе остается открытым вопрос о масштабности регионализации, о том, какой оптимальный размер должен иметь региональный блок (группировка). Так, например, в работе Дж. Албертина была разработана известная модель Гроссмана-Хелпмана [165], согласно которой решение об интеграционном расширении принимается на основе политической конъюнктуры [224]. Предлагаемая модель оперирует помимо политических, другими факторами (размером, масштабностью, равновесием, благосостоянием граждан и т.д.). То есть, предлагается своеобразная модель равновесия всех действующих сил, основанная на спросе и предложении в членстве данной группировки, в которой рассматриваются и оцениваются потенциальные возможности расширения этих отношений. Другими словами, каждая страна, обладая определенным производственным потенциалом, для получения дополнительных эффектов, занимает какие-то позиции в мировой экономике и стремится их повышать, в том числе на основе региональной интеграции. Поэтому, мы полагаем, что рассмотрение путей, приводящих к повышению рейтингов отдельных стран за счет развития производственных и экономических связей путем вхождения стран в определенные группировки и анализ факторов, влияющих на этот процесс, возможно, а их дополнение, с учетом современных мировых тенденций является целесообразным.

Изучив множество существующих точек зрения относительно регионализации, ее понятия и сущности, в нашем исследовании мы будем определять этот процесс, как интеграционный, который возникает по мере усиления конкуренции при неоднородности мировой экономики, формирует единый региональный рынок для реализации на его пространстве национальных экономических интересов и получения синергетического эффекта для его участников в перспективе. По мере ее развития расширяется пространственно-институциональная среда, в рамках которой развивается взаимное сотрудничество и экономические связи [123; 124].

В ходе проведенного анализа статистического материала и данных

последних отчетов ООН, можно сделать вывод о том, что число стран, участвующих в процессах регионализации постоянно увеличивается. Цели их не всегда совпадают, но практически все государства стремятся получить дополнительные конкурентные преимущества и интеграционные эффекты. Самыми популярными и значимыми региональными объединениями в настоящее время остаются Европейский союз (ЕС), Соглашение Соединенные Штаты – Мексика – Канада (ЮСМКА), Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА) и т.д.

По нашему мнению, опыт регионализации таких развивающихся объединений, как АСЕАН, НАФТА/ЮСМКА, МЕРКОСУР свидетельствует о том, взаимовыгодное сотрудничество, то есть взаимодействие на микроуровне является первоочередным. От результативности развития экономических связей между компаниями, банками и т.д., зависит общий успех региональной интеграции, его прочность и получение дополнительных выгод.

Хотя, необходимо отметить, что в настоящее время, на процессы региональной интеграции сильное влияние оказывают экзогенные факторы, поэтому существует потребность в изучении основных тенденций развития мировой экономики.

Как свидетельствуют источники, в настоящее время наблюдается уход от формата многосторонних торгово-экономических блоков, к развитию двухстороннего международного сотрудничества (в основном зоны свободной торговли) [318; 348]. Как правило, такое направление упрощает взаимоотношения государств и дает им определенные свободы. Двухстороннее партнерство имеет свои преимущества, а именно: маневренность, гибкость, скорость принятия решений в узкоспециализированных экономических нишах и т.д. Такое сотрудничество развивается в основном между граничащими странами, которые стремятся получать, так называемый «эффект соседства». Зачастую одна сторона наиболее развита, а другая, наоборот. Можно привести множество примеров таких договоренностей между странами ЕС, или США со странами Азиатско-

Тихоокеанского региона или Южной Америки.

Нельзя не отметить современные противоречия, а зачастую и шоковые события, во многих интеграционных объединениях, оказывающих влияние на развитие интеграционных процессов. Так, среди крупных шоковых событий последнего десятилетия можно выделить, к примеру, распад тихоокеанских инициатив экономической интеграции (Trans-Pacific Partnership), которое было инициировано Б. Обамой в 2012 г. и должно было под эгидой США объединить в рамках зоны свободной торговли несколько десятков государств АТР. С началом президентства Д. Трампа, США отказались от участия в соглашении, что во многом лишило всю инициативу какого-либо экономического смысла и энергии для развития, несмотря на периодические переговоры о возможном возрождении проекта [340]. В целом политика Д. Трампа на посту президента США (остающихся одним из крупнейших игроков мировой экономики и политики) оказывает деструктивное воздействие на сложившийся миропорядок. Усиление тенденций протекционизма, согласно докладу Всемирного Банка, ведет к замедлению процессов торгово-экономической глобализации, наблюдаемое увеличение торговых барьеров между странами снижает темпы экономического роста отдельных государств и мировой экономики в целом. Произошедший в последние годы «разворот» от свободной торговли и взаимно вводимые протекционистские меры могут вызвать цепную реакцию, поскольку все большее число стран будут принимать аналогичные шаги для защиты национальной экономики в условиях ужесточения конкуренции. При этом зачастую, особенно в случае с США, экономическая де-либерализация торговли продиктована не только экономическими, но и политическими мотивами. Отдельным негативным фактором являются экономические санкции, которые, как показывает опыт, могут применяться рядом государств (в первую очередь, США) повсеместно, без реальной оценки их экономических последствий для собственного бизнеса и мировой экономики в целом [289]. Подобная ситуация повышает риски для компаний и инвесторов, и, в первую очередь, подталкивает их к консервативной политике при осуществлении инвестиций в новые промышленно-

производственные, комплексные и технологически сложные проекты, что в последствии приведет к негативным последствиям для многих стран [319].

Второй крупнейший шок – это уже фактически состоявшийся выход Великобритании из ЕС. «Брексит» является уникальным событием и создает критически важный прецедент в международном праве, поскольку процедура выхода из ЕС не была официально прописана ни в одном из базовых договоров о европейской интеграции, то есть, в принципе не подразумевалась и не считалась возможной. Выход Великобритании наиболее ярко говорит о том, что европейская интеграционная модель далеко не идеальна (как считалось в 1990-х – начале 2000-х гг.), имеет серьезные недостатки и дисбалансы и не является абсолютным ответом на вызовы экономического, политического и социального развития в современном мире. Вопрос о том, сможет ли ЕС после «Брексита» адаптироваться к новой реальности и найти необходимые внутренние ресурсы для развития, остается открытым. Если дезинтеграция Евросоюза продолжится, то велика вероятность катастрофического усугубления ситуации в мировой экономике и дальнейшее нарастание протекционистских тенденций, рост угроз экономической безопасности и уровня конфликтности.

В этой связи становится особенно важным еще одна мировая тенденция – общее снижение роли и авторитета международных организаций: обострившийся затяжной кризис ООН, неспособность международных организаций эффективно гасить политические и военные конфликты, содействовать развитию бедных государств и бороться с последствиями мирового экономического кризиса. Международные институты утратили авторитет и эффективные рычаги воздействия на государства, которые снова становятся ключевыми участниками системы международных экономических и политических отношений. Рост государствоцентризма, протекционизма и национализма говорит о кризисе, неэффективности существующего мирового экономического порядка как такового, то есть, фактически, о кризисе западной модели развития по либеральному образцу. Эта модель оказалась несостоятельной перед лицом ужесточения конкуренции считавшегося развитым западного мира с мощными быстроразвивающимися

державами, такими как страны БРИКС, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона – в первую очередь, Китаем, Россией, Индией и Ираном. Эти страны формируют альтернативную рациональность, которая лежит за пределами устоявшейся мейнстримной парадигмы экономического и политического мышления Запада – постиндустриализма, постмодернизма, информационного общества, прав человека, либеральной демократии и других компонентов. В первую очередь Китай и Россия олицетворяют глобальную альтернативу экономического и социального развития, которая противоречит западной и успешно конкурирует с ней в современных условиях. Крайне важно отметить, что речь не идет о столкновении идеологий, сегодня отсутствует какое-либо идеологическое противостояние по вопросам принципов общественного устройства, поэтому любые сравнения с противоборством коммунистической и капиталистической систем мы полагаем несостоятельным. Речь идет не о социально-политическом, а исключительно об экономическом поле, и очевидно, что мировая экономика требует перехода к некой новой, более эффективной и гармоничной модели развития. Однако для ее формирования необходим консенсус хотя бы между крупнейшими участниками мировой экономики; такой консенсус, однако, пока еще видится недостижимым, поскольку требует глубокого изменения парадигмы социально-экономического мышления в странах западного мира.

По нашему мнению, сущность формируемой экономической альтернативы как ответа на вызовы экономического и цивилизационного развития, является предлагаемая Россией и в целом поддерживаемая Китаем новая модель экономической интеграции государств, реализуемая в рамках общеевразийских проектов, в первую очередь – Евразийского экономического союза. Мы полагаем, что у ЕАЭС есть все шансы и возможности для того, чтобы избежать ошибок, допущенных при развитии европейской интеграции, а также имеются все ресурсы для того, чтобы доказать свою экономическую состоятельность и политическую договороспособность, гибкость и адаптивность в нестабильной внешней среде.

Отмеченные тенденции развития региональной интеграции позволяют нам выделить усиление процесса регионализации экономики, его масштабности в

современных макроэкономических условиях. Он охватил практически весь мир, постоянно увеличивая количество, как региональных союзов, так и их стран-участников. При этом нельзя не подчеркнуть противоречивость процессов регионализации. В рамках этого процесса, с одной стороны происходит рост существующих и новых группировок, а с другой, – некоторые объединения локализуются внутри регионов, и увеличивается число двухсторонних отношений.

Также противоречивость заключается в том, что наблюдается своеобразная открытость многих группировок, трансформирование в сторону увеличения и одновременно, мы видим появление достаточно закрытых группировок с определенными целями и задачами.

Проведенный анализ существующих подходов в исследованиях процессов глобализации и региональной экономической интеграции, а также современных тенденций мировой экономики, позволил нам выделить определенные формы синергии и противоречивости в них, а именно: фрагментарность и локализацию рынков при одновременном их расширении; открытость и закрытость экономик, рост региональной конкурентоспособности с параллельной реализацией и защитой национальных интересов и т.д., которые возникают под воздействием нестабильной экзогенной макросреды.

Для нас особый интерес представляет вопрос приоритетности развития регионализации в зависимости от того, какую конфигурацию приобретет мировое экономическое пространство в условиях новых мировых трендов. Так как, региональная интеграция представляет собой пространственно-институциональную среду для развития экономического взаимодействия стран.

Конечно же исследование относительно региональной интеграции не ограничивается выделением данных тенденций и факторов, остаются вопросы, касающиеся дальнейших перспектив развития уже существующих и формирующихся регионов, поскольку настоящая макросреда достаточно нестабильна, постоянно меняются тенденции спроса и предложения и множества других факторов. Это актуально и для России, в первую очередь, как страны-участника в недавно сформировавшейся региональной структуре – Евразийском

экономическом союзе (ЕАЭС). В этой связи требуется глубокая проработка и анализ основных направлений мировых тенденций и их влияния на регионализацию в целом.

Очевидным является то, что новые форматы региональных экономических соглашений окажут существенное воздействие на процессы международного производства и торговли. Формирование региональных интеграционных преобразований национальных экономик позволит получать каждому участнику процесса дополнительный, так называемый системный эффект, которого не могут иметь другие страны, ограничивающиеся только взаимной торговлей. Это объясняется тем, что региональная интеграция комплексно включает в себя согласование, координацию, а затем и достижение единства не только внешнеторговой, но и налоговой, бюджетной, транспортно-инфраструктурной, таможенной и других сфер экономической деятельности суверенных государств. Но при этом, очень важную часть составляет оценка результативности деятельности интеграционного объединения, поскольку без нее невозможно доказать ее целесообразность и экономическую необходимость.

1.3 Трансформация энергетического сотрудничества в энергетическую интеграцию на примере ЕС

Для Европейского Союза (ЕС), который является наиболее институционально развитым интеграционным объединением мира, вопросы энергетической безопасности и развития энергетических рынков носят определяющий характер. Однако, будучи лишенным существенных запасов собственных энергетических ресурсов, Европейский союз остается на более чем 50% зависимым от их импорта [204], что определяет особенности и сложности процесса формирования общих энергетических рынков в ЕС.

Одним из первых шагов по развитию интеграции Европейского союза, как в энергетической, так и в экономической сфере стало создание и подписание договора о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС), явившегося фундаментом для дальнейшей экономической интеграции в Европе. Договор о ЕОУС был подписан в Париже, в 1951 году в состав сообщества вошли Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Цель организации заключалась в обеспечении возможности производства и свободного перемещения продукции из угля и стали между странами Договора. Регулирование нового открытого рынка угля и стали осуществлялось соответствующим наднациональным институтом, с учетом принципов свободы конкуренции, прозрачности ценообразования, и так далее. Европейская интеграция, таким образом, изначально опиралась на энергетическую отрасль: уголь в середине прошлого столетия являлся ключевым энергетическим носителем как в промышленности, так и в производстве электроэнергии, занимавший более 50% в энергобалансе стран-участниц договора ЕОУС [65]. Стоит отметить, что инициатива по созданию Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) исходила от министра иностранных дел Франции, Роберта Шумана, предложившего 9 мая 1950 года создать совместный между Францией и Германией наднациональный орган, направленный на развитие угольной и металлургической промышленности, с возможностью присоединения к нему других стран [340]. Инициатива Р. Шумана была поддержана действующим канцлером ФРГ – Конрадом Аденауэром, после чего к Договору решили присоединиться еще четыре страны. Договор о ЕОУС был ими подписан 18 апреля 1951 года, вступил в силу 23 июля 1952 года и действовал на протяжении 50-ти лет. Общий рынок, предусмотренный рамками договора, вводился в действие поэтапно. Так, с 10 февраля 1953 начал действовать общий рынок угля и железной руды, а с 1 мая того же года – общий рынок стали [341].

Роль Европейского объединения угля и стали в развитии европейской энергетической интеграции невозможно переоценить. Благодаря стабильным и относительно дешевым поставкам энергии и металлов все другие отрасли, в частности, строительство, машиностроение и сельское хозяйство, получили

мощный импульс для развития. В этом заключается главный итог первого этапа европейской энергетической интеграции. А именно: в процессе обеспечения бесперебойных поставок энергии была сформирована ее стабильная поставка, доступность в прозрачных и комфортных рыночных условиях, иными словами – во многих отношениях, благодаря Европейскому объединению угля и стали в 50-60-х гг. XX века была обеспечена энергетическая безопасность основных европейских стран. Срок действия Договора, как отмечалось, истек через 50 лет после его заключения – 23 июля 2002 года в соответствии с его первоначальными условиями. За эти годы он стал неотъемлемой частью общей структуры европейских договоров и институтов, а с 2002 года его положения, которые не потеряли своей актуальности, стали частью Ниццкого договора [263]. Энергетика Европейского Союза за эти полвека также преодолела долгий и трудный путь, оказавшись сегодня в достаточно сложном и неоднозначном положении.

Переходя от сущности ЕОУС к пониманию энергетического сектора Европы в целом, необходимо отчетливо представлять, что сложившееся в Европе видение энергетики представлено как отрасль с очень высокой ролью государственного регулирования.

В 60–70-х годах XX века большинство стран создали национальные энергетические компании со значительной долей участия государства. Эти компании имели естественную монополию на производство, передачу и поставку электроэнергии, а также природного газа и тепловой энергии, как для промышленных потребителей, так и для населения. В то же время благодаря наличию полного государственного контроля были обеспечены надежность и бесперебойность поставок энергии, а также возможность финансовой поддержки отрасли для сохранения низких цен на энергоносители и природный газ для конечного потребителя [137].

Однако подобный подход не является единственным способом регулирования национальной энергетики. В условиях рыночной экономики монополизация энергетического рынка имеет и ряд существенных недостатков. Среди таких можно отметить то, что, директивные нормы ценообразования и

финансовая поддержка отдельных групп потребителей приводят к значительной разнице цен в отрасли. Так, низкие государственные цены, установленные государством для населения, обуславливают необходимость повышения цен для промышленных потребителей. Механизмы тарифообразования носят директивно-политический характер, что существенно затрудняет поддержание эффективности и рентабельности энергетических компаний, а также приводит к росту тарифной нагрузки на крупных промышленных потребителей [175; 176].

Однако в середине 70-х гг. XX века перед лицом глобального энергетического и экономического кризиса было необходимо значительно сократить производственные затраты, и крупные компании в Европе начали активно поддерживать реформы в энергетическом секторе. Тем не менее, европейским странам понадобилось потратить много времени на понимание необходимости их проведения и, еще большее время для начала их реализации.

Сегодня европейские страны в значительной степени полагаются на опыт США, либерализовавших внутренний энергетический рынок в 70-х гг. прошлого века, и опыт Великобритании, где аналогичные процессы происходили в 80-х гг. прошедшего столетия. Следует отметить, что спецификации европейского рынка не допускают простого дублирования существующих практик, хотя либерализация европейского энергетического рынка, безусловно, может привести к некоторым положительным результатам, особенно для промышленно развитых стран в нем [39].

Как показала практика, чтобы добиться либерализации в Европе, необходимо было изменить традиционное восприятие энергетического сектора как обязательства правительства. Кроме того, присутствие крупных государственных монополистов в энергетическом секторе противоречило принципам общего рынка ЕС, созданного в соответствии с Маастрихтским договором 1993 года [264]. Отметим, что подготовительный процесс, направленный на введение общего энергетического рынка Европейского Союза начался еще в середине 80-х гг. XX века, а уже в 1988 г. Европейская комиссия (ЕК) отмечала, что «Более интегрированный европейский энергетический рынок будет способствовать

снижению себестоимости энергии, что напрямую выгодно индивидуальным и промышленным потребителям, а также окажет положительный эффект на структуру энергетической отрасли Сообщества, способствуя улучшению структуры издержек и рационализации производства, передачи и распределения энергии» [191; 199; 287]. Таким образом, начало 90-х гг. прошлого века, благодаря действиям ЕК, было ознаменовано началом процесса создания единого либерализованного европейского энергетического рынка, охватывающего все страны Союза.

При этом необходимо подчеркнуть, что Европейская комиссия столкнулась с очень серьезными проблемами в этой области. Помимо монополии на свои национальные энергетические рынки, они не были связаны друг с другом в техническом плане и инфраструктуре. Самым трудным решением, с которым столкнулся регион ЕС, было решение реформировать естественные монополии. После серии проведенных исследований в этой сфере, специалистами были сделаны выводы о том, что конкуренция в области производства и сбыта энергии возможна и даже необходима для конечных пользователей, поскольку ресурсы доступны для добросовестной конкуренции: повышения производства энергии и повышения эффективности производства, предоставление потребительских услуг и т.д. [133; 328]. Однако конкуренция вряд ли возможна и будет создана в сфере транспортировки газа и электроэнергии, поскольку строительство нескольких конкурирующих параллельных газопроводов или линий электропередач является нецелесообразным и экономически необоснованным. Именно по этой причине, ЕК было принято решение по разделению всей энергетической сферы Союза на три основных блока: производство (добыча), транспортировка и сбыт. Национальные энергетические компании-монополисты разделялись по одному принципу, в то время как компании, занимающиеся транспортировкой газа и электроэнергии, сохранили свою монополию, а производители энергии и сбытовые структуры принудительно были раздроблены на более мелкие компании. Целью этой реформы являлось создание конкурентного рынка энергии и услуг с четкими правилами равного доступа к энергетическим сетям. Можно подчеркнуть, что с

целью смягчения процесса либерализации и в связи с необходимостью поступательного решения технических, юридических и политических вопросов реформы проводились в несколько этапов.

Директива 96/92 является первым шагом Еврокомиссии к либерализации рынка электроэнергии (была принята 19 декабря 1996 г.) [16]. Она носит название «первая электрическая». В ее рамках были установлены основные правила конкуренции между производителями и поставщиками электроэнергии. Следует отметить, что такой начальный этап был в значительной степени экспериментальным. Страны ЕС могли сами решать, как, когда и какие секторы рынка открывать для конкуренции. Но, при этом в Директиве содержалось строгое требование, заключавшееся в том, что до 2003 года должно быть гарантировано 35% годового потребления электроэнергии на открытом рынке.

Кроме того, в соответствии с Первой директивой об электроэнергии была предпринята попытка начать процесс разделения монополий на электроэнергию. Учитывая сопротивление многих стран и отечественных компаний, а также тот факт, что отрасль не была готова к резким изменениям, в документе предлагалось компромиссное решение вопроса в виде введения отдельного бухгалтерского учета по производству, транспортировке и продаже электроэнергии, а также отдельного управления этими направлениями внутри монополий. При чем, права собственности оставались неизменными, а монополия в свою очередь оставалась единой структурой.

Далее, следующим этапом была Директива 98/30/ЕС – принята в 1998 году, более известная как «первая газовая» [17]. В ней были изложены общие правила транспортировки, хранения, распределения и потребления природного газа, а также соответствующие аспекты организации и функционирования рынка газа. Данный документ не затрагивал основных проблем, связанных с регулированием доступа к газотранспортным сетям и подземным хранилищам, а также тарифных вопросов этой сферы.

В начале XXI века процесс создания либерализованных рынков газа и электроэнергии в Европе еще только начинался. Однако для обеспечения того,

чтобы предлагаемая новая структура энергетического сектора работала, чтобы участники рынка и государственные регулирующие органы адаптировались к новым условиям, и чтобы государства-члены, которые ранее решительно выступали против реформы, ослабили свои позиции, Европейская комиссия провела следующий этап реформ, который стал известен как Второй энергетический пакет.

Так, в 2003 году был принят ряд документов – Второй энергетический пакет (ВЭП), который включал в себя две директивы ЕК: электрическую (2003/54/ЕС) [14], и газовую (2003/55/ЕС) [15]. Основные положения ВЭП были направлены, в основном, на равнодоступность энерго- и газораспределительных сетей, и дальнейшее развитие конкуренции на рынке.

Фактически, в нем содержалось очень значительное число новых правил для либерализации энергетического сектора: правила для дальнейшего разделения деятельности в национальных монополистических компаниях, сокращения горизонтальной концентрации таких компаний, отдельного понимания оптовой конкуренции и розничных поставок, механизмов для контроля сетей электропередач, а также распределения и контроля доступа третьих сторон к энергетической инфраструктуре.

Необходимо подчеркнуть, что основной тенденцией к либерализации европейских энергетических рынков является растущее разделение монополий: Именно в рамках Второго энергетического пакета требовалось юридическое отделение операторов систем передачи от операторов, продающих энергию конечным пользователям. Кроме того, в рамках этих документов в каждой стране был создан национальный регулятор либерализации рынка. При этом для достижения целей второго энергетического пакета были установлены очень короткие сроки.

На розничных рынках все новые условия должны были быть выполнены к 1 июля 2004 года, а на оптовых рынках – к 1 июля 2007 года. Для мониторинга реализации реформы в 2005 году Европейская комиссия провела исследование функционирования работы единого европейского энергетического рынка [334]. В

ходе исследования были выявлены некоторые недостатки и проблемы в реализации реформы. И можно констатировать факт того, что степень монополизации в энергетическом секторе в большинстве стран-членов ЕС остается слишком незначительной, что подчеркивает не полную реализацию разработанных мер.

Требование «текучести» рынка было невозможно, что позволило бы беспрепятственно передавать энергию через границы одного государства ЕС на территорию другого. В результате чего, энергетические рынки государств-членов были слабо интегрированы, в незначительной мере, их деятельность нельзя было назвать прозрачной, а вертикально интегрированные национальные компании при этом не стремились завершить разделение деятельности.

В свете всех вышеизложенных упущений нельзя сделать отчетливый вывод, что реализация Второго энергетического пакета была успешной. Однако, несмотря на это, Европейская комиссия поставила перед государствами-членами еще более сложные задачи. В 2007–2008 годах была принята так называемая программа «20–20–20». В рамках этой программы было намечено сокращение выбросов CO₂ на 20%. Также вектором этого проекта должно стать стремление к повышению энергоэффективности в Европейском союзе на 20%, и, наконец, росту удельного веса доли возобновляемой энергии до 20% к 2020 году в общем потреблении энергии в ЕС [192]. Для достижения поставленных задач было принято решение по разработке Третьего энергетического пакета (ТЭП).

Третий энергетический пакет был принят после почти трехлетнего обсуждения осенью 2009 года и должен быть включен в национальные законодательства к началу весны 2011 года. Отмечалось, что чем дальше происходило продвижение реформы, тем выше становилось недовольство и росло сопротивление со стороны некоторых стран Евросоюза. Без сомнений, принятие новых государств в ЕС в 2004 и 2007 гг., негативно повлияло на эффективность либерализации рынка энергетических ресурсов региона вследствие неподготовленности большинства вновь прибывших участников Союза к данному процессу. Предложенный в Третьем энергетическом пакете механизм по введению обязательного разделения собственности был негативно воспринят некоторыми

странами Союза, например, Германией, Францией, Австрией, Люксембургом и др. Наряду с этим, такие страны ЕС, как Великобритания, Бельгия, Швеция, Дания, выступили за введение разделения собственности. Стоит отметить, что правовой статус единого энергетического рынка Союза был закреплен отдельной статьей в Лиссабонском договоре.

Вместе с тем, следует понимать, что успешность Третьего энергетического пакета в большей мере зависит от его полного исполнения абсолютно всеми странами-участницами Евросоюза, однако именно этот ключевой фактор является наиболее проблемным на данный момент, из-за чего ТЭП до сих пор нельзя считать вступившим в силу в полной мере. По ряду технических и экономических причин, процессы либерализации рынков, разрушают существующие топливно-энергетические комплексы стран ЕС. Для оптимальной и эффективной либерализации, особенно с учетом продвигаемого в ЕС перехода на возобновляемые источники энергии, необходим новый тип сетевой структуры и режим управления энергетическим комплексом, для чего потребуются существенные инвестиции и реализация долгосрочных программ структурного развития ТЭК [135].

На наш взгляд, проводимая Европейским Союзом политика, направленная на принудительное развитие конкурентных рынков к странам ЕС, которые не готовы к данному переходу, базируется на ложных принципах и целях, которые в полной мере не учитывают, как экономическое, так и географическое положение данных стран.

О «необходимости строительства Энергетического союза» было объявлено в ходе саммита ЕС в марте 2015 года [205], согласно заявленному проекту, энергетический союз сможет дать ответ на многие стратегические вызовы энергетической политики и безопасности последнего десятилетия, такие как: затормозившая либерализация энергетических рынков, их искажение колоссальными субсидиями в пользу возобновляемой энергетики, зашедшая в тупик демонополизация сетевых операторов, срыв сроков выполнения обязательств и другие проблемы.

Интерес, с точки зрения опыта энергетической интеграции, представляет ряд выдвинутых предложений Европейской Комиссии [274; 326], а также некоторые решения Саммита ЕС, в рамках которых предполагается развитие будущего энергетического союза по следующим ключевым направлениям:

1. Энергетическая безопасность и солидарность. Основу собственной энергетической безопасности Евросоюз видит в первую очередь в диверсификации поставок природного газа и ухода от импорта российского газа. В очередной раз предполагается добиваться этого состояния благодаря развитию Южного газового коридора (то есть, доступа к газовым запасам стран Каспийского региона), а также расширения использования сжиженного природного газа путем строительства дополнительных регазификационных терминалов и газовых хабов в Центральной и Восточной Европе.

2. Внутренний энергетический рынок. Еврокомиссия полагает, что созданной законодательной базы (в рамках Второго и Третьего энергопакетов) вполне достаточно для развития внутреннего рынка и завершения процессов либерализации. При этом требуется лишь гарантировать соблюдение этих законов, а также развивать трансграничные потоки газа и электроэнергии внутри региона ЕС.

3. Энергоэффективность и декарбонизация экономики. Европе пришлось признать, что цели, поставленные в программе «20–20–20» не будут достигнуты большинством стран ЕС в установленные сроки, поэтому планка по энергоэффективности и декарбонизации (то есть, переходу на возобновляемые источники энергии) была отодвинута уже на 2030 год. Предполагается, что к 2030 году энергоэффективность будет повышена на 27%, а выбросы парниковых газов снижены на 40% (по сравнению с уровнями 1990 года).

4. Стимулирование инноваций и науки. В данном направлении предполагается реализация мероприятий по поддержке научных исследований и разработок в области высокотехнологичных энергетических сетей, «умных» домов, экологически чистого транспорта и ядерной энергетики.

Детальной рассмотрение этих положений позволяет сделать вывод о том, что они не содержат принципиальных нововведений по сравнению с ранее поставленными целями развития европейской энергетики. Цели по энергоэффективности и декарбонизации были определены сначала в Стратегии «20–20–20» и затем продублированы в Стратегии–2030, которая была принята Европейским Советом в 2014 году [192]. Но как факт, можно подчеркнуть, что проект внутреннего энергетического рынка в ЕС существует уже более двадцати лет, и его полноценная реализация пока не состоялась в силу множества экономических, политических и технологических факторов, главным из которых является недостаточный уровень взаимосвязанности энергетических систем европейских государств. Формирование Европейского энергетического союза, которое было начато в 2015 г., таким образом, просто интегрирует в единую систему уже реализуемые в ЕС проекты. Также можно отметить, что пакет наднационального законодательства по формированию энергетического союза в ЕС состоит из восьми документов, из которых к 2019 г. вступили в силу только четыре, то есть, формирование энергетического союза в Европе является далеко не завершенным [327].

В этой связи необходимо признать, что опыт Европы в развитии энергетической интеграции был успешен преимущественно на ранних этапах формирования интеграционного объединения и общих рынков энергии и энергоносителей. В современных условиях кризиса западных либеральных моделей развития экономики, усиления трендов деглобализации и регионализации, процессы энергетической интеграции в ЕС приобрели сложный и противоречивый характер. В связи с этим мы полагаем возможным лишь ограниченное использование опыта Евросоюза для разработки схем и моделей энергетической интеграции на пространстве ЕАЭС. Анализ попыток создания единых энергетических рынков Европейского Союза углубляет понимание сущности интеграционных процессов в энергетической сфере, возможных проблем и препятствий, стоящих на пути формирования единого энергетического пространства. Опыт Евросоюза, объединяющего государства с различным уровнем

экономического развития, с разным уровнем управляемости и диверсификации экономик и существенными различиями в устройстве топливно-энергетических комплексов позволяет подойти к решению аналогичных задач для ЕАЭС, и на фоне этого избежать возможных ошибок.

Однако, в отличие от Европейского союза, ЕАЭС обладает колоссальным потенциалом в энергетической области, как ресурсным, так и инфраструктурным. В отличие от ЕС, в регионе ЕАЭС имеется высокий уровень взаимной связанности транспортных и энергетических систем стран-участниц. Поэтому именно энергетическая интеграция, в соответствии с неoinституциональным подходом [246], должна стать фундаментом его экономического развития. Тип интеграции, основанный на неoinституционализме, предполагает успешное развитие изначально в смежных отраслях промышленности, перерастающее в их конкурентное преимущество. Энергетика, являясь локомотивом интеграционных процессов в ЕАЭС, будет обеспечивать активизацию промышленной кооперации в регионе.

Так, до 1917 года, нынешние страны бывшего СССР были интегрированы в Российскую Империю, с начала 1920-х годов по 1991 год – в СССР. Такой длительный период совместного взаимодействия между странами привел к созданию уникальных связей практически во всех сферах деятельности: экономических, логистических, социальных, политических, культурных и др., которые и настоящего времени, включая основные принципы макроэкономического регулирования и экономический уклад, остаются схожими. Стоит отметить, что даже спустя практически 30 лет, прошедших с распада Советского Союза, разорвать сформировавшиеся связи оказалось невозможным [139; 148; 173]. В годы существования СССР была создана высокоразвитая транспортная и энергетическая инфраструктура, которая преимущественно сохранилась и продолжила развиваться в 1990-е и 2000-е гг.: автомобильные и железные дороги, газопроводы и нефтепроводы, линии электропередач, приграничные промышленные территориально-производственные комплексы.

В этой связи становятся крайне актуальными возможности, вызовы и риски взаимодействия и интеграции между национальными и частными энергетическими компаниями, которые являются основными эксплуататорами данной инфраструктуры и потребителями ресурсов.

1.4 Концептуальные подходы к оценке эффектов международной экономической интеграции

В ходе проводимого нами исследования было отмечено, что активатором интеграционных процессов выступают различные причины как экономического, так и политического характера. Обоснованием этого процесса является его экономическая целесообразность, которая, как правило выражается ростом взаимной торговли между участниками интеграции, ведущим в конечном итоге к росту результативных показателей на макроуровне. С этой целью были сформированы в свое время такие известные на сегодня континентальные экономические блоки как АСЕАН, НАФТА (с 1 октября 2018 года НАФТА прекратило свое существование и было заменено на ЮСМКА), в рамках которых реализуется именно эта причина их образования [250]. Также можно отметить и региональные союзы, такие как Европейский Союз и Евразийский экономический союз и т.д.

С углублением понимания процессов развития торговли и формирования концепций интеграции стал все более актуальным вопрос о том, как оценить эффективность этих процессов, то есть, можно ли говорить о достижении целей интеграции и выразить интеграционные эффекты количественно с помощью методов экономико-математического анализа. Первые попытки сделать это относятся к 1950-м гг., когда структура теории экономической интеграции была изложена Джейкобом Вайнером [267]. В его теориях были обоснованы два вида интеграционных эффектов, а именно это «эффект создания торговли», а также

«эффект переориентации торговли». Первый проявляется в расширении торговли внутри региональной группировки. Второй эффект возникает в виде экономических выгод от роста экспорта в страну-партнера, при условии, что до интеграции участники эти же товары с более низкими затратами ввозились из третьих стран. В развитие теорий Дж. Вайнера, британский экономист – Джеймс Мид, дополнил теорию интеграционных такими эффектами, как торговообразующий эффект и эффект переориентации торговли [300]. По его мнению, создание таможенного союза может приводить к возникновению других векторов международной торговли, что будет приводить к перемещению ресурсов в сторону более эффективной экономики, создавая эффект переориентации торговли. Торговообразующий эффект произойдет же за счет расширения торговли в других экономических сферах и снизит затраты.

В современных же теориях международной экономической интеграции представлена математическая версия ее динамической части. А именно модель, которая включает в себя динамические показатели торговли, факторов труда и капитала, а также добавленной стоимости по Парето. Такой подход к оценке эффективности интеграции позволил сформировать в науке междисциплинарный подход, который дает возможность оценить перспективы и последствия экономической интеграции, в отличие от ранее существующего статического подхода.

Такое научное направление можно связать с определением валового внутреннего продукта (ВВП). Научный интерес представляло то, что появилась возможность аналитически выявить экономические выгоды государств от участия в интеграционном процессе и доказать, что все они получают полезность. При этом, чем меньше страна, тем больший рост ВВП она получает в ходе интеграции, и, наоборот, у более крупных участников – наблюдается меньший рост ВВП и производительности. Нельзя не отметить, что этот факт был известен и ранее эмпирически, но лишь с появлением этих теорий стал математически подтвержден и доказан.

Динамический метод стал применяться и для оценки и прогнозирования ставок внутренних сбережений государств-участников интеграции. Наблюдалось, что они стремятся к единой величине [198; 201]. Было проведено интересное сравнение и обнаружено, что подобно приведению к единообразию отдельных бассейнов после открытия шлюзов, экономическая интеграция унифицирует своих субъектов, вместо воды прибавляя добавленную стоимость.

Проводимые глубокие исследования относительно процессов международной экономической интеграции требуют всесторонней оценки экономического эффекта интеграции рынков, однако в мировой практике пока не сложилось общепринятых методов для выполнения такой оценки. Во многом, методологические подходы к оценке экономического эффекта зависят от того, с позиций какого теоретического подхода воспринимается процесс интеграции. Первые этапы интеграции затрагивают, главным образом, сферу взаимной торговли. В этой связи наиболее актуальной становится оценка сравнительных преимуществ во взаимной торговле в рамках интеграционного объединения с целью определения оптимальных направлений развития торговых отношений. Методика подобной оценки была впервые предложена британским экономистом Х. Лиснером в 1960-х гг. в ходе изучения им сравнительных преимуществ Великобритании в торговле со странами формирующегося Общего рынка Европейского экономического сообщества. Индекс Лиснера рассчитывается как отношение экспорта рассматриваемого продукта из рассматриваемой страны к общему объему экспорта данного продукта группой стран, то есть, позволяет определить наличие сравнительного преимущества (CA, Comparative Advantage) страны в экспорте по сравнению с группой стран [231]:

$$CA_{Lieser} = \frac{X_{ij}}{X_{nj}}, \quad (1)$$

где X – объем экспорта в денежном выражении для: i – рассматриваемой страны, j – рассматриваемой отрасли или продукта, n – рассматриваемой группы стран.

В продолжение логики Х. Лиснера более сложная и более точная формула для оценки сравнительных преимуществ во взаимной торговле была введена классиком теории экономической интеграции Б. Балассой в 1960-е годы [170], согласно его методу, индекс сравнительных преимуществ страны для определенной отрасли может быть рассчитан следующим образом:

$$CA_{Balassa} = \frac{\frac{X_{ij}}{X_{it}}}{\frac{X_{nj}}{X_{nt}}} = \frac{\frac{X_{ij}}{X_{nj}}}{\frac{X_{it}}{X_{nt}}}, \quad (2)$$

где X – объем экспорта в денежном выражении для: i – рассматриваемой страны, j – рассматриваемой отрасли или продукта, t – укрупненной группы отраслей или продуктов, n – рассматриваемой группы стран.

В случае, если $CA_{Balassa} > 1$, то рассматриваемая страна обладает сравнительным преимуществом в торговле с другими странами интеграционного объединения, если $CA_{Balassa} < 1$, то страна таким преимуществом не обладает.

В ходе дальнейшего развития идей оценки интеграционного эффекта через определение сравнительных преимуществ Д. Гринвэй и К. Милнер [216], предложили формулу, основанную на формуле Б. Баласса с добавлением компоненты импорта:

$$CA_{GM} = \frac{\frac{X_{ij}}{X_{it}}}{\frac{M_{nj}}{M_{it}}} = \frac{\frac{X_{ij}}{M_{ij}}}{\frac{X_{it}}{M_{it}}}, \quad (3)$$

где X – объем экспорта в денежном выражении, M – объем импорта в денежном выражении для: i – рассматриваемой страны, j – рассматриваемой отрасли или продукта, t – укрупненной группы отраслей или продуктов, n – рассматриваемой группы стран.

Однако с развитием интеграционных процессов в Европе и других регионах мира стало очевидно, что количественные экономические эффекты интеграции не ограничиваются развитием взаимной торговли. В этой связи Европейским

Центральным Банком была в начале 2000-х гг. разработана комплексная методика оценки эффективности экономического сотрудничества стран в рамках интеграции, основанная на количественном и качественном анализе. Данная методика включает множество индикаторов и позволяет определить институциональный индекс интеграции (в диапазоне от 0 до 100 единиц), формируемый из 4 блоков с весом от 0 до 25 единиц каждый. Первый блок посвящен анализу двусторонней торговли, второй – развитию сотрудничества в прочих отраслях экономики, третий – оценке эффективности экономических реформ, четвертый – оценке либерализации рынков товаров и услуг. В рамках данной методики в различных блоках среди ключевых можно такие индикаторы, как взаимная торговля, мобильность капитала, мобильность трудовых ресурсов, уровень эффективности наднациональных институтов, координация налоговой, монетарной, финансовой политики между странами-участниками, и т.д. [210].

В последние годы интерес к международной экономической интеграции и оценке ее эффектов проявили многие международные организации, в отличие от Европейского Центрального Банка напрямую не связанные с интеграционными объединениями. К примеру, в ОЭСР была разработана система экономических индикаторов, характеризующих развитие внутри-региональной торговли. Объем внутри-региональной торговли определяется как сумма объемов экспорта стран, осуществляющих торговлю внутри региона:

$$X_{intra}^n = \sum_{i=1}^n \times \sum_{j=1}^{n-1} X_i^j, \quad (4)$$

где X_{intra}^n – объем внутрирегиональной торговли;

X_i^j – экспорт страны, i – внутри региона, j – за пределы региона;

Внешне-региональная торговля определяется, в свою очередь, как экспорт за пределы региона, рассчитанный как разница между общим объемом экспорта всех государств и внутри-региональным экспортом:

$$X_{extra}^n = \sum_{j=1}^{n-1} X_i^{World} - X_{intra}^n, \quad (5)$$

где X_{extra}^n – объем внешне-региональной торговли;

X_i^{World} – валовой объем экспорта i -той страны (как внутри региона, так и за его пределы).

Расчет двух данных показателей позволяет определить их соотношение. В случае увеличения доли интра-региональной торговли по отношению к внешне-региональной торговле и общему объему внешнеторгового оборота можно говорить об интенсивном развитии интеграционных взаимосвязей внутри объединения стран. При этом на определенном этапе развития интеграции доля внутри-региональной торговли стабилизируется на оптимальном уровне, отражающем включенность интеграционного объединения в систему международной торговли [109].

Вероятно, одной из наиболее комплексных и актуальных методик оценки экономического эффекта экономической интеграции, является методика, разработанная в начале 2010-х гг. Азиатским банком развития. В рамках данной методики международная экономическая интеграция также, как и в большинстве других методик, рассматривается как процесс установления и дальнейшего укрепления связей между рынками интернирующихся государств и оценивается, в первую очередь, с точки зрения эффектов развития взаимной торговли [166]. Методика включает в себя четыре основных компонента, а именно:

- оценка потоков товаров, услуг и капитала в рамках интеграционного объединения;
- оценка ценовых эффектов с использованием агрегированных макроэкономических ценовых индикаторов на рынках сырья и основных товаров, а также финансовых индикаторов;
- оценка интеграции рынков капитала;
- оценка глубины региональной специализации.

Оценка потоков товаров, услуг и капитала в рамках интеграционного объединения может быть выполнена в первую очередь путем определения доли взаимной торговли в общем объеме внешнеторгового оборота стран-участниц

интеграционного объединения, оценка динамики роста показателей внешней торговли, качественный анализ торговли по товарным группам. Также могут быть рассмотрены широко известные в экономической практике показатели, характеризующие уровень концентрации капитала: индекс Херфиндаля-Хиршмана, индексы концентрации, индекс Джини и другие [249]. Еще одним широко применяемым на практике методом оценки динамики и структуры внешней торговли является оценка потенциала насыщения рынка импортом и потенциала прироста экспорта для определения оптимальных ниш развития взаимной торговли товарами внутри интеграционного объединения. Данный метод активно используется Азиатским Банком Развития [166]. Кроме того, актуальными для исследователей остаются гравитационные модели, позволяющие спрогнозировать объемы торговли пропорционально объему ВВП государств и обратно пропорционально расстоянию между ними [174; 180; 183]. Для оценки отдельных сфер торговли и услуг могут использоваться специфические индикаторы, например, количество пользователей сети Интернет, объем передачи информации, оценка транспортно-логистических потоков, и т.д. [146].

В результате множества теоретических и практических исследований было установлено, что увеличение объемов торговли и развитие экономических институтов в результате экономической интеграции может способствовать увеличению ежегодных темпов роста ВВП вовлеченных стран на 1,5–3,0 % [181; 194; 220]. При этом недостаточно глубоко изучена природа этих эффектов, особенно на региональном уровне. С точки зрения классической и неоклассической школ экономической теории такие эффекты интеграции могут быть объяснены увеличением эффективности производства в результате релокации экономических ресурсов, которая становится возможной в результате снятия барьеров при развитии интеграции [247]. Это позволяет реализовать сравнительные преимущества стран-участников интеграции и углубить их специализацию в системе экономических связей внутри интеграционного объединения.

Можно отметить, что в большинстве научных концепций относительно

региональной интеграции в настоящее время подтверждается тот факт, что процесс регионализации благоприятствует росту взаимобмена в торговле на первых же этапах развития группировки и одновременно отражается на экономических структурных сдвигах стран-участников процесса [215; 228]. В этой связи многими учеными, стал применяться метод динамического анализа соотношения межотраслевой (МОТ) и внутриотраслевой торговли (ВОТ) во взаимном товарообороте стран, участвующих в интеграционных процессах. Как известно, МОТ базируется на предметной специализации – взаимном обмене конечными продуктами. В их состав входят и сырьевые продукты, и товары с низкой добавленной стоимостью. С точки зрения получения интеграционных эффектов, конечно же, наибольший интерес представляет ВОТ, которая включает торговлю промежуточными товарами, предполагая расширение кооперации и развитие цепочек добавленной стоимости, способствующими интенсивному росту экономики.

Само понятие ВОТ было введено в экономическую науку Б. Балассой [168]. Глубокая дифференциация продукции предполагает именно развитие внутриотраслевой торговли, то есть растет взаимный товарооборот изделиями различной технологической сложности в рамках одной отрасли. Различают вертикальную ВОТ (в основе подетальная или технологическая специализация) и горизонтальную ВОТ [51]. Высокая степень вертикальной ВОТ, отражающей большое количество звеньев в цепочке добавленной стоимости, показывает целесообразность наиболее выгодного регионального взаимодействия стран, отраслевые ниши взаимовыгодного производства, в том числе и высокотехнологичными товарами, а также использование эффекта масштаба в полной мере. Напротив, горизонтальная ВОТ дает возможность государствам, имеющим схожие факторы производства получать конкурентные преимущества лишь в определенных сегментах рынка, что также зачастую представляет экономический интерес, особенно для стран, богатых конкретным видом ресурса.

Рост ВОТ отражает возможность странам к переходу на более высокую ступень технологического развития, инновационному росту и т.д. [51]. Она создает

дополнительные стимулы к укреплению экономических связей между странами. Страны, обладая определенными ресурсами, могут использовать преимущества обмена товарами различного передела, начиная от комплектующих элементов, заканчивая готовой продукцией. И этот показатель один из наиболее точно отражающих интенсивность интеграционных процессов, а также степень интеграции [121].

Одним из наиболее популярных и распространенных среди показателей оценки ВОТ считается индекс Грубеля-Ллойда (GL_{index}) [221], так называемый параметр удельного веса внутриотраслевой торговли:

$$GL_{index} = \frac{((X_{ij} + M_{ij}) - |X_{ij} - M_{ij}|)}{(X_{ij} + M_{ij})} \times 100, \quad (6)$$

где X_{ij} , M_{ij} – экспорт, импорт страны i , которая относится к товарной группе j .

Другой более детальный подход к разделению внутри- и межотраслевой торговли предложен специалистами Б. Квасми и С. Фаusti [252]. Они классифицировали процессы торговли по их соотношению и степени проявления. Согласно этой классификации, рассчитывается расчетный индекс удельного веса торговли. При этом производится его ранжирование и соответственно определение степени проявления того или иного вида взаимного товарооборота:

- 0–25 % – МОТ имеет достаточно сильную тенденцию;
- 26–50 % – МОТ слабо протекает в отрасли;
- 51–75 % – ВОТ проявляется слабо;
- 76–100 % – ВОТ имеет достаточно сильную тенденцию.

Исключением является лишь сырьевая специализация стран, поскольку высокий показатель удельного веса не отражает тенденцию к ВОТ, а свидетельствует просто о взаимной торговле ресурсами. В контексте оценки интеграции, можно отметить, что чем выше показатель ВОТ, тем в большей степени страны тяготеют к интеграционным процессам.

Еще один показатель, который широко используется в практике оценки экономических связей между странами и оценки тяготения к интеграционным процессам с позиций выявления выгоды от сотрудничества со страной-партнером – индекс комплементарности [143]. Этот показатель, отражает структурные соответствие стран в части экспорта и импорта и рассчитывается по формуле:

$$C_{kj} = 100 - 0,5 \times \sum |m_{ik} - x_{ij}| \times 100, \quad (7)$$

где x_{ij} , m_{ik} – доля товара i в общем экспорте / импорте страны j , k .

Если взаимные торговые отношения между странами отсутствуют, то индекс комплементарности будет равен нулю. И, наоборот, если удельный вес импорта и экспорта полностью совпадают у стран-партнеров, то значение индекса будет равно 100 %. Чем выше уровень соответствия, тем выше тяготение к интеграции, как и в случае с классификацией Квасми и Фаусти. У комплементарных стран существуют предпосылки к развитию цепочек добавленной стоимости, а также к расширению множества других экономических связей в различных областях взаимовыгодного сотрудничества.

В отличие от двух других показателей, у этого индекса есть определенное преимущество, он дает возможность проводить сравнение одновременно нескольких стран с одной, двух стран с региональным объединением и т.д. И при этом является не громоздким и достаточно простым в расчетах и визуализации. Хотя есть и недостаток в том, что он более применим для отдельных отраслей.

Аналогичным показателем оценки ВОТ является индекс интенсивности торговли, как правило, используемый Всемирным Банком для анализа региональных торговых соглашений в качестве индикатора той ситуации, что показывает, является ли объем торговли между странами больше или меньше, чем ожидалось [344]. Если значение индекса выше 1, то взаимная торговля превышает ожидаемый уровень и наоборот. Индекс интенсивности рассчитывается по формуле:

$$T_{ij} = \frac{(x_{ij} / X_{it})}{(x_{wj} / X_{wt})}, \quad (8)$$

где x_{ij} и x_{wj} – объемы экспорта страны i и общемирового экспорта в страну j ; X_{it} и X_{wt} – объемы экспорта страны I и общемировой экспорт соответственно.

Для изучения тесноты взаимосвязи между потенциальными странами-партнерами достаточно показательными являются результаты расчетов показателей структурных сдвигов в экономике [99], которые отражают различные темпы роста производства продукции по видам экономической деятельности в стране.

Кроме того, интерес представляют оценки интеграции в контексте финансового регулирования, и вопрос финансовой стабильности приобретает все более международный характер [186; 185; 232]. Поэтому важным является понимание функционирования интеграционного процесса финансового рынка и возможности измерения получаемых эффектов. Интегрированный финансовый рынок определяется как рынок, где все участники сталкиваются с одним набором правил, имеют равный доступ к финансовым инструментам и / или услугам и т.д.

Как отмечается специалистами [186], финансовая интеграция тесно связана с законом одной цены: если активы имеют одинаковые риски и прибыли, тогда их следует оценивать одинаково независимо от того, где они вступают в торговые отношения. Исходя из этого закона, можно получить меры интеграции. Например, дисперсия поперечного сечения соответствующих переменных (например, спреда по процентным ставкам или дифференциалы возврата активов) часто используется в качестве индикатора интеграции. Понятия β -сходимости и σ -сходимости также можно использовать для оценки скорости интеграции рынков. Кроме того, измерение степени трансграничной цены или изменения прибыльности относительно изменчивости в отдельных странах может быть информативным в отношении степени интеграции на разных рынках.

В нескольких исследованиях большое внимание уделяется интеграционным эффектам финансовой интеграции в ЕС [235; 254; 236]. Такой интерес вызван в связи с формированием единого рынка финансовых услуг и введения единой валюты. Например, предлагается определенный тест интеграции, основанный на конвергенции доходности банков (Return On Assets или ROA), который базируется на предположении равновесия (с хорошо функционирующими рынками), когда ожидаемая доходность сопоставимых активов в экономике должна быть одинаковой [234; 261]. В целом, по их мнению, банковские рынки в Европе оказываются далеко не интегрированными. Существует также исследование о сближении банковских систем в Европе после запуска единой рыночной программы в 1993 году [241]. Все эти направления приводят слабые доказательства конвергенции, и лишь для некоторых продуктов, доказана эффективность интеграции.

Несмотря на такое множество различных подходов к оценкам получения эффектов от интеграционных процессов, не существует универсальной методики, поскольку каждое региональное объединение создается в определенных макроэкономических условиях и на него оказывают влияние множество факторов, поэтому все показатели требуют определенной адаптации и должны учитывать специфические особенности той или иной группировки.

По итогам первой главы диссертационного исследования можно сделать ряд основополагающих выводов.

К настоящему времени в мировой экономической науке сложился целый комплекс теорий и концепций, посвященных процессам международной экономической и региональной экономической интеграции. Данные процессы достаточно хорошо исследованы на уровне макрорегионов. Среди которых наиболее ярким и изученным примером является интеграция государств Европейского Союза.

Многими зарубежными, а в последние годы – и отечественными учеными проведена значимая работа по изучению предпосылок, причин, процесса, особенностей, противоречий и результатов международной экономической

интеграции. На основе анализа всех этих направлений, выделены ее основные признаки, а именно это: игра с положительной суммой; создание безбарьерной среды внутри интеграционного объединения автоматически означает создание общих барьеров снаружи; исключительно сознательный и добровольный процесс; она затрагивает внутреннюю и внешнюю политику государств-членов; оказывает воздействие на все сферы общественной жизни; подразумевает создание механизма коллегиального приятия решений и общих норм и правил; должна быть основана на общих перспективных интересах государств-участников, которые, как правило, опираются на общность культурно-исторического кода и предполагает, что все участники интеграционного объединения связаны взаимными долгосрочными стратегическими обязательствами в отношении друг друга.

В целом можно заключить, что на сегодняшний день имеющиеся теории международной экономической интеграции формируют комплексное понимание интеграционных процессов и самого понятия интеграции, а также синергии глобализации и региональной экономической интеграции, роли международной торговли, и т.д. Однако в виду сложности и комплексности интеграционных процессов и эффектов, в виду того, что интеграционные процессы обладают высокой и нарастающей динамикой, их изучение ни в коей мере нельзя считать завершенным и необходимо активно продолжать. В особенности, это касается макроэкономических эффектов интеграционного процесса применительно к интеграционным объединениям, в том числе – к Евразийскому экономическому союзу. В мировой практике пока не сложилось общепринятых научным сообществом методов для выполнения такой оценки, что формирует обширное поле для новых исследований.

ГЛАВА 2 СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

2.1 Актуальные тенденции институционального развития ЕАЭС

СНГ выполнил свою функцию сохранения базовых экономических и политических связей стран бывшего СССР в 1990-е годы и сегодня экономические связи ряда государств СНГ также, как и объемы внешней торговли между ними ниже, чем в начале 90-х годов после распада СССР. Роль СНГ как объединяющей системы в настоящее время во многом изменилась, в том числе в результате ряда политических кризисов и драматических событий в Грузии и Украине. При этом потребность в сотрудничестве между дружественными государствами постсоветского пространства не только не отпала, но и продолжает укрепляться [109; 149; 150]. Это естественным образом привело к созданию в Евразии другого альтернативного интеграционного проекта. В 1995 году было подписано Соглашение о Таможенном союзе трех стран – России, Беларуси, и Казахстана [2; 11]. Так определилась группа государств – лидеров интеграции, которые на протяжении следующих двух десятилетий прошли долгий путь к созданию Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза. В начале 2000-х произошло формирование ЕврАзЭС – своего рода первой попытки провести международную реформу в сторону интеграции на постсоветском пространстве [48; 47]. Далее с 2007 года начал работать Таможенный Союз России, Белоруссии и Казахстана, с 2011 года – Единое экономическое пространство, а с 1 января 2015 года официально и полноценно функционирует Евразийский экономический союз – ЕАЭС [1]. 10 октября 2014 года в Минске в ходе Высшего Евразийского экономического совета был подписан Договор о присоединении Армении к ЕАЭС, а 23 декабря 2014 года в Москве был подписан аналогичный Договор о присоединении Кыргызстана к ЕАЭС [293]. Сейчас в Союз входит пять

государств, и, скорее всего, расширение группировки будет продолжаться (Рисунок 2). Многие страны – например, Вьетнам, Израиль, Иран и ряд других проявляют высокую заинтересованность в сотрудничестве со странами ЕАЭС на основе зон свободной торговли или же вступления в Таможенный союз [295]. Одним из инициаторов начала переговоров о вступлении Ирана в ЕАЭС является Армения, которая имеет с Ираном общую сухопутную границу. В сентябре 2019 г. о намерении присоединиться к ЕАЭС заявил Узбекистан [323].

Рисунок 2 – Географическое расположение стран ЕАЭС

Источник: составлено автором на основе [306].

В настоящее время институциональная структура ЕАЭС продолжает развиваться. Высшими органами ЕАЭС являются Высший Евразийский экономический совет и Евразийский межправительственный экономический совет, в состав которых входят, соответственно, главы государств и правительств стран-участников ЕАЭС. Решения Высшего Евразийского экономического совета носят стратегический характер и определяют фундаментальные направления развития

евразийской интеграции. Главный исполнительный орган региона ЕАЭС – это Евразийская экономическая комиссия, которая является постоянно действующим наднациональным регулирующим региональным органом, формирующим Совет и Коллегию ЕЭК. В состав Коллегии ЕЭК входит десять профильных министров – представителей всех государств-участников ЕАЭС. Председателем Коллегии ЕЭК (до 31.12.2019 г.) является Саркисян Тигран Суренович – экс-премьер-министр Армении. Решением Высшего Евразийского экономического совета на основе голосования определяются Председатель Коллегии ЕЭК и Члены Коллегии ЕЭК на четыре года с имеющейся возможностью продления срока [3]. Среди главных задач Комиссии – создание условий для свободного функционирования и развития ЕАЭС, и наряду с этим формирование предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза. Высшим судебным органом ЕАЭС является суд Союза. Он выступает гарантом обеспечения применения странами региона Договора о ЕАЭС, его выполнение, а также других заключенных международных договоров внутри Союза.

За время деятельности Евразийской экономической комиссии были разработаны, согласованы на наднациональном уровне и внедрены процедуры разработки, а также межгосударственного и внутригосударственного согласования нормативных правовых документов отраслевого и регулирующего характера, а также процедуры подготовки и оформления международных актов, решений и рекомендаций органов ЕАЭС. Представлены стратегические мероприятия, намеченные на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу, которые планируется выполнить в рамках развития Союза (Таблица 1).

Ожидается, что в дальнейшем постепенная либерализация, уничтожение барьеров внутри регионального союза, снижение изъятий и ограничений, позволят достичь роста экономического сотрудничества между государствами ЕАЭС в формате единого рынка.

Выполнение поставленных задач предполагает увеличение объемов взаимной торговли, в первую очередь, между странами-участниками ЕАЭС, в частности рост кооперации – торговли товарами промежуточного назначения, что

будет способствовать увеличению добавленной стоимости товаров (развитию цепочек добавленной стоимости внутри ЕАЭС), повышению их конкурентоспособности и в целом положительно должно отразиться на эффективности использования имеющейся ресурсной базы государств союза, степени и глубины ее переработки. Воплощение в жизнь различных совместных проектов (промышленных, инфраструктурных, инновационных) станет стимулом для увеличения экспортного потенциала и наоборот, сокращения импортного потребления ЕАЭС, что позволит повысить рост доходов стран, уровня конкурентоспособности и как следствие, благосостояния населения [135; 325].

Таблица 1 – Перспективы развития государств ЕАЭС

Временной период (перспектива)	План развития
Краткосрочная	Завершение деятельности подготовки институциональных условий различного характера для дальнейшего развития ЕАЭС. Этап включает формирование документов, которые необходимы для реализации положений Договора о ЕАЭС (устранение барьеров, минимизация изъятий и ограничений и т.д.). Результатом выполнения плана этого периода будут: получение дополнительного стимула к развитию практически всех отраслей национальных экономик, для которых имеет значение масштаб рынка, минимизация внешнего влияния и т.д.
Среднесрочная	Получение странами ЕАЭС эффектов за счет различных кооперационных проектов во всех сферах деятельности. Увеличение областей и ниш взаимодействия между странами, в которых ЕАЭС имеет весомые позиции на мировом рынке (использование ресурсного потенциала, научно-технической базы, производственных наработок и т.д.). Результатом выполнения плана будет синергетический эффект от взаимодополняемости национальных экономик стран-участниц.
Долгосрочная	Прохождение теста на глобальную конкурентоспособность (к 2025 г. планируется завершение реализации положений Договора о ЕАЭС). Результатом выполнения плана будут такие эффекты, как выравнивание уровней экономического развития стран ЕАЭС, обеспечение «четырех свобод», адаптация к внешним угрозам и вызовам, повышение благосостояния населения, рост конкурентоспособности как стран, так и всего Союза в целом.

Источник: составлено автором на основе [18; 136; 306].

Как отмечается в Договоре о ЕАЭС, а также на уровне глав правительств союза, самым важным вектором перспективного развития стран региона, является развитие общих рынков. Согласно определенных перспектив (Таблица 1), в период с 2019–2025 гг. ожидается окончание процесса формирования энергетических рынков [3]. Также наряду с энергетикой, приоритетом в развитии определено создание общего валютного рынка в тех же временных рамках. При этом предполагается создание общего финансового рынка стран-членов ЕАЭС с наднациональным финансовым органом-регулятором с одновременной унификацией на законодательном уровне.

Процесс формирования общих рынков был начат еще в период Таможенного Союза, в рамках которого был достигнут достаточно высокий уровень взаимной торговли [302]. Даже в периоды кризиса 2008–2009 гг. и рецессии 2015–2016 гг. объемы не значительно снизились. Уже начиная с 2016 г. успешно стал действовать общий рынок лекарственных средств и медицинских изделий. Запуск электроэнергетического рынка произошел в 2019 г. А с 2015 года наблюдалось развитие общих рынков услуг, происходящее в более, чем ста пятидесяти областях экономики. А уже к началу 2025 г. ожидается начало работы рынков газа, нефти и нефтепродуктов, а также должны быть запущены порядка двадцати одного сектора услуг, среди которых общий рынок финансовых и банковских услуг [60; 72].

Экономическая теория доказывает, что страны с выходом к морю имеют преимущество перед странами без такого доступа [256]. В нашем случае четыре из пяти стран-членов ЕАЭС оказались в невыгодном положении. Доступ к Черному морю для Армении открыт, но традиционная железная дорога для торговли с Россией была закрыта в Абхазии, и альтернативные маршруты слишком дорогие. Казахстан является самой большой страной в мире, не имеющей доступа к международным водам (Каспийское море фактически является озером) [41], и экспорт нефти и продукции металлургии в основном идет через Россию. Кыргызстан также не имеет выхода к морю и при этом граничит в основном со странами, также не имеющими выхода к морю (кроме Китая, но его морское побережье очень сильно удалено от границы с Кыргызстаном). Наконец, Беларусь

– интересный пример страны с хорошо развитой инфраструктурой, общими границами с членами ЕС и короткими расстояниями для экспорта и импорта. Но у страны есть структурная проблема с экспортом: только нефтепродукты (переработанные из российской нефти) близки к своим рынкам; в то время как производство продуктов питания по очевидным причинам (качество, стандарты, конкуренция и т. д.) идут в основном в Россию.

В нашей работе для сравнения с государствами ЕАЭС (референтная группа стран) мы выбрали Азербайджан, Грузию, Украину, Молдову, Таджикистан и Узбекистан. Мы не можем в рамках данного исследования подробно описать специфику этих стран, но понимаем и учитываем основные тенденции в их экономике. Узбекистан является страной, также не имеющей выхода к морю, хотя курс на социально-политическую стабильность, вероятно, является наиболее доминирующим. Грузия и Украина (как и Молдова) в экономическом плане пострадали больше всех постсоветских стран. И мы сравниваем не только измеримые параметры, но и воспринимаем их как хороший и довольно близкий пример разрушенных экономических связей в постсоветском экономическом пространстве. Снижение ВВП во время первого шока 1990–1998 годов было самым глубоким в Грузии и Молдове (–64%), Украине (–59%).

На рисунке ниже (Рисунок 3) дается четкая картина турбулентности в регионе после экономического кризиса 2008–2010 гг. (т.н. «Великой рецессии» нашего времени). Наша точка зрения предельно проста и очевидна – местные элиты сделали разный выбор в ситуации ухудшения внешней среды в 2008–2010 гг. А именно, к 2009 году было очевидно, что высокие цены на энергию восстановятся нескоро. Рецессия 2008–2009 годов (с финансовым шоком, спадом, долгом и бюджетным кризисом) без таких тесных связей и реальной интеграции была бы еще одним крахом занятости и потребления в регионе. Создание ЕАЭС предотвратило многие серьезные проблемы, которые могли бы случиться со странами Союза.

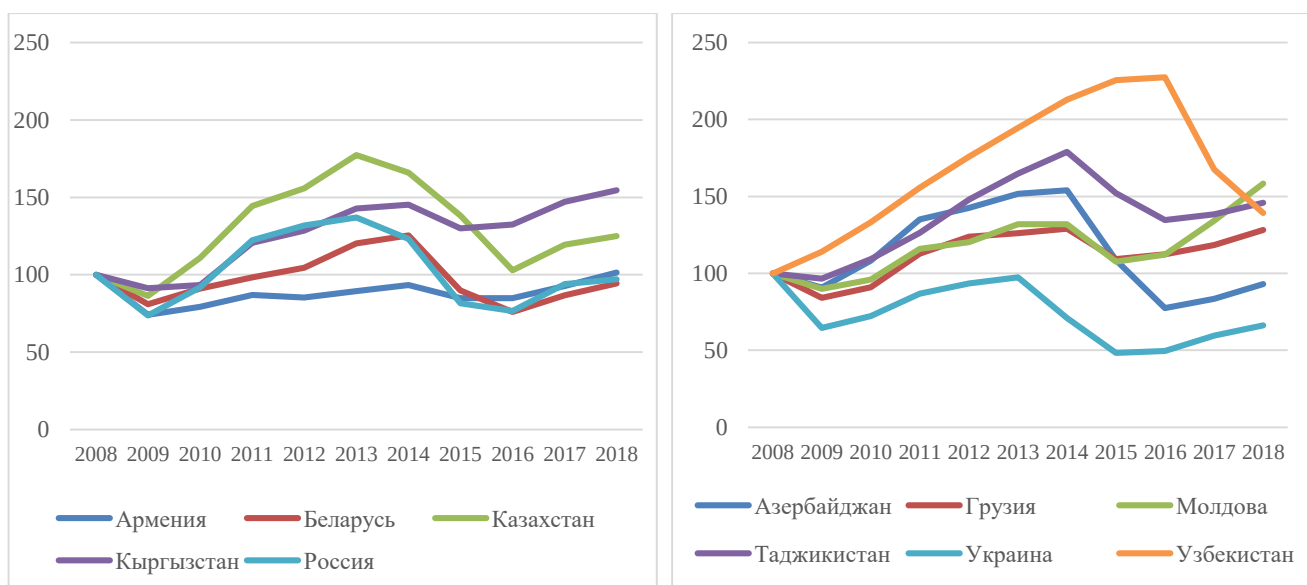

Рисунок 3 – Динамика темпов прироста ВВП стран ЕАЭС и стран референтной группы, постоянные цены 2010 г., % к 2008 г.

Источник: рассчитано автором на основе [307; 343].

Данные статистики показывают, что в целом уровень роста ВВП стран ЕАЭС и стран референтной группы демонстрируют схожую динамику. Вместе с тем, следует отметить, что динамика ВВП стран ЕАЭС более стабильна и не отражает таких сильных колебаний, как у стран сравнения, у которых динамика волатильна и характеризуется периодами резкого роста и резкого снижения. Две страны – Украина и Азербайджан в 2018 г. имели уровень ВВП значительно ниже уровня 2008 г. Одной из причин такого снижения является разрыв кооперационных связей со странами постсоветского пространства, в то время, как уровень вовлеченности этих стран в межфирменную кооперацию со странами СНГ был очень высокий.

Ключевой момент заключается в том, что ЕАЭС обеспечивает и защищает существующий высокий уровень взаимосвязи между государствами-членами. Добавляя некоторые перспективы открытых пространств для рынков труда, торговли, финансов и информации для всех участников, страны ЕАЭС определенно не являются субъектами риска (за исключением, конечно, России). Однако несмотря на большой пройденный путь в развитии интеграции, который к 2019 г., спустя 25 лет после появления ее идеи и спустя 5 лет после подписания Договора о ЕАЭС, привел Союз к статусу полноценного интеграционного объединения с

функционирующими наднациональными органами, Таможенным Кодексом (обновленным и вступившим в действие с 1.01.2018 г.) необходимо предпринимать новые шаги по дальнейшей адаптации интеграционных механизмов ЕАЭС к реалиям современности. По словам члена Коллегии (министра), по интеграции и макроэкономике Т. Валовой, в краткосрочной перспективе будет разработана Декларация, дополняющая положения основного Договора о ЕАЭС с учетом достигнутых результатов и новых задач развития [281].

2.2 Анализ социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС по сравнению с другими странами постсоветского пространства

Переход к рыночной экономике и разрыв хозяйственных связей между предприятиями бывших республик в результате распада СССР привели к затяжному кризису на всем постсоветском пространстве, причем Армения оказалась в числе стран, экономика которых сократилась более чем вдвое. По данным Всемирного банка, за 1991–1993 годы реальный ВВП страны упал на 53 %. В 1994 году Армения (наряду с Латвией) стала одной из первых стран на постсоветском пространстве, вернувшихся к экономическому росту, но предшествующее падение было таким глубоким, что уровень 1990 года экономике страны удалось превзойти лишь в 2004 году.

В период 90-х годов прошлого столетия население Армении уменьшилось больше, чем в любой стране ЕАЭС (в среднем на 15,8% в период с 1991 по 2018 год). Для сравнения, в соседней Грузии падение было еще большим (на 22,8%). В последние годы население Армении начало расти, а в Грузии продолжает снижаться. По оценкам национальных статистик население Беларуси и даже России, центра притяжения для мигрантов из СНГ, несколько снизилось с 1990 года из-за естественного сокращения населения, но, при этом, увеличилось в странах Центральной Азии, особенно в Кыргызстане и соседнем Узбекистане. Но

в целом, необходимо подчеркнуть, что демографические показатели стран ЕАЭС в среднем за последнее десятилетие несколько стабильнее, чем в других странах постсоветского пространства (Рисунок 4).

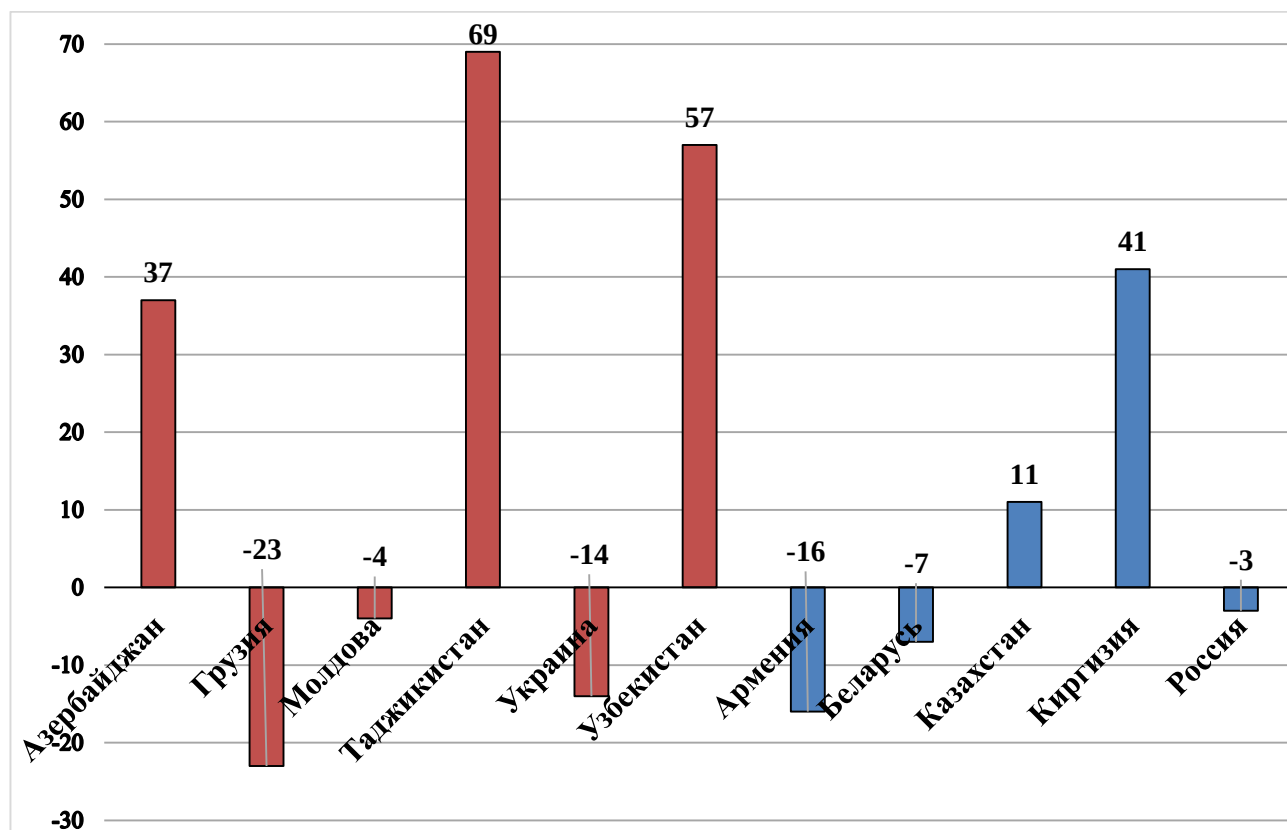

Рисунок 4 – Изменение численности населения, 1991–2018, %

Источник: рассчитано автором на основе [346].

Период экономического процветания в России, Казахстане и Азербайджане сопровождался ростом цен на нефть в 2003–2008 годах. Соответственно, местные экспортеры нефти стимулировали экономику соседей путем импорта товаров, услуг и рабочей силы. Но в то же время более высокие цены на энергоносители создавали серьезные шоки торговли для не нефтяных стран. Это означает, что ни в каких странах в регионе не было достаточно времени для экономической реструктуризации в условиях стабильной цены и условий торговли. Напомним, что низкие цены на энергию (по сравнению с глобальными) в регионе были политически мотивированы, а обращение к более высоким мировым ценам было болезненным, но коммерческим. Конечно, местные политические элиты

воспринимали эту ситуацию исключительно как потерю энергетической ренты [217].

Экономический рост на постсоветском пространстве пережил серьезный трансформационный кризис в 1990-х годах, великую рецессию 2008–2009 годов и несколько нефтяных потрясений «вверх и вниз» [298]. В условиях такой неустойчивой внешней среды страны региона в неравной степени смогли пережить такие шоки и продемонстрировали огромное разнообразие результатов. Среди лучших показателей роста (Таблица 2) мы можем отметить такие страны как Азербайджан, Казахстан, Беларусь, Узбекистан и Армению. Другая группа стран, таких как Грузия, Молдова и Украина демонстрируют значительно меньший накопленный прирост.

Таблица 2 – Рост ВВП по ППС, 1990–2018, 1990=100

Страна	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Референтная группа стран							
Азербайджан	100	47	72	150	352	425	439
Грузия	100	32	46	73	104	144	171
Молдова	100	61	59	92	119	156	186
Таджикистан	100	43	47	83	126	192	250
Украина	100	54	53	87	100	97	111
Узбекистан	100	92	120	175	289	458	563
Страны ЕАЭС							
Армения	100	60	83	166	220	297	355
Беларусь	100	74	109	175	273	315	342
Казахстан	100	69	85	156	232	318	367
Кыргызстан	100	57	82	110	150	208	247
Россия	100	70	84	143	246	297	336

Источник: составлено автором на основе [346].

Экономические риски в среднесрочной перспективе в странах ЕАЭС связаны с модернизацией экономики. Потребление традиционно измеряется в долларах США по ППС. В исследуемых странах разная история формирования капитала – в этом случае данные в долларах по ППС могут вводить в заблуждение из-за нескольких факторов, о которых стоит упомянуть. Во-первых, снижение

потребления может иметь некоторый побочный эффект для увеличения доли инвестиций в ВВП.

Во-вторых, оценка ППС может быть неактуальной для международных сопоставлений капитализации. В-третьих, национальная валюта больше подходит для измерения, например, компонентов строительства, тогда как текущие доллары являются хорошей мерой для объема импортируемых инвестиционных товаров. Соответственно, Россия и Казахстан тратят равное количество текущих инвестиций на душу населения, в то время, как в Грузии на душу населения тратится вчетверо больше, чем, например, на Украине.

Девальвация российского рубля конца 2014 года сильно повлияла на устойчивость валют других стран ЕАЭС, особенно белорусского рубля и казахстанского тенге (Рисунок 5).

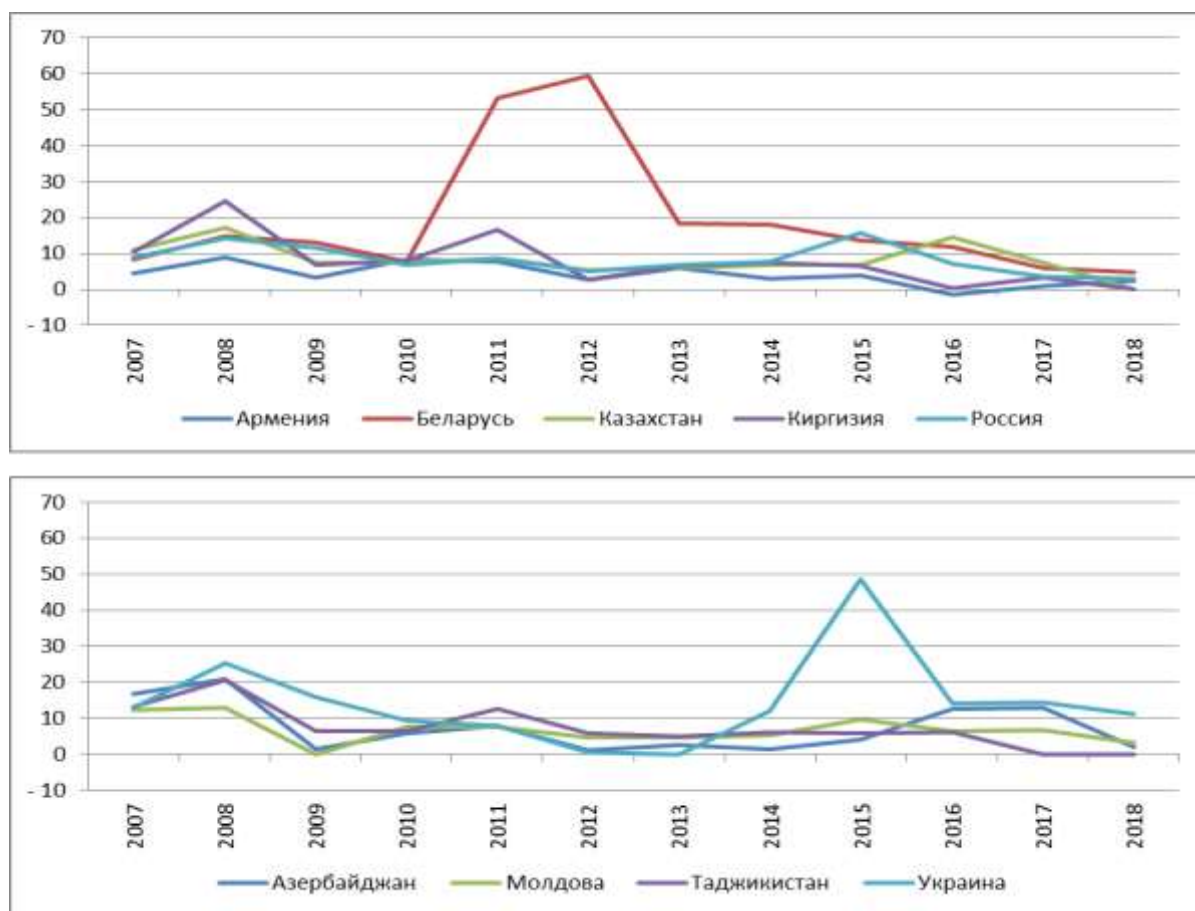

Рисунок 5 – Индекс потребительских цен стран СНГ (не входящих в ЕАЭС) и стран ЕАЭС в 2007–2018 гг.

Источник: рассчитано автором по [346].

Валюта Беларуси девальвировалась уже в январе 2015 г., а Казахстан перешел к плавающему курсу тенге лишь в августе 2015 г. на фоне повторного ослабления российского рубля. С IV квартала 2015 г. курсы валют России, Беларуси и Казахстана к доллару США движутся схожими траекториями, сильно зависящими от динамики мировых цен на энергоносители, а инфляция преимущественно стабилизировалась на уровнях ниже 8%.

Макроэкономическая стабильность – это ответственность правительств. В настоящий момент дефицит счета текущих операций у государств ЕАЭС и референтной группы – достаточно высокий у всех неэнергетических стран. Члены Союза в целом более успешны в контроле основных макроэкономических показателей (Таблицы 3 и 4).

Таблица 3 – Динамика индекса потребительских цен %, 2007–2018 гг.

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Референтная группа стран												
Азербайджан	16,7	20,8	1,5	5,7	7,9	1,1	2,4	1,4	4,0	12,4	12,9	1,9
Грузия	-*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Молдова	12,4	12,8	-0,1	7,5	7,7	4,5	4,6	5,1	9,7	6,4	6,6	3,0
Таджикистан	13,1	20,5	6,4	6,4	12,4	5,8	5,0	6,1	5,7	6,0	0,0	0,0
Украина	12,8	25,2	15,9	9,4	8,0	0,6	-0,2	12,1	48,7	13,9	14,4	11,0
Узбекистан	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Страны ЕАЭС												
Армения	4,4	8,9	3,4	8,2	7,7	2,6	5,8	3,0	3,7	-1,4	1,0	2,5
Беларусь	8,4	14,8	12,9	7,7	53,2	59,2	18,3	18,1	13,5	11,8	6,0	4,9
Казахстан	10,8	17,1	7,3	7,4	8,5	5,2	5,9	6,8	6,7	14,4	7,4	0,0
Кыргызстан	10,2	24,5	6,8	8,0	16,6	2,8	6,6	7,5	6,5	0,4	3,2	0,0
Россия	9,0	14,1	11,6	6,8	8,4	5,1	6,8	7,8	15,5	7,0	3,7	2,9

* достоверные данные отсутствуют в источнике

Источник: составлено автором по [346].

Таблица 4 – Баланс счета текущих операций % от ВВП, 2007–2018 гг.

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Референтная группа стран												
Азербайджан	27,3	33,7	23,0	28,4	26,0	21,5	16,5	13,6	-0,4	-3,6	4,1	12,9
Грузия	-19,6	-22,0	-10,6	-10,3	-12,8	-11,9	-5,9	-10,8	-12,6	-13,1	-8,8	-7,7
Молдова	-15,2	-16,1	-8,9	-6,9	-10,1	-7,4	-5,2	-6,0	-6,0	-3,5	-5,8	-10,5
Таджикистан	-32,1	-20,5	-14,4	-10,3	-6,3	-8,9	-10,5	-3,5	-6,1	-4,2	2,2	-5,0
Украина	-3,7	-7,1	-1,5	-2,2	-6,3	-8,2	-9,0	-3,4	1,8	-1,4	-2,2	-3,4
Узбекистан	-*	-	-	-	-	-	-	-	-	0,4	2,5	-7,1
Страны ЕАЭС												
Армения	-7,4	-14,2	-16,5	-13,6	-10,4	-10,0	-7,3	-7,6	-2,6	-2,3	-2,4	-9,1
Беларусь	-6,7	-8,2	-12,1	-14,1	-8,2	-2,8	-10,0	-6,6	-3,2	-3,4	-1,7	-0,4
Казахстан	-8,0	4,7	-3,6	0,9	5,3	1,1	0,8	2,8	-3,3	-5,9	-3,1	0,0
Кыргызстан	-6,0	-13,9	-4,3	-9,9	-7,7	-15,5	-13,8	-17,4	-15,8	-11,6	-6,8	0,0
Россия	5,6	6,3	4,1	4,4	4,7	3,2	1,5	2,8	5,0	1,9	2,1	6,9

* достоверные данные отсутствуют в источнике

Источник: составлено автором по [346].

Восстановление устойчивого процесса накопления оказалось самой сложной проблемой постреформенного периода в России и других стран. В 2018 году самая высокая норма накопления зафиксирована в Азербайджане, самая низкая – в Молдове. Среди стран ЕАЭС высокая норма накопления характерна для России и Казахстана, низкая – для Киргизии (Таблица 5).

Таблица 5 – Норма накоплений, % от ВВП, 2007–2018 гг.

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Референтная группа стран												
Азербайджан	56,9	58,1	46,1	49,8	52,6	50,0	47,8	43,7	30,9	28,5	31,1	36,6
Грузия	5,3	-3,8	-6,2	3,8	7,6	9,3	11,8	12,3	14,0	17,0	20,4	21,7
Молдова	-13,5	-13,6	-13,5	-8,4	-9,5	-9,8	-6,6	-4,6	-1,9	-1,0	-0,7	-0,6
Таджикистан	-21,4	-20,9	-16,5	-22,3	-24,4	-27,7	-29,9	-17,2	-10,9	-4,8	-0,2	-*
Украина	23,8	21,2	16,8	16,8	15,8	13,1	9,3	9,9	13,3	14,8	12,3	10,2
Узбекистан	33,1	34,6	30,6	24,3	28,5	25,9	26,0	26,0	24,3	22,1	26,9	30,5
Страны ЕАЭС												
Армения	18,2	18,2	6,3	4,9	3,6	1,9	0,9	2,4	8,8	9,2	7,7	7,3
Беларусь	29,7	31,5	27,7	30,1	37,8	38,4	35,3	33,4	32,2	29,8	29,9	30,5
Казахстан	43,8	45,4	40,8	43,8	47,3	43,5	39,9	40,8	34,6	33,8	37,2	-
Киргизия	-4,6	-10,1	3,3	-2,7	-1,6	-15,9	-15,6	-13,5	-8,3	-0,2	0,8	-
Россия	33,9	33,3	24,6	29,8	32,5	31,2	28,5	28,6	29,9	28,6	29,2	33,3

* достоверные данные отсутствуют в источнике

Источник: составлено автором на основе [346].

Высокая норма накопления указывает, как правило, на хороший инвестиционный климат для внутренних инвесторов и устойчивую ситуацию в стране. С точки зрения качества и динамики экономического роста показателен размер реальных вложений на душу населения. Вложения в долларах по текущему курсу меняются в связи с колебаниями курсов валют, но отражают возможность импорта оборудования при данных финансовых ресурсах.

По величине индекса Джини, характеризующего степень неравенства доходов, Беларусь находится на уровне Украины, а в Казахстане показатель несколько выше. Для России характерно более высокое неравенство, ближе к уровням таких государств, как Узбекистан и Грузия. Однако, в целом в странах ЕАЭС в последние годы отмечается тенденция к сокращению неравенства доходов, в отличие от большинства стран референтной группы (Таблица 6).

Таблица 6 – Индекс Джини, 2007–2018 гг.

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Референтная группа стран												
Азербайджан	-*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Грузия	38,1	38,5	38,2	39,5	39,6	39,0	38,6	37,6	36,5	36,6	37,9	-
Молдова	34,4	34,7	32,9	32,1	30,6	29,2	28,5	26,8	27,0	26,3	25,9	-
Таджикистан	32,2	0,0	30,8	-	-	-	-	-	34,0	-	-	-
Украина	27,0	26,6	25,3	24,8	24,6	24,7	24,6	24,0	25,5	25,0	0,0	-
Узбекистан	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Страны ЕАЭС												
Армения	31,2	29,2	28,0	30,0	29,4	29,6	30,6	31,5	32,4	32,5	33,6	-
Беларусь	29,6	27,8	27,7	28,6	27,2	26,5	26,6	27,2	25,6	25,3	25,4	-
Казахстан	30,1	28,5	28,2	28,0	28,0	28,2	27,1	27,0	26,8	27,2	27,5	-
Кыргызстан	33,9	31,5	29,9	30,1	27,8	27,4	28,8	26,8	29,0	26,8	27,3	-
Россия	42,3	41,6	39,8	39,5	39,7	40,7	40,9	39,9	37,7	41,4	41,1	-

* достоверные данные отсутствуют в источниках

Источник: составлено автором на основе [344].

Объем грузоперевозок в большинстве стран ЕАЭС снижался в 2015–2016 гг., однако начал увеличиваться или остался на том же уровне в 2017–2018 гг., что во многом объясняется созданием благоприятных для этого условий в рамках ЕАЭС. Объем сельскохозяйственного производства растет в последние годы в странах

Союза весьма устойчиво, а в 2018 году незначительно снизился в Армении, Беларуси и России, что во многом объясняется высокой базой 2017 г. Объем промышленного производства в 2018 году вырос во всех странах ЕАЭС, наиболее значительно – в Беларуси (Таблица 7).

Как известно, одно из наиболее важных условий роста экономики – стабильность бюджета. И с целью ее обеспечения применяются особые бюджетные правила, включающие различные ограничения (на государственный долг, бюджетный дефицит, расходы и доходы бюджета). Государства ЕАЭС имеют практический опыт внедрения таких правил. Как отмечается экспертами ЕЭК, обновление в бюджетной политике сделало бюджетные правила более гибкими и адаптивными по отношению к внешним экономическим шокам и продемонстрировало определенные результаты [291], в частности, например, наблюдается повышение инвестиционной привлекательности стран ЕАЭС со стороны иностранных инвесторов (рост кредитных рейтингов).

Бюджетные правила были модернизированы в Армении (2017 г.), в части фискальной политики, включая ограничения налоговой нагрузки. Подобные действия проводились в Беларуси, Казахстане и остальных странах ЕАЭС. Но, учитывая разницу в структурах экономик государств региона, важной стороной развития является координация макроэкономической политики стран, гармонизация таможенного регулирования, гибкости рынка труда и т.д., что требует решения на наднациональном уровне Союза.

Рассмотрим более подробно особенности социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС в период после распада СССР с целью определения основных трендов и углубления понимания роли ЕАЭС в их развитии на современном этапе.

Таблица 7 – Динамика индексов грузоперевозок, промышленного производства и сельского хозяйства в странах-членах ЕАЭС, % к предыдущему году

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Индекс грузоперевозок, % к предыдущему году									
ЕАЭС	106,5	110,8	103,7	100,4	99,96	96,3	100,9	105,8	103,3
Армения	107,6	92,1	124,4	101,8	82,5	108,8	103,6	109,7	103,2
Беларусь	108,6	108,2	98,2	97,8	99,2	95,7	93,4	106,0	104,1
Казахстан	116,0	122,0	108,6	108,5	106,9	99,6	99,9	108,7	107,3
Кыргызстан	101,0	102,2	105,6	103,0	70,5	102,8	105,1	107,1	105,2
Россия	103,8	107,6	102,2	97,0	96,9	94,7	101,5	105,4	102,9
Индекс объема сельскохозяйственного производства, % к предыдущему году									
ЕАЭС	90,3	121,7	95,3	105,6	103,2	102,6	104,5	103,1	99,6
Армения	86,4	113,9	109,5	107,1	107,2	111,7	94,8	97,2	92,4
Беларусь	102,5	106,6	106,6	95,8	102,9	97,5	103,4	104,2	96,6
Казахстан	88,3	126,8	82,2	111,7	101,0	103,4	105,5	103,1	103,4
Кыргызстан	97,4	102,0	101,2	102,7	99,5	106,2	103,0	102,4	102,7
Россия	88,7	123,0	95,2	105,8	103,5	102,6	104,8	103,1	99,4
Индекс промышленного производства, % к предыдущему году									
ЕАЭС	107,7	105,1	103,3	100,4	102,2	98,9	101,0	102,7	103,1
Армения	109,7	113,9	108,8	106,9	102,7	105,0	106,9	112,5	104,3
Беларусь	111,7	109,1	105,9	95,1	101,9	93,4	99,6	106,1	105,7
Казахстан	109,6	103,8	100,7	102,5	100,3	98,4	98,9	107,3	104,1
Кыргызстан	109,8	111,9	84,1	128,6	98,4	95,6	104,9	11,5	105,4
Россия	107,3	105,0	103,4	100,4	102,5	99,2	101,3	102,1	102,9

Источник: составлено автором на основе [62; 63].

2.3 Особенности социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС на современном этапе

Рассмотрим и проанализируем состояние социально-экономического развития Армении (РА).

Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов привел к падению ВВП Армении (по ППС) на 13,5% и одновременно к росту госдолга (Таблица 8). Восстановление экономики оказалось очень медленным. В 2013–2015 годах темпы роста ВВП стабилизировались, а уже в 2017–2018 годах сохранились на довольно высоком уровне, порядка 7,6–9,5 %.

Таблица 8 – Основные макроэкономические показатели Армении, 2007–2018 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП (по ППС), млрд долл. США	19,4	21,1	18,3	18,9	20,2	22,1	23,2	24,5	25,5	25,9	28,3	30,5
% к предыдущему году	16,8	9,0	-13,5	3,4	6,9	9,3	5,1	5,6	4,3	1,3	9,5	7,6
ВВП на душу населения (по ППС), млн долл. США	6,6	7,3	6,3	6,6	7,1	7,6	8,1	8,4	8,7	8,8	9,6	10,3
% к предыдущему году	17,8	9,9	-12,9	3,8	6,9	9,0	4,6	5,0	3,8	0,9	9,2	7,3
Валовая норма накоплений, % от ВВП	18,2	18,2	6,3	4,9	3,6	1,9	0,9	2,4	8,8	9,2	7,7	7,3
ИПЦ, %	4,4	8,9	3,4	8,2	7,7	2,6	5,8	3,0	3,7	-1,4	1,0	2,5
Безработица, %	9,8	0,0	18,4	19,0	0,0	17,3	16,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Платежный баланс, % от ВВП	-7,4	-14,2	-16,5	-13,6	-10,4	-10,0	-7,3	-7,6	-2,6	-2,3	-2,4	-9,1
Внешний госдолг, % от ВВП	31,8	29,2	54,8	64,9	70,6	69,2	73,5	70,4	81,2	92,4	85,9	0,0

Источник: составлено автором на основе [344].

Тяжелое развитие экономики конечно же имело свое отражение в демографической картине страны (Рисунок 6). В постсоветский период более

миллиона жителей Армении мигрировали в другие страны, причем, порядка 70 % – в Россию. Отмечается, что лишь в течение 2013–2014 гг. наблюдался относительно невысокая миграционная активность, а начиная с 2015 г. она вновь стала расти в связи с ухудшением социально-экономической обстановки в стране.

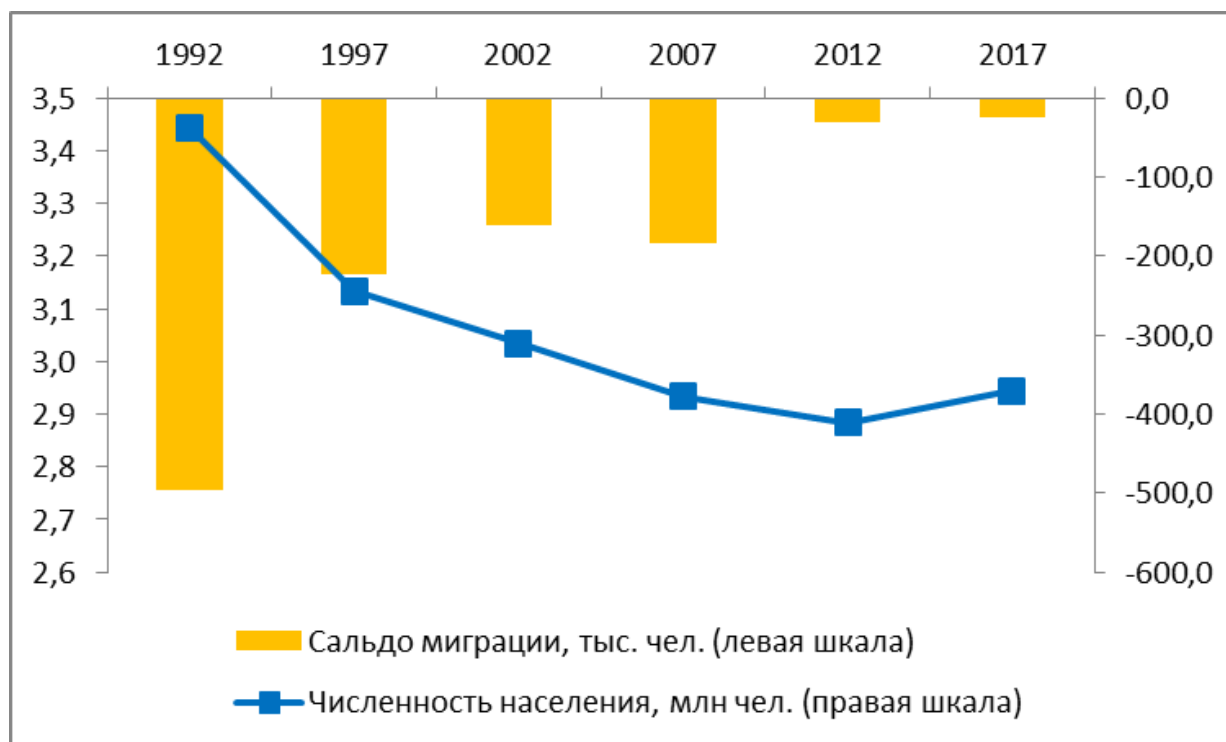

Рисунок 6 – Динамика численности населения Армении и сальдо миграции, 1992–2017 гг.

Источник: составлено автором на основе [346].

Кризис в экономике России в 2015–2016 годах и особенно предшествовавшая ему девальвация российской валюты в конце 2014 года сильно отразились на экономике Армении. Курс драма к доллару США ослабел на 16 % за три месяца: с 410 драмов за доллар в октябре 2014 г. до 475 драмов за доллар в январе 2015 г. Однако, необходимо отметить, что российский рубль за тот же период потерял 56 % (курс упал с 41 до 64 руб./долл.) [280]. В результате чего армянский драм оказался самой стабильной среди валют стран ЕАЭС и СНГ в 2015 году, а в последние годы курс драма к доллару сохраняет стабильность (Рисунок 7).

Значимым фактором, который влияет на состояние устойчивости армянской валюты, являются частные денежные переводы. Именно они способствуют росту спроса на драм. Но, в связи с девальвацией российского рубля относительно драма и доллара в 2014–2016 гг., пострадала его стабильность. Переводы из России за 2014–2016 годы сократились с 708 до 431 млрд драмов (с 1,73 до 0,9 млрд долл. США), хотя рублевый эквивалент переводов за те же три года вырос с 55 до 61 млрд руб. [296]. В результате совокупные денежные поступления в Армению в национальной валюте снизились в 2016 году на 23 % по сравнению с 2013 годом (Рисунок 7).

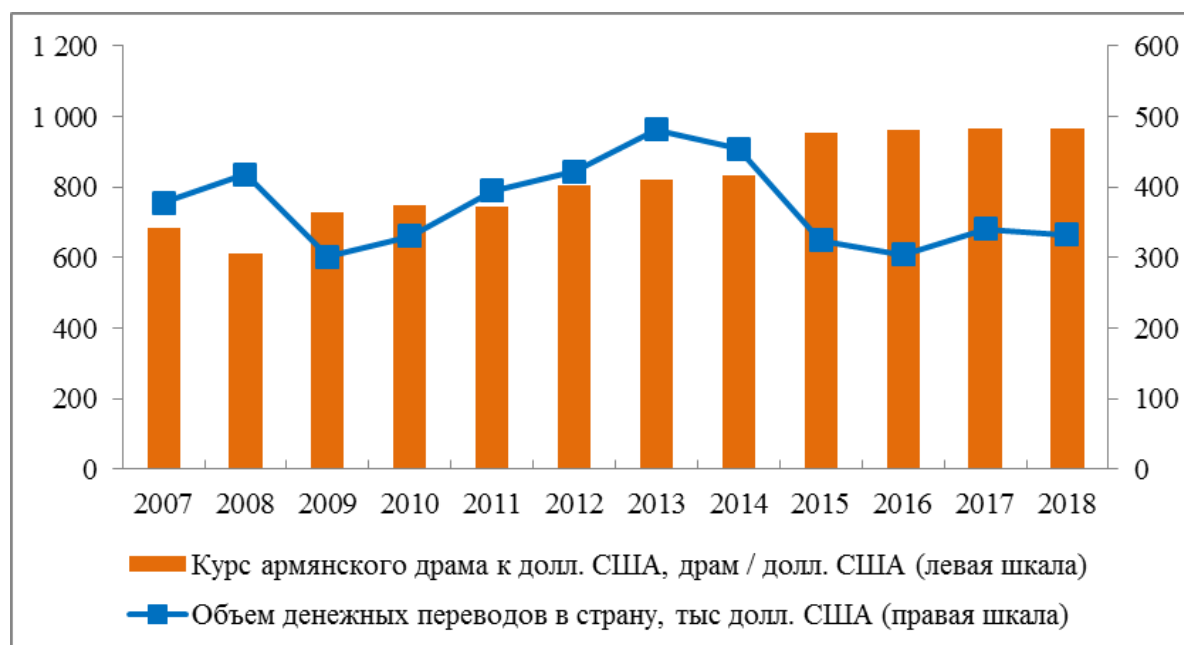

Рисунок 7 – Среднегодовой курс армянского драма к доллару США и объем денежных переводов в страну

Источник: составлено автором на основе [296; 346].

Иностранные денежные переводы занимают значительную часть в доходах населения Армении, и их резкое сокращение в 2014–2018 годах вынудило население уменьшить расходы на личное потребление. Это привело к длительному спаду расходов домохозяйств в 2013–2015 гг. с последующим восстановлением к 2017 г. В результате в реальном выражении покупки товаров домохозяйствами в Армении в 2015 году оказались ниже уровня 2007 года. Сильный спад розничных

продаж привел к снижению потребительских цен в Армении, которое началось еще с II полугодия 2015 г. По данным Армстата, цены на продовольственные товары (включая алкогольные напитки и табачные изделия) за 2016 год снизились на 3%, на непродовольственные товары – 2,5%, а на услуги выросли на 1,8%. Дефляция в Армении усугубилась снижением тарифов на газ и сезонным удешевлением сельскохозяйственной продукции, а также падением цен на сырье и продовольствие на международных рынках, хотя была кратковременным явлением, и в 2017–2018 гг. индекс потребительских цен существенно возрос. (Рисунок 8).

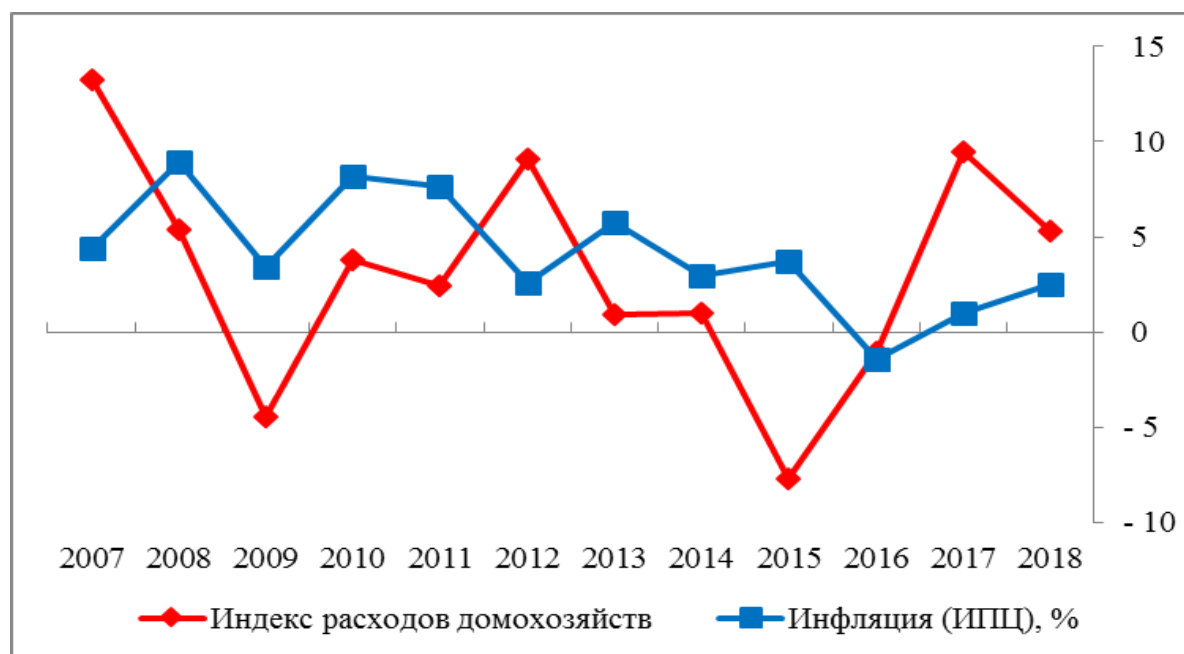

Рисунок 8 – Инфляция и индекс расходов домохозяйств в Армении, 2007-2018 гг.

Источник: составлено автором на основе [280].

При этом отрицательный вклад личного потребления был компенсирован сильным спадом импорта (–15,1% в 2015 году), что сохранило темпы роста ВВП Армении в 2015 году на уровне предыдущих лет. В 2016–2018 гг. личное потребление вернулось к росту, но ВВП вырос незначительно из-за возобновившегося снижения валового накопления основного капитала. За 2009–2014 годы капиталовложения в связи с затяжным кризисом в строительстве

сократились в общей сложности на 48% от уровня 2008 года, а в 2015 году выросли на 2,5%, но в 2016 году вновь упали – сразу на 11,2%, в 2017–2018 гг. рост не превысил 3%. Норма накопления в Армении, по оценкам МВФ, снизилась с 44% ВВП в 2008 году до 21% в 2016–2018 годах.

В 2009 году строительство в Армении сократилось на рекордные 37,4%, а всего за прошедшие 10 лет объемы работ в отрасли упали почти в три раза. В 2016 году строительство сократилось на 10,8 % (Таблица 7), причем в IV квартале падение было максимальным и составило – 18,2 % в годовом выражении.

В отраслевой разбивке основной вклад в замедление ВВП помимо строительства внесло сельское хозяйство, на долю которого приходится 17,2 % ВВП. Спад в сельскохозяйственной отрасли в 2016 году достиг 5,8 %. Такое же падение наблюдалось в традиционной для Армении отрасли – в 2010 году – Правительством Армении сельское хозяйство было провозглашено приоритетным направлением развития экономики. Падение связывается с плохим урожаем, который в свою очередь объясняется сложными погодными условиями и снизившейся доступностью качественных семян и саженцев для населения из-за падения его покупательной способности. Но уже в 2017–2018 гг. показатели сельскохозяйственного производства восстановили свой привычный рост.

Ключевой проблемой для экономики Армении в кризисных 2014–2016 годах стало взаимосвязанное сокращение личных переводов из-за рубежа, импорта и личного потребления, спровоцированное сильной девальвацией. В таких условиях снова вырос государственный долг, превысивший в 2016 году 50 % ВВП. Тем не менее, восстановление положительных тенденций в экономике Армении в 2017–2018 гг. позволяет положительно оценивать дальнейшие перспективы экономического развития страны.

Далее проведем анализ социально-экономического развития Беларуси (РБ).

В начале XXI столетия, в 2000-е годы, Республика Беларусь демонстрировала весьма значительные успехи экономического роста. А именно:

– в 2003 г. Беларусь по объему реального ВВП заняла третье место среди стран постсоветского пространства, ее опередили лишь Эстония и Узбекистан.

Показатель достиг уровня 1990 г. (справочно, в России и Украине в этот период ВВП составил лишь 80 и 55 % соответственно);

– в период с 2004–2008 гг. в Беларуси наблюдался рост экономики на фоне общемирового роста цен на нефть и другие энергоресурсы (справочно, в этот период в России рост составил 40 %) [179];

– в 2009 г. в белорусской экономике рост составил 0,1 %, то есть страна практически не ощутила влияние кризиса, одна из большинства стран европейского постсоветского пространства, хотя показатели торговли Беларуси снизились на 9 % [346].

Причины экономического бума 2000-х годов – специфика трансформации страны после распада СССР. Сохранив контроль над крупным бизнесом, власти Беларуси преодолели спад 90-х годов, но не сумели создать эффективную экономику) и особые отношения с Россией. Приватизация в Беларуси в 1990-е годы ограничилась акционированием крупных предприятий, но держателем акций осталось государство. Экономический подъем 2000-х годов не привел к серьезной модернизации обрабатывающих производств, чему способствовало сохранение традиционных направлений поставок товаров на российские рынки. Рост производительности труда отстает от темпов роста заработной платы, в экономике доминируют холдинги («Белнефтехим», «Белэнерго» и др.), а доля частного сектора в ВВП не превышает 25 % (Таблица 9) [276].

Экономика Беларуси сильно зависит от нефти и газа, поставляемых из России по ценам ниже мировых. Газ обеспечивает собственные потребности белорусской экономики, в основном идет в химическую отрасль промышленности, в том числе производство удобрений, а также на выработку электроэнергии. Нефть в стране перерабатывается и экспортируется в страны Западной Европы и в Украину. Собственное производство энергоресурсов (нефть, дрова, торф) обеспечивает менее 15 % потребления. С 2011 года российская компания «Атомстройэкспорт» ведет строительство первой в Беларуси АЭС общей мощностью 2,4 ГВт. Первый энергоблок планируется запустить уже в январе 2020 года. Это позволит Беларуси снизить импорт газа.

Таблица 9 – Основные макроэкономические показатели Беларуси, 2007–2018 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП (по ППС), млрд долл. США	122,2	137,3	138,6	151,2	162,6	168,5	173,2	179,5	174,5	172,0	179,7	189,3
% к предыдущему году	11,5	12,3	1,0	9,1	7,6	3,6	2,8	3,7	-2,8	-1,5	4,5	5,4
ВВП на душу населения (по ППС), млн долл. США	12,8	14,4	14,6	15,9	17,2	17,8	18,3	18,9	18,4	18,1	18,9	19,9
% к предыдущему году	12,0	12,7	1,2	9,2	7,8	3,7	2,8	3,6	-3,0	-1,6	4,5	5,5
Валовая норма накоплений, % от ВВП	29,7	31,5	27,7	30,1	37,8	38,4	35,3	33,4	32,2	29,8	29,9	30,5
ИПЦ, %	8,4	14,8	12,9	7,7	53,2	59,2	18,3	18,1	13,5	11,8	6,0	4,9
Безработица, %	1,0	0,8	6,1	0,0	0,6	0,5	0,5	0,5	1,0	5,8	5,7	0,0
Платежный баланс, % от ВВП	-6,7	-8,2	-12,1	-14,1	-8,2	-2,8	-10,0	-6,6	-3,2	-3,4	-1,7	-0,4
Внешний госдолг, % от ВВП	27,9	25,3	45,9	50,6	56,1	52,6	54,3	52,4	70,9	82,4	75,6	0,0

Источник: составлено автором на основе [346].

Нефтепродукты являются основной статьей экспорта Беларуси: их доля в общем товарном экспорте страны в 2005–2012 годах превышала 30 %, но к 2016–2018 году упала до 17–20 % из-за снижения мировых цен на энергоресурсы. В 2000-е годы Беларусь, несмотря на практически полную зависимость от внешних поставок энергии, выиграла от роста мировых цен на нефть и нефтепродукты, вовремя модернизировав и расширив производство на двух своих НПЗ (Мозырском и Новополоцком). Повышение мировых цен на энергоресурсы привело к ускорению роста ВВП Беларуси.

Цены на поставляемые Россией в Беларусь энергоресурсы были схожи с внутрироссийскими (с учетом транспортных издержек), но в последние годы стали приближаться к мировым. Это снизило доходы бюджета страны, формирующиеся за счет разницы в цене покупаемой у России нефти и продаваемых в Европу

нефтепродуктов, и вызвало периодически обостряющиеся споры сторон о «справедливом» уровне цен на энергоресурсы.

Специфика государственного устройства Беларуси предполагает высокий уровень расходов на поддержание социальной стабильности, что приводит к дефициту государственного бюджета. Тем не менее, по показателю ВВП на душу населения по ППС (19 тыс. долл./чел.) страна уступает соседним государствам (кроме Украины) – России, Польше, Литве и Латвии.

В 2011 году устаревшие проблемы Беларуси (отрицательное сальдо торгового баланса и издержки административно-командной системы в экономике) особо обострились. К выборам президента, прошедшим в декабре 2010 г., средний уровень заработной платы в Беларуси был поднят до уровня, соответствующего 500 долларам в месяц. Финансово-экономический кризис 2011 года выразился в двух волнах девальвации, в результате которых белорусский рубль за полгода обесценился относительно доллара США в три раза – с 3 тыс. руб./долл. в начале мая до 9 тыс. руб./долл. в конце октября.

Процесс девальвации российского рубля, который произошел в 2011 г. повлиял на увеличение потребительской инфляции в Беларуси. Согласно данных официальной статистики страны, цены в период 2011–2012 гг. выросли в 2,4 раза и привели к падению доходов населения и соответственно резкому снижению покупательской способности. Такая тенденция не могла не сказаться на темпах роста белорусской экономики, за период 2012–2014 гг. они снизились до 1,5 % в год.

После девальвации российской валюты в 2014 г. произошло тоже самое и с белорусским рублем, что привело к снижению товарооборота (Рисунок 8). Также наблюдалось уменьшение расходов жителей страны и конечно же отразилось на ВВВ Беларуси. Уже к 2015 г. он упал до 3,9 %, а в 2016 г. снизился до 2,6 %. По данным государственной статистики страны, произошло снижение практически по всем макропоказателям страны в 2016 г.: объем промышленного производства, инвестиции в основной капитал сократились соответственно на 0,4 и 17,9 % в год, объемы розничной и оптовой торговли упали на 4,1 и 10,4 % соответственно.

Кризисные явления не обошли стороной экономику Беларуси и выразились следующими проявлениями роста и падения:

- дефицита бюджета с 2014 до 2016 гг. соответственно с 1,7 до 5,3 % ВВП;
- в 2015 г. – государственного долга с 37% до 54% ВВП;
- снижение нормы накопления в 2011–2015 до 2016 гг. с 34–40% до 27 %.

Кризис 2015–2016 годов привел к очередному витку переговоров с российской стороной об уровне цен на поставляемые в Беларусь нефть и газ, что осложняет отношение между странами. Также отношения с Россией обостряются в связи с позицией Беларуси по таким внешнеторговым вопросам как, например, значительный реэкспорт Беларуси в Россию товаров, подпавших под продовольственное эмбарго, введенное Россией в отношении отдельных стран, которые фиксируются таможенной статистикой.

В 2017–2018 гг. наблюдается восстановление основных макроэкономических показателей Беларуси на фоне восстановления экономики Российской Федерации и стабилизации ситуации на мировых товарно-сырьевых рынках (Рисунок 9).

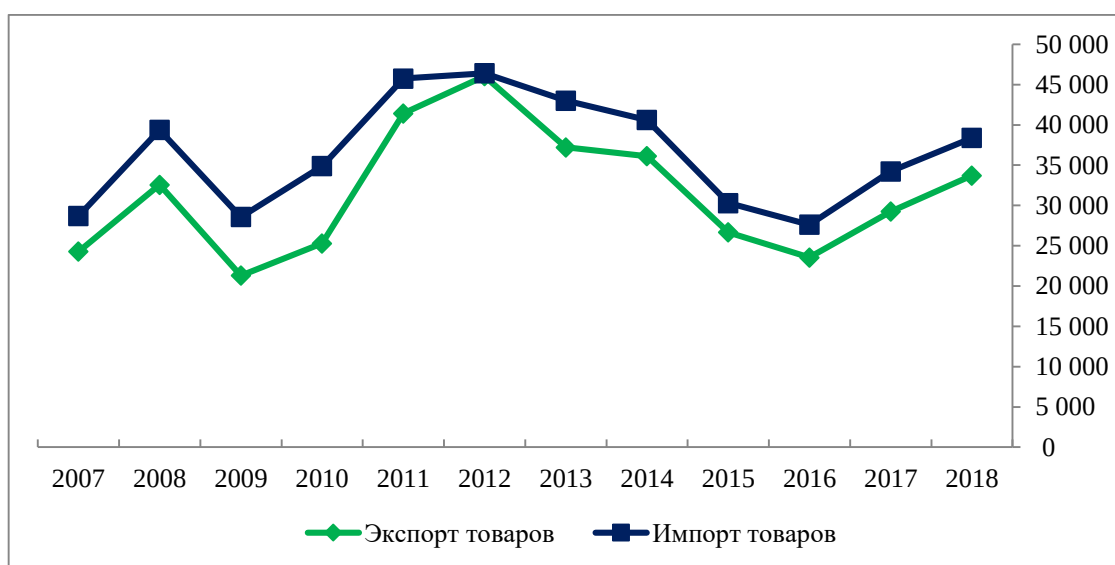

Рисунок 9 – Динамика экспорта и импорта Беларуси (сезонно очищенные ряды), 2007–2018 годы, млн долл. США.

Источник: составлено автором на основе [296].

Далее проведем анализ и дадим оценку социально-экономическому развитию Казахстана (РК).

Общие тенденции постсоветского пространства не обошли стороной Казахстан, подобно другим странам ЕАЭС. Отрицательные темпы роста также отразились на казахстанской промышленности, которая была встроена в кооперационную сеть бывшего Союза. Высокая степень интегрированности слишком замедлила трансформацию экономики страны и не дала возможности оперативно переориентироваться на новые рынки. В 1995 году, наблюдался спад в экономике на критичном уровне, темпы роста экономики и промышленности упали на 39 % и 52 % соответственно по сравнению с 1990 годом [44].

В Казахстане можно было проследить бурный отток населения из страны и колоссальный недостаток инвестиций. Но, после проведения ряда реформ казахстанская экономика постепенно стала расти, и уже в период 2000–2014 гг. ВВП страны увеличился более, чем на 1,2 % (2009 г.) (если сравнивать этот показатель с Россией, то в 2009 г. ВВП снизился на 7,8 %). Данные представлены в таблице 10.

Как видно из данных таблицы 10, рост экономики Казахстана происходит быстрыми темпами – практически в три раза за пятнадцать лет). Такое увеличение объясняется в основном за счет роста добывающих отраслей страны, богатой ресурсами и их экспорта. В структуре ВВП можно отметить, что более четверти этого показателя дает казахстанская промышленность, около 17 % обеспечивается за счет торговли, 9 % дают операции с недвижимостью, около 8 % – транспорт, а лишь 4,5 % – это вклад сельского хозяйства [275].

Экспортная ориентация страны, ее зависимость от сырьевого ресурса, конечно же, в первую очередь объясняется большими объемами полезных ископаемых в Казахстане, в частности нефти и газа. В стране имеются огромные залежи цинка, вольфрама и барита (1 место в мире по разведанным запасам), серебра, свинца и хромитов (2 место), меди и флюорита, молибдена, золота (соответственно 3,4 и 6 место), что предопределяет такую ориентацию и затрудняет

процессы диверсификации экономики и внедрение высоких технологий переработки.

Таблица 10 – Основные макроэкономические показатели Казахстана, 2007–2018 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП (по ППС), млрд долл. США	275	290	296	321	352	376	406	431	441	451	479	509
% к предыдущему году	11,8	5,3	2,0	8,6	9,6	6,8	7,9	6,2	2,3	2,2	6,1	6,4
ВВП на душу населения (по ППС), млн долл. США	17,8	18,5	18,4	19,7	21,3	22,4	23,8	24,9	25,1	25,3	26,5	27,8
% к предыдущему году	10,6	4,0	-0,7	7,0	8,1	5,3	6,3	4,6	0,8	0,8	4,6	5,1
Валовая норма накоплений, % от ВВП	43,8	45,4	40,8	43,8	47,3	43,5	39,9	40,8	34,6	33,8	37,2	-
ИПЦ, %	10,8	17,1	7,3	7,4	8,5	5,2	5,9	6,8	6,7	14,4	7,4	-
Безработица, %	0,0	0,0	6,6	5,8	5,4	5,3	5,2	5,1	4,9	5,0	4,9	-
Платежный баланс, % от ВВП	-8,0	4,7	-3,6	0,9	5,3	1,1	0,8	2,8	-3,3	-5,9	-3,1	-
Внешний госдолг, % от ВВП	105	93,5	107	92,6	75,4	75,3	70,8	79,3	88,5	132	118	-

Источник: составлено автором на основе [346].

Такой вектор развития привел страну к резкому замедлению экономического роста в 2015 г. (он снизился на 1,2 %, справочно, в 2014 г. – 4,3 %, а в 2016 г. – лишь 1 %) из-за мировой рецессии и резкого падения цен на нефть и другие энергоресурсы.

Относительно промышленного производства можно отметить, что, как и общее падение темпов роста экономики, его падение в 2015 г. составило 1,4 % (справочно, в 2016 г. – 1,1 %). И конечно, основную долю в падении сыграла добывающая промышленность страны из-за резкого изменения конъюнктуры

рынка (снижения спроса). Наблюдалось снижение добычи угля, железной руды, производство нефти и др. И как следствие, это привело также к резкому падению объемов грузоперевозок [296]. Также необходимо отметить и выросший до 21,9 % ВВП государственный дог страны (справочно, в 2014 г. он составлял 14,5 %).

В 2016 г. ключевыми отраслями казахстанской экономики, которые наконец смогли обеспечить прирост ВВП отмечается строительство, сельское хозяйство, транспорт и складирование (увеличение в 2016 г. по сравнению с 2015 г. соответственно 7,9 %, 5,5 %, 3,7 %).

Со стороны Правительства Казахстана были приняты ряд мер, а именно две программы, включающие симулирующие меры для развития экономики страны. Это было сделано с целью компенсации падения цен на нефть и поддержки производителей. Одна программа была принята в 2014–2015 гг. – программа экономической поддержки государства и вторая программа «Нурлы Жол» на пятилетку 2015–2020 гг. (программа инфраструктурного развития страны). Средства на реализацию данных программ были направлены из Национального фонда Казахстана, а их объем вырос в период с 2013–2015 гг. соответственно с 11 до 16 млрд долл. США, что в два раза превзошло объем гарантированного трансферта в размере 8 млрд долл. США в год.

Далее, Правительством было предпринято решение об уменьшении бюджета страны на 2016–2018 гг., предполагающее снижение государственных расходов за счет трансфертов квазигосударственным предприятиям. Также разработан план по стабилизации экономики для защиты страны от возникновения дефицита в виду резкого сокращения экспорта. Этот план включал в себя ряд структурных реформ и в 2015 г. был реализован в виде масштабной программы, касающейся институционального реформирования в стране «100 конкретных шагов – современное государство для всех» [297]. Также в 2015 г. был одобрен план приватизации в стране на ближайшую перспективу до 2020 г.

Одновременно началось осуществление ряда реформ, направленных на снижение доли государственного сектора в экономике. Все эти меры направлены на повышение инвестиционной привлекательности страны с целью

диверсификации экономики за счет притока прямых иностранных инвестиций и стимулирования развития технологичных отраслей, снижения роли государства в экономике и снижения дефицита бюджета и т.д. Особой мерой, которую необходимо отметить, был переход страны в 2014–2015 гг. к режиму плавающего валютного курса, то есть осуществлен отказ Казахстана от поддержания курса тенге. Такая мера позволила снизить курс тенге с 188 до 384 тенге/долл. к началу 2016 г., то есть резко его ослабить. Но уже к апрелю 2016 г. при стабилизации цен на нефть, произошло укрепление курса до 330 тенге/долл. А уже к 2018 г. мы наблюдаем картину роста курса до 345 тенге/долл.

Для сравнения можно отметить интересный факт, что обесценивание казахстанской валюты произошло на 9 месяцев позже российской, в связи с чем в начале 2015 г. курс тенге к рублю укрепился и в Россию устремился поток жителей Казахстана за покупками.

Сложившаяся ситуация с обвалом тенге привела к ускорению потребительской инфляции в Казахстане уже к середине 2015 г. (рост цен на импорт лекарств, одежды и т.д.). Что в свою очередь повлекло за собой падение уровня заработной платы почти на 2,5 % и рост инфляции до 8 %.

Реакцией Национального банка Казахстана на происходящие события стало принятие решения о постепенном повышении ключевой ставки в 2015, 2016 гг. соответственно до 11 %, 19 %, а затем постепенном снижении в 2017, 2018 гг. до 12 %, 9,25 %.

В стране наблюдался рост цен на национальные товары из-за постоянного роста цены на топливо и импорт ресурсов. Согласно статистики представляемой МВФ, в 2016 г. потребительская инфляция в стране составляла порядка 14,6 % (справочно, из того же источника, в 2014–2015 годах – 6,7 %). При этом товарооборот в розничной торговле повышался, хотя динамика его была неравномерной, наблюдались замедление в 2015 г. и ускорение в 2016 г. за счет низкой базовой ставки. Динамика курса тенге к доллару США и инфляция (ИПЦ) в Казахстане за период 2007–2018 гг. представлена на рисунке 10.

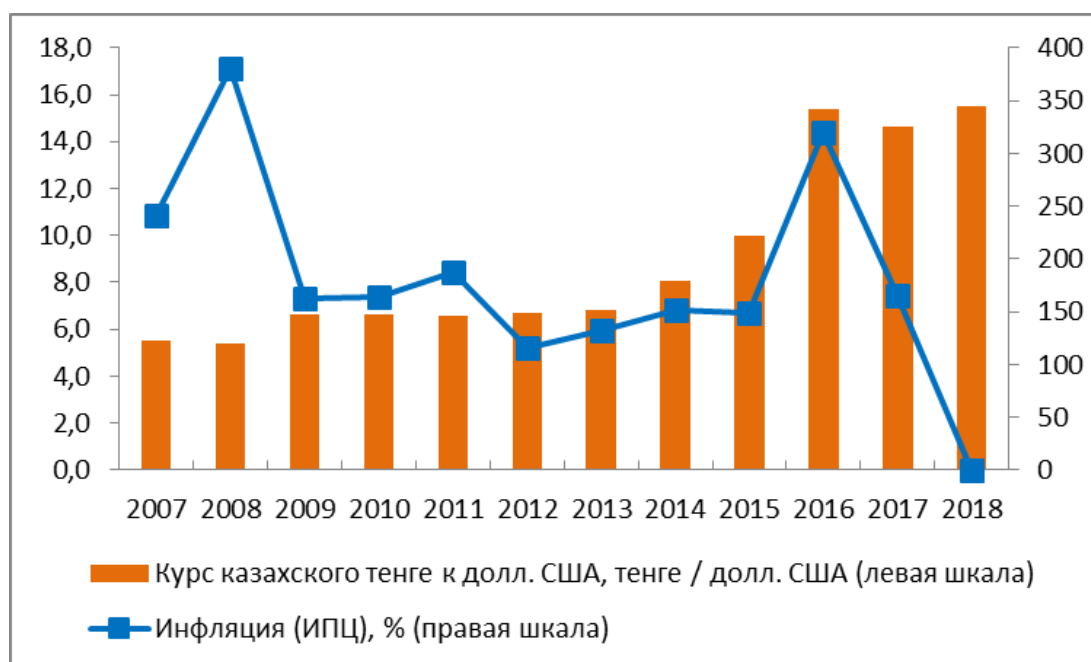

Рисунок 10 – Динамика курса тенге к доллару США и инфляция (ИПЦ), 2007–2018 гг.

Источник: составлено автором на основе [296].

Ниже рассмотрим социально-экономическое развитие Кыргызстана (КР).

Кыргызстан был одной из самых бедных республик СССР и одновременно одной из самых экономически зависимых от России. Отношение внешней торговли (среднего арифметического экспорта и импорта) к ВВП в 1988 году составило 45,6%, в том числе с другими республиками СССР – 39,6 % ВВП [288; 301]. Высокая доля межреспубликанской торговли была связана со специализацией республики на овцеводстве и производстве шерсти, выращивании хлопка и табака, производстве электроэнергии на ГЭС.

Распад Советского Союза и нарушение существовавших хозяйственных связей привели к оттоку населения из Кыргызстана и трудовой миграции в соседние более развитые страны. В период с 1990 по 2018 гг. чистый отток населения (число выбывших минус число прибывших) составил более 1 млн чел., в том числе чистый отток в Россию – более 800 тыс. чел. (Рисунок 11) Пик эмиграции пришелся на 1993 год, когда страну покинули порядка 144 тыс. чел., из которых 106 тыс. чел. переехали в Россию. Большинство мигрировавших в Россию в первой половине 1990-х годов жителей КР являлись этническими русскими,

попавшими в Кыргызстан во времена СССР по распределению после окончания вузов.

Всплески эмиграции 2005–2007 и 2010–2011 гг. связаны с государственными переворотами, произошедшими в КР в 2005 и 2010 годах. Во время «тюльпановой революции» 2005 года массовые акции протеста после парламентских выборов, проведенных с существенными нарушениями, стали причиной свержения президента А. Акаева. Смена власти не привела к заметным изменениям в стране: продолжилась борьба за власть между кыргызскими кланами севера и юга страны, сохранился низкий уровень жизни, произошло резкое повышение цен на коммунальные услуги и электроснабжение. Все это вызвало новые волнения в 2010 году, результатом которых стали свержение президента К. Бакиева и референдум. Была принята новая конституция, по которой Кыргызстан стал парламентской республикой.

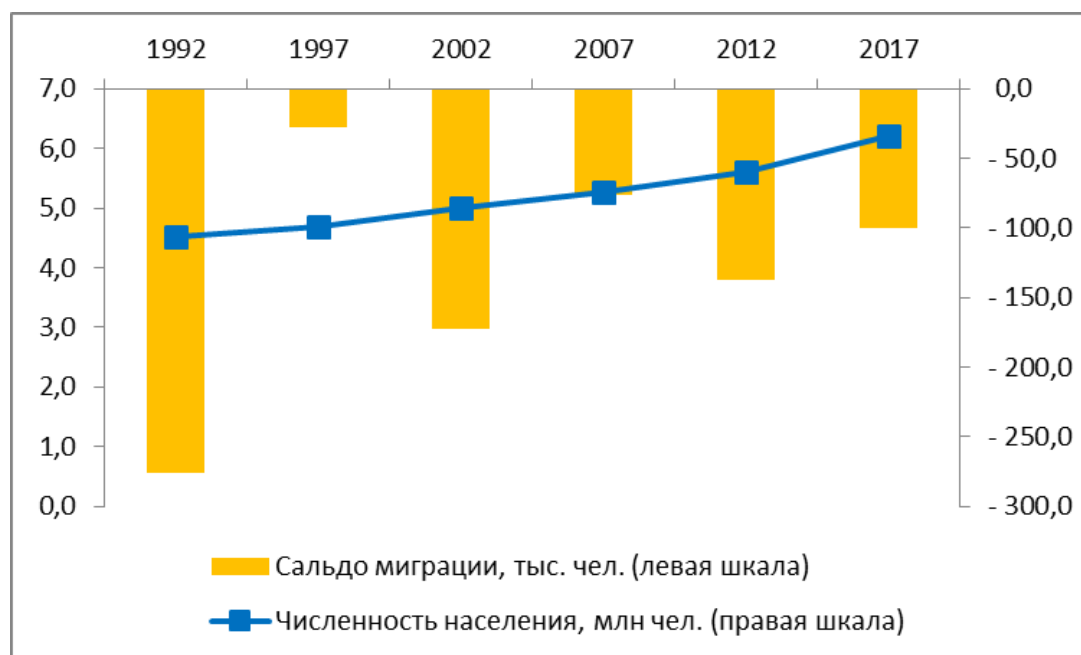

Рисунок 11 – Сальдо миграции и численность населения Кыргызстана, 1992–2017 гг.

Источник: составлено автором на основе [308; 346].

С 2012 года число эмигрантов резко сократилось (что косвенно свидетельствует о стабилизации социально-экономической ситуации в стране),

однако по-прежнему превышает число иммигрантов. В 2012–2016 годах из КР уезжали в среднем 10,2 тыс. чел. в год, в том числе 7,7 тыс. – в Россию, 2,1 тыс. – в Казахстан. За тот же период в среднем ежегодно в страну приезжали 4,1 тыс. чел. В 2017 г. страну покинуло более 4,5 тыс. чел. Среди стран, из которых люди переезжают в Кыргызстан, выделяются Россия (2,8 тыс. чел. в среднем за 2012–2017 годы) и Казахстан (0,6 тыс. чел.). Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья незначителен.

С 2014 года темпы роста ВВП Кыргызстана стабилизировались на уровне 3,5–4,0 % в год, несмотря на сжатие внешней торговли и нормы накопления. По данным Всемирного банка, за 1991–1995 годы реальный ВВП КР сократился почти вдвое – на 49,3 %. С 1996 года экономика КР вернулась к росту, хотя и достаточно медленному: уровень 1990 года ВВП КР удалось превзойти лишь в 2011 году, поскольку в 2005 и 2010 годах прирост ВВП был отрицательным в связи с острыми социально-политическими проблемами в стране. В 2014–2018 гг. темпы прироста ВВП стабилизировались на уровне 5–6 % в год. По величине ВВП по ППС на душу населения Кыргызстан среди стран СНГ обгоняет только Таджикистан (Таблица 11).

Падение денежных переводов извне во время рецессии 2015–2016 годов из России сказалось на макроэкономических показателях КР: вырос государственный долг, сократилась норма накопления, упал импорт, что также было обусловлено снижением стоимости ввозимого минерального сырья (в основном нефтепродуктов) ввиду падения мировых цен на него. После 2017 г. наблюдается восстановление основных макроэкономических показателей.

Деятельность предприятий по разработке крупнейшего в стране месторождения золота «Кумтор» обеспечивает около 10 % ВВП. В 2015 году в КР на 6 % упало производство в обрабатывающей промышленности, но в 2016 году наметилась тенденция к восстановлению (5,4 %). Важно отметить, что деятельность предприятий по разработке крупнейшего в стране месторождения золота «Кумтор» (около 10 % ВВП) в статистике относится к графе «обрабатывающая промышленность». В 2016 году продолжал расти выпуск в

добывающей промышленности (+20,1%), добыча металлических руд за соответствующий период увеличилась на 129 %, добыча нефти и природного газа увеличилась на 29 %, при этом добыча каменного угля и других полезных ископаемых сократилась. Строительная отрасль выросла на 16,3 % в основном за счет строительства объектов по добыче полезных ископаемых и жилищного строительства.

Таблица 11 – Основные макроэкономические показатели Кыргызстана, 2007–2018 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП (по ППС), млрд долл. США	12,9	14,3	14,8	14,9	16,1	16,4	18,5	19,6	20,6	21,7	23,1	24,5
% к предыдущему году	11,5	10,5	3,7	0,7	8,2	1,7	12,8	6,0	5,0	5,4	6,7	5,8
ВВП на душу населения (по ППС), тыс. долл. США	2 450	2 682	2 747	2 733	2 921	2 922	3 232	3 357	3 453	3 568	3 734	3 878
% к предыдущему году	10,4	9,5	2,4	-0,5	6,9	0,0	10,6	3,9	2,9	3,3	4,6	3,9
Валовая норма накопления, % от ВВП	-4,6	-10,1	3,3	-2,7	-1,6	-15,9	-15,6	-13,5	-8,3	-0,2	0,8	0,8
ИПЦ, %	10,2	24,5	6,8	8,0	16,6	2,8	6,6	7,5	6,5	0,4	3,2	0,0
Безработица, %	8,1	8,2	8,4	8,6	8,5	8,4	0,0	8,1	7,6	7,2	6,9	0,0
Платежный баланс, % от ВВП	-6,0	-13,9	-4,3	-9,9	-7,7	-15,5	-13,8	-17,4	-15,8	-11,6	-6,8	0,0
Внешний госдолг, % от ВВП	76,8	73,5	91,4	91,7	99,2	93,8	98,6	101,8	117,6	122,8	111,2	0,0

Источник: составлено автором на основе [309; 346].

Работа ГЭС КР обеспечивает около 30 % первичного потребления энергоресурсов страны, еще более 60 % приходится импортировать. Кыргызстан беден углеводородными ресурсами, хотя обладает значительными по меркам страны запасами угля. Также в стране расположены 30 % гидроэнергетических ресурсов Средней Азии, из которых освоена только десятая часть.

В 2014–2015 годах в КР были запущены два нефтеперерабатывающих завода, построенных китайскими компаниями, но их мощности используются в основном лишь для переработки незначительных объемов добываемой в стране нефти, поскольку КР выгоднее покупать беспошлинные нефтепродукты из России.

Среди основных проблем энергетического сектора КР стоит выделить процесс строительства Камбаратинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС, которое создает определенную степень напряженности между Кыргызстаном и соседними странами. Хотя эти проекты обладают значимостью для страны. Возведение электростанций поможет стране обеспечить себя внутренней электроэнергией и в перспективе сократит затраты на импорт энергоресурсов. Россия выступала партнером при строительстве данных проектов, но позднее соглашение было расторгнуто. В настоящее время Кыргызстан ищет инвестора с целью продолжения строительства далее.

Необходимо заметить, что данный проект на реке Нарын рассматривался еще во времена СССР, когда все страны-участники этого проекта находились в одном хозяйственном комплексе в рамках страны. Сегодня главным препятствием его развития являются экономические интересы государств, которые участвуют в нем: Кыргызстана, Узбекистана и Казахстана. Река Нарын захватывает верх Сырдарьи, ниже которого располагаются Казахстан и Узбекистан. Строительство ГЭС в Кыргызстане может негативно влиять на мелиорацию в этих странах. Ранее в Киргизской ССР в зимний период в водохранилище происходило накопление воды, которая использовалась в летнее время (тем самым, экономя электроэнергию). Нарушения в работе этой системы после распада Советского Союза привели к росту напряженности вокруг этого вопроса между странами. Похожая ситуация сложилась и вокруг Токтогульской ГЭС.

Важным фактором стало вступление КР в ЕАЭС в августе 2015 г. По мнению Правительства страны, для Кыргызстана такой шаг дает большие возможности для экономического роста в перспективе. Страна рассчитывает на приток иностранных инвестиций, развитие транспортных коридоров, выгоды от создания общих рынков, например, рынка энергоресурсов. Принятие общих требований ЕАЭС к

продукции и снятие торговых барьеров (так, с 2017 года Россия перестала взимать вывозные пошлины с нефти и нефтепродуктов, поставляемых в Кыргызстан для внутреннего потребления) будет способствовать развитию торговых отношений с партнерами по ЕАЭС (падение товарооборота в 2015–2016 годах вызвано в первую очередь снижением мировых цен и разовыми скачками – см. выше). Также это поможет КР повысить качество производимой продукции и снизить долю теневой экономики, которая, по оценкам экспертов, достигает половины ВВП в государстве.

И наконец, дадим оценку социально-экономическому развитию самой крупной экономики ЕАЭС – России (РФ).

Как и все исследуемые государства-члены ЕАЭС и другие мировые страны, Россия была затронута глобальным кризисом, хотя, как отмечается многими экспертами с некоторым запозданием. Это произошло за счет того, что в стране к 2008 г. были накоплен значительный резервный потенциал, а также достигнута определенная стабильность в виде относительно низкого долга страны и профицита бюджета. Такой запас прочности позволил в значительной мере смягчить последствия масштабного кризиса в плане социально-политической напряженности и практически не ощущался во многих экономических сферах страны.

Но, в период 2014–2015 гг., когда новый виток кризисной ситуации возобновился и пришлось оперативно реагировать на его проявления, Правительством страны была разработана и предпринята антикризисная политика, которая в 2015–2016 гг. позволила также, как и в 2009 г. смягчить последствия посткризисного периода, достигнув минимального спада в экономике страны, сохранить резервы, подавить инфляцию, контролировать все основные макроэкономические показатели.

Уже к 2017–2018 гг. наблюдался позитивный рост российской экономики, хотя при этом, ее тяжело охарактеризовать как устойчивую и стабильную, поскольку ряд макроэкономических показателей не улучшился. Динамика

основных макроэкономических показателей в период 2007–2018 гг. представлена в таблице 12.

Для экономического роста стране необходимы структурные реформы и определенные институциональные изменения, а также благоприятная внешнеэкономическая среда. Россия не так сильно пострадала в посткризисный период, как ее основные торговые и промышленные партнеры – европейские страны, которые восстанавливались достаточно длительный период (многие специалисты ставили вопрос о состоянии посткризисного периода, как периода стагнации), что не могло не сказаться на конъюнктуре рынка (большинство экономических связей было просто разорвано или частично утрачено) и не отразиться на стране.

И в этой обстановке становится предельно ясно, что существует необходимость перехода к новой модели экономического развития страны, структурная перестройка внутри российской экономики. Со стороны Правительства России ставятся достаточно амбициозные цели доведения темпов роста ВВП страны в среднесрочной перспективе до отметки 4 % (по методологии росстатистики) [102]. Эти цели также были озвучены в рамках Петербургского международного экономического форума Президентом Российской Федерации В.В. Путиным [312; 314].

Несмотря на то, что в настоящее время у России существует множество внешних угроз и вызовов, которые могут реализоваться с большой долей вероятности и привести страну к длительному застою, Минэкономразвития России также, как и Правительство ставит перед собой задачу достижения отметки роста ВВП в 4 % [316].

Проведя анализ динамики показателей макроэкономического развития России (Таблица 12), наиболее вероятным, по нашему мнению, является постепенное наращивание темпов роста национальной экономики в пределах от 2,5 до 4,0 % в год.

Таблица 12 – Динамика основных макроэкономических показателей России за 2007–2018 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП (по ППС), млрд долл. США	2 377,5	2 878,2	2 768,6	2 927,0	3 475,4	3 692,4	3 765,7	3 762,1	3 522,7	3 530,8	3 783,6	3 986,1
% к предыдущему году	11,5	21,1	-3,8	5,7	18,7	6,2	2,0	-0,1	-6,4	0,2	7,2	5,4
ВВП на душу населения (по ППС), тыс. долл. США	16 648	20 164	19 390	20 490	24 310	25 785	26 240	25 752	24 061	24 072	25 767	27 147
% к предыдущему году	11,6	21,1	-3,8	5,7	18,6	6,1	1,8	-1,9	-6,6	0,0	7,0	5,4
Валовая норма накоплений, % от ВВП	33,9	33,3	24,6	29,8	32,5	31,2	28,5	28,6	29,9	28,6	29,2	33,3
ИПЦ, %	9,0	14,1	11,6	6,8	8,4	5,1	6,8	7,8	15,5	7,0	3,7	2,9
Безработица, %	6,0	6,2	8,3	7,4	6,5	5,4	5,5	5,2	5,6	5,6	5,2	-
Платежный баланс, % от ВВП	5,6	6,3	4,1	4,4	4,7	3,2	1,5	2,8	5,0	1,9	2,1	6,9
Внешний госдолг, % от ВВП	32,8	26,0	34,4	28,3	27,3	27,6	30,1	27,5	35,1	42,1	32,0	-

Примечание: методология расчета показателей Всемирного Банка отличается от принятой Росстатом, в связи с чем показатели ВБ частично не согласуются с российской статистикой.

Источник: составлено автором на основе [344].

Наряду с ростом ВВП, одной из наиболее главных задач страны является задача обеспечения роста благосостояния населения. Кризисный период в России показал, что экономический спад достаточно мягко отразился на качестве жизни в стране, несмотря на то, что в 2015–2016 гг. привел к значительному росту количества бедных и к снижению уровня потребления. Но уже к 2017 г. наметилась и сохраняется тенденция улучшения ситуации и постепенного роста благосостояния населения страны. Это является весьма важным, поскольку зачастую экономический рост отождествляется с благосостоянием, а в данной ситуации было показано, что последнее не выполняет роль синонима экономического роста [74; 206]. А технологические инновации, проникающие сегодня во все сферы и отрасли хозяйствования, сами по себе могут сдерживать рост ВВП и при этом повышать уровень качества жизни населения.

Также требуется подчеркнуть, что до 2017 г. в стране сохранялись высокие инфляционные риски, несмотря на различные действия со стороны Банка России по принятию мер для замедления инфляции. В настоящее время сохраняются риски оттока капитала, снижения цен на нефть и другие энергоносители, неопределенность в бюджетной политике, нестабильность в уровне инфляционных ожиданий, снижение потребительского спроса и т.д.

Проведенный анализ международных сопоставлений относительно темпов роста инфляции и ключевой ставки процента, показывает, что невзирая на замедление инфляции и достижения ею весьма низких значений в 2017 г., практически равных уровню развитых стран, уровень ключевой ставки в стране достаточно высокий и сопоставим со странами, в которых инфляция в разы выше, чем в России. Это свидетельствует о том, что и в настоящее время ЦБ РФ продолжает заниматься политикой монетарного смягчения, и постепенно будет доводить ключевую ставку процента до так называемого нейтрального уровня около 6–7 %. Хотя оценки Банка России показывают, что в реалии ставка должна составлять порядка 2–3 % в год при уровне инфляции в 4 % для условий российской экономики.

Далее целесообразно рассмотреть такой ключевой параметр, как норма накопления в стране, поскольку от него зависят темпы экономического роста страны и ее технологическая модернизация, а также устойчивость экономики в целом. В России норма накопления основного капитала в настоящее время находится на достаточно низком уровне, порядка 20 %. Этого недостаточно для проведения каких-то масштабных действий по модернизации экономики, особенно если учесть моральное и физическое устаревание и изношенности основных фондов во многих отраслях российской промышленности [92; 286]. Для обеспечения модернизации производственных фондов, развития инфраструктуры, уровень нормы накопления должен составлять около 25 % ВВП.

Также необходимо отметить, что в связи с тем, что в наиболее развитых странах мира быстрыми темпами происходит смена технологических укладов, определенная опасность существует и для экономики России, с угрозой отставания [38; 80]. В контексте вышесказанного в российской экономике не достигнут даже пятый технологический уклад или же существует лишь в некоторых нишевых сферах экономики. Для сравнения, в США, структура технологического развития представляется как соотношение шестого, пятого, четвертого укладов в пропорции 5:60:20, то в РФ лишь 10 % приходится на пятый технологический уклад, в основном в авиакосмической промышленности и военно-промышленном комплексе.

Поскольку инновационное технологическое развитие в мире влияет на всю мировую экономику, и Россия здесь не исключение. Ее основные отрасли требуют масштабного обновления, особенно стратегически важные, такие как энергетика, добыча природных ископаемых, металлургия, химическая промышленность и др. [161; 214].

Период 2013 г. до 2018 г. можно охарактеризовать как период низких темпов экономического роста. Даже при повышении цен на нефть, наблюдается спад экономики (Рисунок 12).

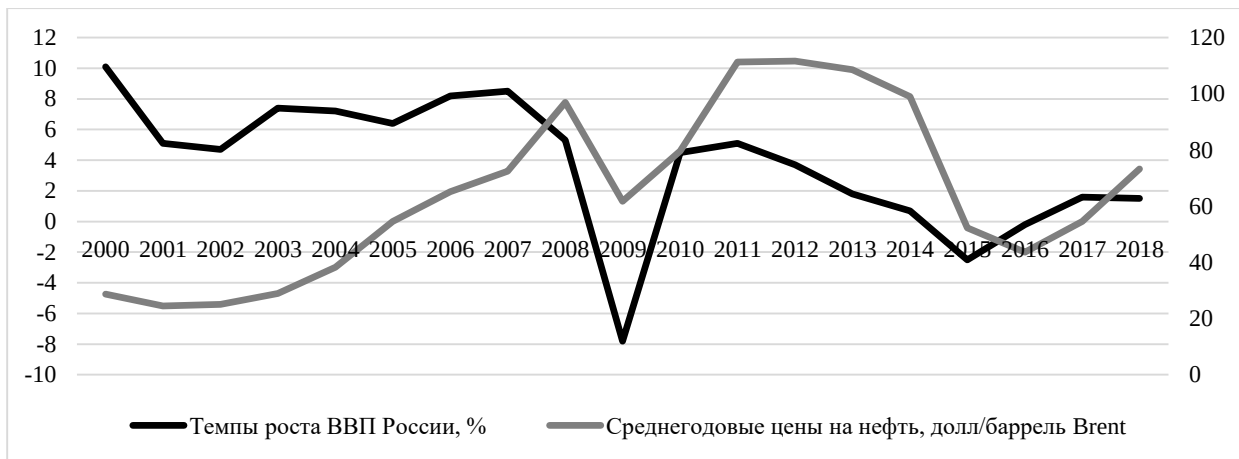

Рисунок 12 – Динамика темпов роста ВВП России и среднегодовых цен на нефть за период 2000–2018 гг.

Источник: составлено автором на основе [343; 344].

Такое снижение свидетельствует о неустойчивости российского экономического развития. Как отмечают специалисты [148], что отражает и нашу точку зрения, одной из причин такого состояния является низкая доля капитальных вложений в промышленное производство и сельское хозяйство, а также в инфраструктуру страны (проблемы отрасли машиностроения, станкостроения, высокотехнологичного производства; структурная не оптимальность экономики, высокие внутренние цены и т.д.) [92].

Нельзя также не отметить такую внешнюю угрозу для России, как санкции, поскольку в долгосрочной перспективе, они являются весьма неопределенным фактором: они могут усиливаться, а возможно будут отменены совсем или же могут появиться новые [50]. В этой связи, геополитическая нестабильность может значительно ухудшить положение России в контексте взаимного сотрудничества с рядом стран, или разрывом экономических связей в ряде отраслей промышленности с бывшими партнерами. Одновременно можно предполагать, что если достаточно долгое время решения об отмене санкций не будет принято, то постепенно адаптируясь к их негативному влиянию, воздействие таковых на российскую экономику будет снижаться. Также не исключается и тот факт, что санкции могут частично быть отменены, и сохраниться лишь в определенных нишевых сферах экономики (например, в отношении привлечения крупных

объемов внешнего кредитования, что негативно сказывается на финансировании инвестиционных проектов).

Подводя итог, можно отметить, что несмотря на все вышеизложенное, если предположить, что цены на нефть сохранятся на относительно умеренном уровне, в России сохраняется возможность внедрения структурного реформирования экономики с целью ускорения как экономического роста, так и повышению уровня благосостояния населения, в том числе на основе развития имеющегося интеграционного потенциала.

По итогам второй главы диссертационного исследования можно сделать ряд выводов. Очевидно, что Россия является экономическим лидером и доминантой Евразийского экономического союза, крупнейшим производителем всех видов продукции в ЕАЭС и крупнейшим рынком сбыта. Несмотря на очевидную несопоставимость стран-членов ЕАЭС по основным макроэкономическим показателям, именно интеграция в рамках ЕАЭС позволила всем государствам Союза в значительной степени смягчить, либо вовсе нивелировать негативные последствия распада СССР, международного экономического кризиса 2008–2009 гг. и 2012–2014 гг. В отличие от большинства других стран региона, негативные макроэкономические проявления, связанные с воздействием внешней среды, в странах-членах ЕАЭС отмечаются в меньшей степени, а темпы роста основных макроэкономических показателей имеют положительную динамику и увеличиваются по мере развития интеграционного процесса. Этому способствовало и проведенное обновление бюджетных правил в рамках государств ЕАЭС.

Даже в текущих весьма неблагоприятных экзогенных условиях макроэкономической среды страны ЕАЭС продолжают наращивать свой экономический потенциал и повышать качество жизни населения. В то же время, в связи с высокой интенсивностью изменений в мировой экономике и появлением новых вызовов и задач развития, необходима постоянная актуализация институциональной основы и повестки деятельности Союза.

Но, при этом нельзя не выделить и проблемы, с которыми сталкивается сегодня Россия, прямым образом, влияющие на развитие всего Евразийского экономического союза (санкционный режим, высокие внутренние цены, не оптимальность экономической системы, недостаточность капитальных вложений в промышленность, сельское хозяйство и инфраструктуру страны и т.д.). Но, несмотря на выделенные сложности, которые могут стать определенными угрозами для ЕАЭС, Россия, как ядро интеграции в нем, в первую очередь, заинтересована в успешности действия Союза. Достижение реальной интеграции в рамках ЕАЭС – важнейшая задача как с экономической, социальной, культурной стороны, так и с геополитической.

Важно подчеркнуть, что для социально-экономического развития государств ЕАЭС наиболее значительную роль играет топливно-энергетический комплекс. Для Казахстана и России ТЭК является основным сектором экономики, который генерирует прирост ВВП и доходов государственных бюджетов, для Армении, Беларуси и Кыргызстана критически важным фактором является надежность поставок энергетических ресурсов из России и Казахстана. Для всех стран ЕАЭС энергетика остается опорой экономического развития. В этой связи необходимо уделять особое внимание развитию интеграции энергетических рынков в ходе институционального развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

ГЛАВА 3 ПЕРВЫЕ ИТОГИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩИХ РЫНКОВ ТОВАРОВ, УСЛУГ, РАБОЧЕЙ СИЛЫ И КАПИТАЛА ЕАЭС

3.1 Анализ торговли товарами и услугами государств ЕАЭС

Проблемы влияния развития торговли на взаимозависимость экономик и развитие интеграции требуют определенных пояснений по исходным позициям анализа. В случае с ЕАЭС интеграция началась в 2000-х годах с довольно значительного уровня обмена товарами, развитой совместной инфраструктурой, совместимой во многом регламентацией и нормами там, где она сохранялась в той или иной мере со времен СССР.

История распада страны в политическом отношении сопровождалась настолько тяжелым трансформационным кризисом, что старт интеграционных процессов в новых политических условиях, на базе рыночных механизмов и частной собственности имел еще одну явную или подразумеваемую задачу: сохранить производительные активы, производственные мощности, инфраструктуру и человеческий капитал для дальнейшего развития. В значительной мере эта задача была достигнута. По нашему мнению, можно говорить о торговле товарами на этапе формализации интеграции как о важном рубеже реинтеграции на новой основе и ради более высоких задач модернизации и развития. Это соображение важно, в частности потому, что повышение производительности труда, специализация производства может вести к диверсификации производства, расширению числа торговых партнеров, не переходя к резкому увеличению валовых показателей взаимной торговли. Уровень взаимной торговли – особенно для относительно малых стран – это параметр стабильности производства и занятости, доходов бюджетов от деловой активности национальных производителей [108].

Стартовый период – Таможенный Союз – дал определенный импульс процессу взаимной адаптации, поскольку ряд аналитиков подчеркивали, что интеграция до договора о ТС в 2010 г. носила декларативный характер [96]. Для данного исследования важно, что фактическая интеграция – взаимосвязи по торговле – была достаточно высокой еще до создания ТС. Исследовательские работы на базе межотраслевого баланса России (2011 г.) показывают, что в процессе интеграции три четверти эффекта должно выражаться в повышении производительности труда, а четверть – в росте занятости [184]. Но прежде всего традиционные связи сохранялись в условиях тяжелого кризиса 2008–2009 годов и потом в периоде рецессии 2015–2016 гг.

Анализ, выполненный в предыдущей главе, показал, что в целом макроэкономические показатели стран ЕАЭС увеличивались в 2014–2018 гг., то же самое можно сказать и об экспорте, причем темпы роста экспорта в странах ЕАЭС превышали данный показатель в странах референтной группы. Важно, что 2014–2018 гг. стали первым периодом роста экспорта стран после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Необходимо подчеркнуть, что рост экспортных объемов наблюдался на фоне общей негативной конъюнктуры мировой экономики и явлений экономической рецессии в регионе. Объемы импорта также возрастали, хотя сальдо внешнеторгового баланса ЕАЭС всегда оставалось положительным (Таблицы 13, 14).

Важно отметить, что доля экспорта в страны ЕАЭС в общем объеме экспорта увеличивается в последние годы (Таблица 15). Наибольшая доля экспорта в ЕАЭС характерна для Беларуси и Кыргызстана, наименьшая – для России. Разумеется, даже 9 % экспорта России – это величина огромной важности для предприятий страны, тем более величины порядка 20–30% – это высокая степень фактической интеграции. Доля экспорта более 40 % внутри интеграционного объединения означает столь высокий уровень комплементарности, который при дальнейшем развитии скорее мог бы даже снижаться при развитии процессов диверсификации экспорта [120].

Таблица 13 – Динамика экспорта стран ЕАЭС и референтной группы в 2007–2018 гг., млрд долл. США

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Референтная группа стран												
Азербайджан	21,3	30,6	21,1	26,5	34,5	32,6	31,7	28,3	16,6	13,1	15,5	21,5
Грузия	1,2	1,5	1,1	1,7	2,2	2,4	2,9	2,9	2,2	2,1	2,7	3,4
Молдова	1,3	1,6	1,3	1,5	2,2	2,2	2,4	2,3	2,0	2,0	2,4	2,7
Таджикистан	1,5	1,4	1,0	1,2	1,3	1,4	1,2	1,0	0,9	0,9	1,2	1,2
Украина	49,3	67,0	39,8	51,5	68,5	68,5	64,3	54,2	38,1	36,4	43,3	47,3
Узбекистан	8,0	10,3	10,7	11,7	13,3	11,2	12,0	11,5	9,4	9,0	10,4	11,2
Страны-члены ЕАЭС												
Армения	1,2	1,1	0,7	1,0	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,8	2,2	2,4
Беларусь	24,3	32,6	21,3	25,3	41,4	46,1	37,2	36,1	26,7	23,5	29,2	33,7
Казахстан	47,8	71,2	43,2	60,0	84,3	86,4	84,7	79,5	46,0	36,7	48,5	61,0
Кыргызстан	1,3	1,9	1,7	1,8	2,0	1,9	2,1	1,9	1,4	1,6	1,8	1,8
Россия	354,4	471,6	303,4	400,6	522,0	529,3	521,8	496,8	341,4	281,7	353,5	444,0
ЕАЭС, всего	428,9	578,3	370,3	488,7	651,1	665,0	647,3	615,8	417,0	345,3	435,3	542,9

Источник: составлено автором на основе [344].

Таблица 14 – Динамика импорта стран ЕАЭС и референтной группы в 2007–2018 гг., млрд долл. США

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Референтная группа стран												
Азербайджан	6,0	7,6	6,5	6,7	10,2	10,4	10,3	9,2	9,2	8,5	8,8	11,0
Грузия	5,2	6,3	4,5	5,3	7,1	8,0	8,0	8,6	7,3	7,3	7,9	9,1
Молдова	3,7	4,9	3,3	3,9	5,2	5,2	5,5	5,3	4,0	4,0	4,8	5,8
Таджикистан	2,5	3,3	2,6	2,7	3,2	3,8	4,2	4,3	3,4	3,0	2,8	2,4
Украина	60,6	85,5	45,5	60,9	82,6	84,6	76,8	54,3	37,5	39,3	49,6	57,0
Узбекистан	6,3	9,3	9,0	8,7	10,5	12,0	13,1	13,9	11,5	11,3	12,0	17,3
Страны-члены ЕАЭС												
Армения	3,3	4,4	3,3	3,8	4,1	4,3	4,5	4,4	3,2	3,3	4,2	5,0
Беларусь	28,7	39,4	28,6	34,9	45,8	46,4	43,0	40,6	30,3	27,6	34,2	38,4
Казахстан	32,8	37,9	28,4	31,1	36,9	46,4	48,8	41,3	30,6	25,4	29,6	32,5
Кыргызстан	2,8	4,1	3,0	3,2	4,3	5,4	6,1	5,7	4,1	4,0	4,5	4,9
Россия	223,5	291,9	191,8	248,6	323,8	335,4	341,3	307,9	193,0	191,5	238,1	249,1
ЕАЭС, всего	291,0	377,6	255,1	321,6	414,9	437,8	443,6	399,9	261,2	251,8	310,6	329,9

Источник: составлено автором на основе [344].

Таблица 15 – Взаимная торговля внутри ЕАЭС в 2015–2018 гг.

Страна / год	2015	2016	2017	2018
Объем торговли со странами-членами ЕАЭС, млн долл. США				
Армения	256,2	393,9	571,0	688,5
Беларусь	11 007,8	11 384,8	13 651,8	13 932,2
Казахстан	5 120,3	3 930,2	5 262,5	6 046,8
Кыргызстан	410,2	447,1	541,5	640,6
Россия	28 821,2	26 804,3	34 685,6	39 953,4
ЕАЭС, всего	45 615,7	42 960,3	54 712,4	61 261,5
Доля экспорта в страны-члены ЕАЭС в общем объеме экспорта				
Армения	17,3%	22,0%	25,4%	28,5%
Беларусь	41,3%	48,4%	46,7%	41,3%
Казахстан	11,1%	10,7%	10,8%	9,9%
Кыргызстан	28,5%	28,4%	30,7%	36,3%
Россия	8,4%	9,5%	9,8%	9,0%
ЕАЭС, всего	10,9%	12,4%	12,6%	11,3%

Источник: составлено автором на основе [64].

Увеличение в объемах торговли государств ЕАЭС наблюдается и в динамике с третьими странами. В период с 2015 по 2018 гг., согласно данных ЕЭК [64], можно отметить, что в целом товарооборот увеличился со 103,3 % до 118,9 %, а экспорт вырос со 113,9 % до 126,8 %. Динамика показателей открытости экономик стран ЕАЭС также свидетельствуют о тенденции роста (Таблица 16).

Специфика внутреннего разделения труда исторически носит межотраслевой, нежели внутриотраслевой характер [52; 117]. Столь высокие показатели торговли в мире достаточно редки, и, естественно, их необходимо сохранять и развивать. Такие показатели позволили избежать тяжелых разрушений народного хозяйства, как это произошло в ряде других постсоветских государств за прошедшую четверть века. В этом плане при всех колебаниях мировой конъюнктуры, сложностях конкуренции внутри ЕАЭС рынки внутри Союза играют огромную роль даже для ведущих по своим размерам стран.

По данным ЕЭК, по итогам 2018 г. объем взаимной торговли товарами внутри ЕАЭС составил 61,3 млрд долл. США, что на 10,1 % выше уровня 2017 г. Такой рост объясняется увеличением физического объема торговли, а также возрастанием цен на товары.

Таблица 16 – Динамика показателей открытости экономик стран ЕАЭС в 2014–2018 гг., % к ВВП

Страна / год	2014	2015	2016	2017	2018
Экспортная квота					
Армения	13,3	14,1	17,0	19,4	19,4
Беларусь	45,9	48,2	49,5	53,5	56,6
Казахстан	35,9	24,9	26,8	29,8	35,2
Кыргызстан	25,2	22,2	23,1	22,9	21,8
Россия	23,9	25,1	22,4	22,8	27,2
ЕАЭС, всего	25,7	25,8	23,6	24,3	28,7
Импортная квота					
Армения	38,0	30,4	30,6	35,5	39,9
Беларусь	51,6	54,8	58,2	62,6	64,5
Казахстан	18,6	16,6	18,5	18,2	18,8
Кыргызстан	76,8	62,2	58,7	58,4	60,6
Россия	13,7	13,4	14,2	14,5	14,5
ЕАЭС, всего	15,7	15,4	16,4	16,6	16,8
Внешнеторговая квота					
Армения	51,3	44,5	47,6	54,9	59,3
Беларусь	97,5	103,0	107,7	116,1	121,1
Казахстан	54,5	41,5	45,3	48,0	54,0
Кыргызстан	102,0	84,4	81,8	81,3	82,4
Россия	34,6	38,5	36,6	37,3	41,7
ЕАЭС, всего	41,4	41,2	40,0	40,9	45,5

Источник: составлено автором на основе [64].

Анализируя товарную структуру во взаимном товарообороте стран ЕАЭС, можно отметить, что самая большая величина удельного веса в 2018 г. отмечается у минеральных продуктов (он составляет 28,5 % от объемов товарооборота), из числа которых порядка 85 % поставляется Россией на рынок региона ЕАЭС. Также большая доля удельного веса в товарообороте у машин, оборудования и транспортных средств – 60,7 % Российская Федерация и 35,1 % Республика Беларусь. Сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары в структуре составляют – 14,8 % всего, из которых 37 % Российская Федерация и 51,1 % Республика Беларусь. 13,2 % объема взаимной торговли составляет доля металлов в товарообороте, из которых на поставки из России отводится 63,2 %. Прочие промежуточные товары занимают 39,6 %, энергетические товары – 23,6 %, а потребительские – 25,3 %, и лишь 8,7 % товары инвестиционного назначения.

Около 97 % совокупного товарооборота внутри ЕАЭС происходит с участием России, в том числе 60 % общего объема приходится на торговлю России с Беларусью, 31 % – с Казахстаном. Россия имеет положительное сальдо со всеми остальными государствами – членами ЕАЭС. Главной товарной статьей российских поставок, особенно в Беларусь и Кыргызстан, является минеральное топливо. Данные по взаимной торговле стран ЕАЭС показывают, в целом, достаточно высокий рост абсолютных значений взаимной торговли, доля взаимной торговли в целом остается на достаточно высоком уровне (более 10 %). Сдерживающим фактором, который влияет на увеличение объемов взаимной торговли, остается экспортно-ориентированный характер экономик России и Казахстана при сравнительно малой емкости рынков Беларуси, Армении и Кыргызстана.

Достаточно динамичным компонентом развития в глобальной экономике, международной торговле и инвестициях в настоящее время выступают услуги. В последние годы темпы торговли услугами росли быстрее, чем соответствующие показатели взаимной торговли товарами. Регион ЕАЭС – как новое перспективное интеграционное объединение – стоит перед сложной практической задачей по созданию внутреннего рынка, – в соответствии со ст. 28 Договора о ЕАЭС, экономического пространства, в котором «обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов». Поэтому задача по снятию препятствий в развитии деятельности по оказанию услуг между государствами ЕАЭС является необходимым условием усиления процесса интеграции и содействия устойчивому и сбалансированному экономическому и социальному прогрессу. Уже с 2015 г. на пространстве региона ЕАЭС действует общий рынок услуг, который охватывает порядка сорока трех отдельных секторов услуг. В ближайшее время будут охвачены еще двадцать один сектор в рамках соответствующих планов либерализации [36; 84; 284].

Оценить интенсификацию торговли услугами между странами ЕАЭС не представляется возможным в связи с отсутствием достаточно полных статистических данных в таком разрезе (данные ЕЭК в сфере услуг по состоянию

на середину 2019 г. были представлены только в период за 2010–2017 гг. без детализации по взаимной торговле услугами) [64]. Однако имеющаяся статистика позволяет выявить ряд любопытных тенденций. Во-первых, Беларусь – единственная страна с положительным сальдо торговли услугами среди стран-членов ЕАЭС. В структуре экспорта услуг в Беларуси, Казахстане и России преобладают транспортные услуги, а у Армении и Кыргызстана – туристические поездки. Причем эта структура сохраняется, начиная с 2010 года. В структуре импорта услуг в Армении, Кыргызстане и России наибольшую долю занимают туристические поездки, у Беларуси – транспортные услуги, а у Казахстана – строительство (Таблицы 17 и 18).

По данным платежных балансов государств – членов ЕАЭС в январе-декабре 2017 года общий оборот услуг составил 175,4 млрд долл. США, что на 14,6 % больше, чем в 2016 г. Тем не менее, в 2016 г. объем оборота услуг в государствах-членах ЕАЭС был на 9 % ниже, чем в 2015 г. Указанная статистика за 2017 год лишний раз подчеркивает необходимость более динамичного развития сектора услуг, открытости экономик государств-членов в данной сфере, которая, к сожалению, пока не в состоянии в полной мере конкурировать с рынком товаров ЕАЭС.

Рассмотрим и проанализируем более подробно экспорт услуг внутри региона ЕАЭС. В рамках рассматриваемого периода 2010–2017 гг. можно условно выделить три отрезка, характеризующихся разнонаправленной динамикой стоимостного объема (в текущих долларах) экспорта услуг стран ЕАЭС.

Таблица 17 – Динамика экспорта услуг между странами-членами ЕАЭС в 2010–2017 гг., млн долл. США

Вид услуг / год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Транспортные услуги	20 422	23 403	25 653	27 748	28 493	23 539	23 959	27 239
Поездки	11 081	14 102	14 043	15 712	15 482	12 044	11 444	13 075
Телекоммуникационные услуги	1 514	1 618	1 696	1 863	2 065	1 691	1 446	1 445
Строительство	3 702	4 900	5 449	7 287	6 401	5 255	5 109	6 115
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	541	462	564	605	504	728	479	462
Финансовые услуги	1 101	1 156	1 394	1 768	1 669	1 281	1 231	1 213
Компьютерные и информационные услуги	1 743	2 161	2 626	3 322	3 639	3 563	3 980	5 030
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	396	580	690	769	708	751	579	767
Прочие деловые услуги	13 203	15 682	17 384	19 673	18 018	13 678	12 855	13 717
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	510	533	587	803	720	373	454	528
Государственные услуги	794	1 030	1 484	1 309	1 255	1 199	1 102	1 191

Источник: составлено автором на основе [64].

Таблица 18 – Динамика импорта услуг между странами-членами ЕАЭС в 2010-2017 гг., млн долл. США

Вид услуги	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Транспортные услуги	16 012	19 967	21 767	22 740	20 398	15 889	15 339	18 474
Поездки	29 314	36 035	46 424	57 729	54 932	39 207	27 937	35 393
Телекоммуникационные услуги	2 290	2 782	2 831	3 114	3 155	2 718	2 178	1 759
Строительство	6 456	7 843	11 012	12 713	10 690	7 554	6 891	7 119
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	1 412	1 671	1 674	1 537	1 794	1 509	1 091	1 350
Финансовые услуги	3 089	2 807	3 241	3 925	2 897	2 444	2 693	2 751
Компьютерные и информационные услуги	2 094	2 612	2 828	3 532	4 331	3 451	3 852	4 215
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	5 033	6 020	7 896	8 671	8 430	5 922	5 257	6 258
Прочие деловые услуги	21 496	23 322	25 176	28 279	29 561	23 689	22 324	24 199
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	1 073	1 146	1 215	1 410	1 746	1 199	1 117	1 558
Государственные услуги	2 261	2 271	2 624	2 806	2 300	1 882	1 736	1 607

Источник: составлено автором на основе [64].

В период действия Таможенного Союза 2010–2014 гг. Армения, Беларусь и Казахстан нарастили стоимостные объемы экспорта услуг почти на две трети, Кыргызстан – на половину, России – на треть. Но в период 2014–2016 гг. стоимостные объемы экспорта услуг сократились в процентном выражении заметнее всего в России (–23,1 % 2016 г./2014 г. и –27,9 % 2016 г./2013 г.), в Беларуси (–13,5%). Затем, в 2017 г. объем экспорта услуг увеличился во всех странах, кроме Кыргызстана.

Значительное наращивание экспорта услуг сменилось спадом в 2014 г. у России и Кыргызстана, а в 2015 г. – у Армении, Беларуси и Казахстана. Макроэкономические причины такого поворота в динамике были связаны с рецессией. Заметим, что сокращение экспорта услуг для России в 2016 г. по отношению к 2013 г. было наиболее значительным и составило порядка 30 %. У Беларуси ощутимое снижение экспорта услуг сменилось оживлением в 2016–2017 гг.

Взаимная торговля услугами стран ЕАЭС в рамках региона характеризуется своеобразием экономической структуры самих экономик и их взаимных отношений (Таблица 19).

Таблица 19 – Экспорт, импорт и сальдо торговли услугами стран-членов ЕАЭС в 2010–2017 гг., млн долл. США

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Экспорт услуг								
Армения	997	1 299	1 395	1 511	1 613	1 507	1 602	1 910
Беларусь	4 497	5 291	5 974	7 155	7 546	6 332	6 469	7 344
Казахстан	4 113	4 335	4 821	5 379	6 564	6 411	6 262	6 382
Кыргызстан	388	594	987	817	695	853	781	745
Россия	45 012	54 110	58 392	65 996	62 537	48 997	47 525	54 401
Импорт услуг								
Армения	1 271	1 373	1 493	1 638	1 730	1 605	1 678	1 946
Беларусь	2 935	3 255	3 968	5 096	5 574	4 262	4 226	4 655
Казахстан	11 335	10 928	12 717	12 414	12 655	11 279	10 676	10 372
Кыргызстан	644	820	1 323	975	1 098	1 041	964	823
Россия	74 347	90 099	107 188	126 334	119 177	87 275	72 871	86 887
Сальдо торговли услугами								
Армения	-274	-74	-98	-127	-117	-98	-76	-36
Беларусь	1 562	2 035	2 007	2 059	1 972	2 070	2 243	2 688
Казахстан	-7 221	-6 594	-7 896	-7 035	-6 090	-4 868	-4 414	-3 990
Кыргызстан	-256	-226	-336	-158	-404	-188	-183	-78
Россия	-29 336	-35 989	-48 796	-60 337	-56 641	-38 278	-25 347	-32 486

Источник: составлено автором на основе [33; 64].

Проведя анализ структуры экспортных операций взаимного оборота услугами Армении, можно подчеркнуть, что сверх 60 % включают поездки, из которых, до 90 % – большая часть экспорта ложится на личные поездки. На втором месте по удельному весу в стоимостном объеме экспортных услуг занимают транспортные услуги (11,7 % в 2016 г.), на третьем – телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги (10,8 %), на четвертом – строительство (9,3 %).

В период 2010–2014 гг. все виды услуг демонстрировали положительную динамику за исключением услуг по переработке товаров, принадлежащих другим странам, пассажирских транспортных услуг (ввиду снижения экспорта воздушных пассажирских транспортных услуг и почтовых услуг, и услуг курьерской связи), а также услуг частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха. В 2014–2016 гг. в условиях спада инвестиционной активности значительно снизился экспорт строительных услуг (–29,2 %). Однако значительный рост стоимостного объема экспорта телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг (+33,3 %), прирост объема транспортных услуг (+3,8 %) при практически не изменившемся стоимостном объеме экспортных услуг в разделе поездки скомпенсировали негативную динамику в строительном секторе.

В структуре экспорта услуг из Беларуси так же доминирует экспорт транспортных услуг, но структура экспорта более диверсифицирована. Наибольший удельный вес в совокупном объеме экспорта транспортных услуг имеют автомобильный грузовой транспорт, грузовой трубопроводный транспорт, а также железнодорожный грузовой транспорт.

В 2017 г. основными экспортными услугами были транспортные услуги (42,9 %), телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги (17,0 %), строительство (15,1 %), поездки (10,4 %). При этом еще в 2010 г. на транспортные услуги приходилось 61,8% экспортного объема, а на строительство и телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги 3,2 % и 8,1 % соответственно.

В период 2010–2014 годов основные экспортные услуги продемонстрировали значительный рост, что обеспечило совокупный прирост стоимостного объема экспорта в размере 64,3 %. Так, прирост транспортных услуг составил 25,8 %, телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг – 131,5 %, строительных услуг – 707,7 %, услуг в разделе поездки – 97,0 %.

В экспортной структуре услуг Казахстана преобладают транспортные услуги (56,2% в 2016 году) (в частности на грузовые перевозки пришлось 50,2% всего стоимостного объема экспорта услуг Казахстана), поездки (24,6%), технические, связанные с торговлей и прочие деловые услуги (6,0%), а также строительство (4,4%). Причем данная структура практически не изменилась с 2010 года (55,4%, 24,4%, 6,1% и 0,6% соответственно).

В период 2010–2014 годов экспортный объем услуг из Казахстана вырос на 60,7%, что было обусловлено значительным приростом экспорта транспортных услуг (+70,1%), экспорта услуг в разделе поездки (+46,0%), экспорт технических, связанных с торговлей и прочих деловых услуг вырос на 64,6%, а экспорт строительных услуг – на 579,1%.

Наибольший вклад в совокупное снижение экспорта услуг из Казахстана на 4,7% в период 2014–2016 годов внесли транспортные услуги (–8,8%), а также в меньшей мере технические, связанные с торговлей и прочие деловые услуги (–8,7%). В то же время экспорт в разделе поездки заметно замедлил свой рост, однако остался в зоне положительных приростов (+5,5%). Аналогичную динамику продемонстрировали строительные услуги (+75,3% 2016 г./2014 г.).

Среди экспортируемых Кыргызстаном услуг лидирующую позицию по удельному весу в стоимостном объеме в 2017 году занимал раздел поездки (51,4% стоимостного объема экспорта услуг), на втором месте – транспортные услуги (19,7%), на телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги пришлось 7,8%, на строительство пришлось – 7,3%. До 2015 года структура экспорта по видам услуг заметно отличалась от структуры 2017 года.

В период 2010–2014 годов экспорт услуг из Кыргызстана вырос более чем на 50% в стоимостном выражении. Основной вклад в наращивание экспорта услуг в

указанный период внесли услуги в разделе поездки (+164,7 %), строительство (147,7 %), транспортные услуги (+5,4%). В данный период из основных видов экспортируемых услуг снижался только экспорт телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг (–7,3 %). Снижение экспортных объемов услуг в период 2014–2017 годов было не столь значительно в связи с тем, что основные виды услуг демонстрировали хоть и не высокие, но положительные приросты: экспорт транспортных услуг вырос на 4,7 %, услуг в разделе поездки – на 2,3 %. Кроме того, экспорт телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг вырос в данный период более чем в 3 раза. Однако, в 2016 году на четверть сократился экспорт строительных услуг относительно уровня 2014 года, что и обусловило совокупное снижение экспорта услуг на 6,6 %.

Основными экспортными услугами России являются транспортные услуги (33,9 % в 2017 году), прочие деловые услуги (23,0 %), поездки (15,4 %), строительство (7,0 %). Данная структура экспортных услуг устойчива: так, в 2010 году на эти виды услуг пришлось 30,3 %, 25,1 %, 18,0 % и 7,1 % соответственно.

В период 2010–2014 годов экспорт услуг из России вырос более чем на 33,7 % в стоимостном выражении. Данный прирост обусловлен тем, что стоимостные объемы всех основных экспортных услуг в тот же период выросли в среднем на треть: транспортные услуги (38,1 % 2016 г./ 2014 г.), прочие деловые услуги (35,6 %), поездки (33,2 %), строительство (35,7 %).

Снижение экспортных объемов услуг в России в 2014–2016 годах составило 23,1%, что стало рекордным падением среди стран ЕАЭС. Сокращение стоимостного объема экспортируемых транспортных услуг в 2016 г. составило 16,7%, прочих деловых услуг – 30,4%, поездок – 33,8%, строительства – 24,8%. Однако в 2017 г. объем экспорта всех видов услуг вырос на 19,2% к уровню 2016 г., практически до уровня 2015 г. Среди всех основных разделов услуг, экспортируемых из России, в период 2014–2016 годов вырос только экспорт услуг по переработке товаров, принадлежащих другим странам (+5,1%).

Импорт услуг в стоимостном выражении заметно рос в России до 2013 года включительно, в Беларуси и Армении – до 2014 года. В Казахстане колебания

объемов импорта услуг 2012–2014 годов сменились резким падением в 2015 году, схожая динамика наблюдалась и в Кыргызстане.

Глубоким падением охарактеризовалась динамика стоимостных объемов импортных услуг в России и Беларуси (–38,5% и –23,5% соответственно). Кыргызстан и Казахстан потеряли в стоимостных объемах импортных услуг 15,2% и 14,3% соответственно. Только в Армении импорт услуг в стоимостном выражении практически вырос в 2017 году относительно 2014 года.

В структуре импортных услуг Армении наибольший удельный вес в 2017 году имели поездки (63,5%), транспортные услуги (21,9%), а также прочие деловые услуги (5,8%). В 2010 г. лидерами в рейтинге импорта была та же тройка, хотя за семилетний период, их удельный вес постоянно перераспределялся: импорт услуг на поездки, транспортные услуги и прочие деловые услуги составлял в 2010 г. соответственно 45,4 %, 35 %, 8,5 %.

Совокупный стоимостной объем импортных услуг Армении вырос в период 2010–2014 годов на треть, что обусловлено ростом импорта услуг в категории поездки на 76,9% и транспортных услуг на 4,5%. В то же время импорт прочих деловых услуг снизился в стоимостном выражении на 25,6 %. В 2014–2016 годах импорт транспортных услуг в стоимостном выражении сократился на 21,0 %, однако импорт в категории поездки остался в зоне положительных приростов (+4,2%), а также положительную динамику сохранили прочие деловые услуги (+20,8%). Таким образом, импорт услуг в Армению сократился только на 3,0 % в 2016 году относительно уровня 2014 года. В 2017 г. Армения нарастила импорт услуг на 15,9 % по сравнению с 2016 г.

К основным импортным услугам Беларуси относятся транспортные услуги (29,7 % в 2017 году), строительство (20,5 %), поездки (18,4 %), прочие деловые услуги (12,9 %) и телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги (6,3 %). В 2010 году к числу основных услуг относились транспортные услуги (45,3 %), поездки (15,3 %), прочие деловые услуги (15,0 %) и телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги (10,3 %), а удельный вес строительства составлял лишь 5,7 %.

Совокупный стоимостной объем импортных услуг Беларуси в период 2010–2014 годов вырос почти в два раза, и такой рост был обусловлен расширением импорта услуг основных категорий: поездки – на 146,1 % в стоимостном выражении, строительство – на 788,6 %, транспортные услуги – на 11,8 %, прочие деловые услуги – на 10,8 %. Из основных категорий импорт снизился только в категории телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги (–26,6 %). Снижение стоимостного объема импортируемых услуг на 23,5 % в 2016 году относительно 2014 года связано с сокращением импорта в трех основных категориях, на которые приходится более 70 % всего стоимостного объема импортируемых услуг: импорт транспортных услуг снизился в стоимостном выражении на 14,4 %, строительных услуг – на 41,0 %, импорт в категории поездки – на 30,5 %. Рост импорта телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг (+21,3 %) и прочих деловых услуг (+13,8 %) не смог компенсировать значительного сокращения импорта остальных категорий услуг с высоким удельным весом в 2016 г., однако в 2017 г. объем импорта услуг вырос на 10,2 %, причем положительное сальдо сохранилось.

В структуре импортных услуг Казахстана лидируют прочие деловые услуги (38,8 % в 2017 году), строительство (19,8 %), поездки (15,0 %) и транспортные услуги (13,2 %). Данная структура довольно устойчива; с 2010 года лишь незначительно изменился удельный вес видов услуг: прочие деловые услуги – 47,6 % в 2010 году, строительство – 14,7 %, поездки – 11,2 %, транспортные услуги – 16,6 %.

В Казахстане рост стоимостного объема импортных услуг 2010–2014 годов был практически нивелирован в период 2014–2016 годов. Увеличение импорта услуг в Казахстане в 2010–2014 годах произошло за счет роста импорта прочих деловых услуг (+7,6 %), импорта услуг в категории поездки (+51,8 %), транспортных услуг (26,2 %). В этот период наблюдалось снижение импорта только в категории строительство (–3,7 %). В 2014–2017 годах, напротив, произошло сокращение во всех основных (и в подавляющем большинстве прочих категорий услуг), которое было компенсировано ростом импорта строительных

услуг (+36,6 %). Импорт прочих деловых услуг снизился на 26,3 %, в категории поездки – на 14,2 %, транспортных услуг – на 38,8 %.

Основными импортируемыми услугами в Кыргызстан стали поездки (44,1 % в 2016 году) и транспортные услуги (38,8 %). Изменение структуры импортных услуг в 2016 году относительно 2010 года произошло в первую очередь за счет снижения удельного веса категории «не распределено по услугам». В 2010 году на поездки приходилось 18,5 % всего стоимостного объема импортируемых услуг, на транспортные услуги – 52,0%.

В период 2010–2014 годов импорт услуг в стоимостном выражении вырос более чем в два раза, что связано с увеличением импорта транспортных услуг на 46,0 % и импорта в категории поездки на 163,2 %. В 2014–2017 годах сокращение импорта составило 19,1 %, поскольку сокращение импорта транспортных услуг сопровождалось увеличением импорта в категории поездок.

Из Российской Федерации в основном поступает импорт в таких направлениях, как поездки, прочие деловые услуги, транспортные услуги, телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги и строительство в объемах соответственно в 2017 г. – 32,2 %, 23,5 %, 15,6 %, 7,3 % и 5,1 %. Необходимо отметить, что в ретроспективе структура российского импорта услуг практически не меняется. Аналогичная картина отмечается в 2010 г.: поездки – 35,5 %, прочие деловые услуги – 20,8 %, транспортные услуги – 15,8 %, телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги – 5,3 % и строительство – 6,1 %.

Импорт России в стоимостном выражении в 2010–2014 годах вырос почти на две трети за счет существенного прироста во всех основных категориях импортируемых услуг. Так, стоимостные объемы импорта в категории поездки выросли на 88,9 %, импорт прочих деловых услуг – на 48,1 %, транспортных услуг – на 29,6 %, телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг – на 73,3 %, строительных – на 63,4 %.

В 2014–2016 годах в России происходило сокращение импорта во всех категориях услуг и во всех группах (за исключением импорта услуг в области

научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и информационных услуг). Стоимостные объемы импорта в категории поездки сократились на 52,5 %, импорт прочих деловых услуг – на 24,6 %, транспортных услуг – на 24,9 %, телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг – на 21,3 %, строительных – на 49,8 %. В совокупности падение импорта отдельных категорий услуг привело к сокращению стоимостного объема импортируемых услуг на 38,5 %. В 2017 г. импорт всех видов услуг в России существенно вырос – на 19,2 %.

3.2 Миграционные процессы в странах ЕАЭС: движение трудовых ресурсов

Рост населения и предложение рабочей силы в странах Евразии определяются несколькими ключевыми факторами: экономическая стабильность и перспективы жизни, национальные традиции и фактор преодоления рубежа «второго демографического перехода» в части стран (резкое снижение рождаемости). В ЕАЭС и референтной группе самые низкие уровни рождаемости наблюдаются в таких странах, как Украина и Молдова. В России, Беларуси и Грузии они остаются низкими, но имеют положительную тенденцию. В Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане нормы рождаемости остаются высокими и стабильными (Таблица 20).

Учитывая сложившиеся условия, очевидно, что миграция населения и перемещение больших масс рабочей силы, конечно же, будут происходить в сторону более развитых стран и географически наделенных территориями соседей, чем в дальние регионы мира через преодоление больших расстояний. Стабильность трудовых отношений, либерализация рынков труда и финансов на пространстве ЕАЭС обеспечило расширение участия трудовых мигрантов из всех стран региона в России и Казахстане (Таблица 21).

Постепенный рост внутренней экономики и занятости в странах ЕАЭС создал возможности трудоустройства на внутренних рынках стран, но при этом, не

позволил обеспечить достаточный уровень дохода многим участникам процесса. Согласно данным статистики, численность занятых в большинстве государств – членов Союза росла после падения в период кризиса 2009 г., особенно с началом действия Таможенного союза и затем Договора об интеграции. Такие условия обеспечили с одной стороны рост занятости, и одновременно позволили создавать условия для трудовой миграции внутри Союза

Таблица 20 – Число рождений на 1000 человек, 2007–2015 гг.

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Референтная группа стран											
Азербайджан	17,7	17,4	17,0	18,3	19,2	18,8	18,3	17,9	17,2	16,3	14,6
Грузия	13,4	13,7	14,0	14,2	14,3	14,3	14,2	14,0	13,8	13,5	13,2
Молдова	10,7	10,9	11,0	11,1	11,0	11,0	10,8	10,7	10,5	10,3	10,1
Таджикистан	29,2	29,5	29,9	30,1	30,2	30,1	30,0	29,7	29,3	28,8	28,3
Украина	10,2	11,0	11,1	10,8	11,0	11,4	11,1	10,8	10,7	10,3	9,4
Узбекистан	22,7	23,7	23,4	22,7	21,5	21,0	22,5	23,3	23,5	22,8	22,1
Страны-члены ЕАЭС											
Армения	14,9	15,0	15,1	15,1	14,9	14,7	14,4	14,1	13,8	13,5	13,1
Беларусь	10,7	11,1	11,4	11,4	11,5	12,2	12,5	12,5	12,5	12,4	10,8
Казахстан	20,8	22,8	22,1	22,5	22,5	22,7	22,7	23,1	22,7	22,5	21,6
Кыргызстан	23,4	23,9	25,2	26,8	27,1	27,6	27,2	27,7	27,4	26,0	24,8
Россия	11,3	12,0	12,3	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3	12,9	12,9
ЕАЭС, среднее	16,2	17,0	17,2	17,7	17,7	18,1	18,0	18,1	17,9	17,5	16,6

Источник: составлено автором на основе [344].

Таблица 21 – Доля занятых в экономиках от общей численности населения, %

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Референтная группа стран											
Азербайджан	60,5	62,2	60,9	60,9	60,6	61,2	61,4	61,9	0,0	62,7	62,9
Грузия	54,9	52,3	51,2	52,3	53,2	54,3	54,1	55,9	57,4	57,1	56,7
Молдова	0,0	0,0	40,0	38,5	39,4	38,5	39,3	39,6	42,4	40,8	40,5
Таджикистан	29,8	29,3	39,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Украина	58,7	59,3	57,7	58,5	59,2	59,7	60,2	56,6	56,7	56,3	56,1
Узбекистан	70,5	70,3	70,3	69,5	68,9	69,6	70,3	71,0	71,4	71,9	0,0
Страны-члены ЕАЭС											
Армения	47,7	43,1	42,8	50,6	48,4	44,7	49,8	52,0	50,9	50,0	50,1
Беларусь	0,0	0,0	57,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	81,3	66,7	67,2
Казахстан	65,3	66,4	66,1	67,1	67,8	67,9	68,0	68,0	68,3	66,7	66,2
Кыргызстан	60,0	60,0	58,6	58,7	59,3	58,8	57,3	57,3	57,7	57,1	55,9
Россия	63,1	63,3	62,0	62,7	63,9	64,9	64,8	65,3	65,3	65,7	59,5
ЕАЭС, среднее	47,2	46,5	57,4	47,8	47,9	47,3	48,0	48,5	64,7	61,2	59,8

Источник: составлено автором на основе [62, 63].

Безработица в большинстве стран, хотя стабилизировалась, но также создает стимулы для миграции, поскольку существует разница в условиях и уровне оплаты труда (Таблица 22). Показатель уровня безработных в Армении составляет 18,5 %, что, как и ранее значительно превышает средний уровень для региона государств ЕАЭС в целом – 4,5 %, и создает дополнительные стимулы для переселения граждан страны с целью поиска работы [322].

Статистика безработицы на постсоветском пространстве, как и во многих странах мира, может занижать число не имеющих работу, которые не регистрируются в своей стране, поскольку они работают в другой стране (см., например, показатели для Молдовы). Во многом это зависит от традиций и социальных бенефиций для зарегистрированных.

Объем рынка труда в России сильно превышает рынки других стран ЕАЭС. При этом важно отметить, что в четырех странах региона число занятых было фактически неизменным с 2010 года, а число занятых в России увеличилось на 2,5 млн чел., что косвенно может свидетельствовать о большем «закреплении» граждан из стран Союза в России.

Среднедушевой уровень потребительских расходов домохозяйств в долларах по текущему курсу выше всего в России (4,5 тыс. долл./чел. в 2016 году при 4,1 тыс. долл./чел. в Казахстане), а по ППС – в Казахстане (13,8 тыс. долл./чел. при 11,9 тыс. долл./чел. в России). Доля товаров длительного пользования в потреблении домохозяйств выше всего в России и Беларуси (около 12% в 2017 году).

Таблица 22 – Динамика показателя безработицы за период 2007–2017 гг., %

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Референтная группа стран											
Азербайджан	-	-	5,8	5,7	5,5	5,3	5,1	4,9	4,9	5,0	5,0
Грузия	13,3	17,9	20,7	20,2	19,6	19,7	19,4	17,4	16,5	16,6	13,9
Молдова	5,1	4,0	6,4	7,4	6,7	5,6	5,1	3,9	3,7	4,2	4,1
Таджикистан	2,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Украина	6,4	6,4	8,8	8,1	7,9	7,5	7,2	9,3	9,1	9,3	9,5
Узбекистан	0,0	0,0	5,0	5,4	5,0	4,9	4,9	5,1	5,2	5,2	5,8
Страны-члены ЕАЭС											
Армения	9,8	-	18,4	19,0	-	17,3	16,2	17,5	17,8	17,2	18,5
Беларусь	1,0	0,8	6,1	0,0	0,6	0,5	0,5	0,5	1,0	5,8	5,7
Казахстан	0,0	0,0	6,6	5,8	5,4	5,3	5,2	5,1	4,9	5,0	4,9
Кыргызстан	8,1	8,2	8,4	8,6	8,5	8,4	0,0	8,1	7,6	7,2	6,9
Россия	6,0	6,2	8,3	7,4	6,5	5,4	5,5	5,2	5,6	5,6	5,2
ЕАЭС, среднее	5,0	3,0	9,6	8,2	4,2	7,4	5,5	3,8	3,8	4,7	4,5

Источник: составлено автором на основе [62, 64].

Несмотря на положительные эффекты интеграции в целом, на рынке труда государств ЕАЭС, по-прежнему остаются проблемы. В частности, до сих пор не решены вопросы регистрации по месту жительства, так как местное население при сдаче жилья в аренду не готово помогать государствам в этом вопросе, а организации, специализирующиеся на такого рода услугах, все также не слишком эффективны в решении данной проблемы.

С периода создания ЕАЭС рынок труда внутри региона стал развиваться более высокими темпами, чем ранее. Согласно нормативным документам Союза у «своих» мигрантов в целом и у трудовых мигрантов частности появилось несколько ключевых преимуществ перед мигрантами из других стран, а именно:

- возможность пребывания на территории ЕАЭС без получения регистрации в ФМС сроком до 30 дней;
- возможность прохождения курса лечения в больницах страны пребывания, а также официальное медицинское страхование и (а не только скорая и неотложная помощь);
- возможность выплаты подоходного налога, который равен налогу для налоговых резидентов страны пребывания (13 % в России вместо 30 %);
- отсутствие необходимости оформлять разрешение на работу (стоимость которого составляла более 40 тыс. руб.), а также отсутствие необходимости покупки патента, ежемесячная выплата по которому составляла чуть более 4 тыс. руб.;
- легальная возможность переезда вместе с семьей в любую страну ЕАЭС;
- возможность получения пенсии после достижения пенсионного возраста (в соответствии с Договором о пенсионном обеспечении ЕАЭС);
- автоматическое признание диплома об образовании (исключение составляют граждане государств – членов ЕАЭС, претендующие на занятие педагогической, юридической, фармацевтической и медицинской деятельностью, которым необходимо проходить процедуру признания документов об образовании, предусмотренную законодательством государства трудоустройства).

Введение этих правил не только несколько увеличило поток мигрантов, но и упростило и легализовало жизнь мигрантов, уже проживающих и работающих в странах ЕАЭС (число мигрантов, высылаемых из стран ЕАЭС на родину, сократилось). Часть мигрантов остается неучтенной или натурализуется.

Безусловно, Россия является центром притяжения мигрантов из стран ЕАЭС. С 2010 года число мигрантов из стран ЕАЭС увеличилось более чем в два раза (с 74 тыс. чел. в 2010 году до 156 тыс. чел. в 2016 году), однако доля мигрантов из стран Союза по отношению к мигрантам из других стран снизилась с 39 % до 28 %. Такое уменьшение доли мигрантов связано в основном с увеличением миграции из стран референтной группы (Туркмении, Таджикистана, Украины и Молдавии).

Причем если в 2010–2014 годах число въезжающих мигрантов ежегодно увеличивалось, то в кризисные для России 2015–2016 годы число ежегодно въезжающих снизилось. Наибольшее снижение было у Беларуси в 2016 году (–18%) (Таблица 23).

Традиционно в Россию больше всего семей из стран ЕАЭС приезжает из Казахстана. Однако среди основных причин такого переселения – программа переселения соотечественников, которая действует в РФ с 2008 года. То есть мигранты, переезжающие из Казахстана – в основном, русскоговорящее население, оставшееся жить в стране после распада СССР, поэтому данные, которые приводит официальная статистика, сильно завышены, и фактически в Россию на работу приезжает меньшее количество людей. По опросам жителей Казахстана, еще около 60 % русскоязычного населения страны готовы и хотят переехать на историческую родину, но фактические переезды и трудовая миграция по текущей статистике не разделяются прямым учетом на границах. Но из общего числа мигрантов из стран ЕАЭС, более 90 % (по данным ФМС) приезжают с целью поиска работы.

Доступные данные также позволяют оценить поток мигрантов из и в страны ЕАЭС, однако, только в целом, без разделения на потоки внутри и вне–ЕАЭС. Сложность составляют оценки объемов трудовой миграции, поскольку статистика не дает полной картины относительно реальных потоков трудовых мигрантов, а также не разграничивает их от мигрантов по различным причинам. Статистические

Таблица 23 – Миграционный прирост (+), отток (–) населения, чел. в 2007–2017 гг.

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Армения	-	-	-	-37 300	-28 500	-9 400	-24 400	-21 800	-25 900	-24 792	-23 500
Беларусь	4 676	8 145	12 249	10 303	9 900	9 328	11 643	15 722	18 494	7 940	3 874
Казахстан	10 962	1 300	7 526	15 516	5 096	-1 426	-328	-12 162	-13 466	-21 145	-22 130
Кыргызстан	-	-	-	-50 628	-39 403	-7 487	-7 203	-7 757	-4 229	-3 965	-3 925
Россия	239 943	242 106	247 449	158 078	319 761	294 930	295 858	270 036	245 384	261 948	211 878

Источник: составлено автором на основе [310]

данные относительно миграции в значительной мере структурно не полные и не дают такой возможности.

По данным ЕЭК в 2017 году сальдо миграции для Армении, Казахстана и Киргизии было отрицательным, для России и Беларуси – положительным. Данные российской статистики позволяют сделать вывод о том, что число человек, въезжающих в страну, сильно превышает число эмигрантов из России в страны ЕАЭС (наиболее характерно это для Кыргызстана), причем разница растет во времени, чему, безусловно, способствуют, в частности, условия для трудовой миграции, созданные в Союзе.

3.3 Формирование рынка капитала государств ЕАЭС. Потоки капитала (динамика притока взаимных инвестиций)

Основные ресурсы для капиталовложений в каждой стране составляют внутренние сбережения бизнеса, кредитные ресурсы или государственные средства. Важную роль, хотя и не доминирующую, играют прямые иностранные инвестиции, которые способствуют развитию бизнеса без увеличения долговой нагрузки, позволяют привлекать опыт управления и технологии [71; 92]. Данные статистики Всемирного банка и ЕЭК в части инвестиций также, как и данные о миграции населения, достаточно неполны и публикуются с существенной задержкой, в связи, с чем представляется возможным их оценка только по состоянию на 2016–2017 гг. (Таблица 24).

Согласно данным статистики ЕЭК, накопленные ПИИ в государствах ЕАЭС по состоянию на начало 2017 г. составили 634,9 млрд долл. США. Необходимо заметить, что за предшествующий период 2016 г. эта сумма увеличилась на 134,6 млрд долл. США (27 %). При этом в структуре ПИИ взаимные накопленные прямые инвестиции выросли на 6,1 % за тот же период времени и превысили 19 млрд долл. США. Рассматривая в страновом разрезе эти показатели, можно

отметить, что более 50 % всех накопленных инвестиций отмечено в Беларуси. Их число составляло порядка 10,6 млрд долл. США.

Таблица 24 – Структура взаимных прямых инвестиций в государствах ЕАЭС, потоки на чистой основе за 2017–2018 гг., млн долл. США

Страны		Получатели инвестиций					Всего
		Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	
Инвесторы	Армения		3,1	0,1	–	4,8	8,0
	Беларусь	–		0,3	0,5	49,4	50,2
	Казахстан		2,7		-37,9	223,8	188,5
	Кыргызстан	–	-0,4	1,6		-27,3	-26,0
	Россия	194,2	698,0	616,8	76,8		1585,8
Всего		194,2	703,3	618,9	39,4	250,7	1806,6

Источник: составлено автором на основе [89, 290].

После трех лет падения в 2013–2016 гг. начался рост взаимных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) – они выросли на 16%.

Последние данные показали, что, несмотря на сокращение экономик стран ЕАЭС в 2016 г., взаимные капиталовложения государств ЕАЭС начали расти. После трех лет (2013–2015 гг.) падения взаимные ПИИ стран ЕАЭС выросли на 15,9% и достигли 26,8 млрд долл. США. Крупнейшими экспортерами капитала в ЕАЭС стали российские компании (более 78% экспорта ПИИ). На втором месте оказался Казахстан (13,5 %), на третьем – Беларусь (7,8%).

Новым явилось то, что Россия теперь не только сама направляет свои инвестиции в страны ЕАЭС, но и получает инвестиции от соседей. Накопленный объем ПИИ из других стран ЕАЭС достиг 5 млрд долл. США. Главными получателями ПИИ по-прежнему являются Беларусь (8,6 млрд долл. США к концу 2016 г.) и Казахстан (8,2 млрд долл. США к концу 2016 г.).

Что касается направлений инвестиций, то соседи России в 2016 г., согласно данных статистики, инвестируют в основном в химическую отрасль промышленности России, российский агропромышленный комплекс, а также

транспортную сферу экономики, соответственно 35,1; 15,8; 14,2 % объема импортированных ПИИ из стран ЕАЭС.

Кроме того, участие казахстанских инвесторов в российском гостиничном бизнесе закрепило туристический комплекс на четвертой позиции (14%).

Российские компании нарастили инвестиции во всех странах ЕАЭС. В начале 2017 г. больше всего Россия инвестировала в Беларусь (8,5 млрд долл. США) и Казахстан (8,2 млрд долл. США). Далее идут Армения (3,4 млрд долл. США) и Кыргызстан (0,9 млрд долл. США).

За первый год после вступления в ЕАЭС в Кыргызстане вырос приток прямых инвестиций из региона практически на 11 %. Это составляет порядка 1,5 млрд долл. США, из которых 21 % (0,9 млрд долл. США) – российские.

Наблюдалось изначально снижение (23,9 млн долл. США), сменившееся увеличением (265,83 млн долл. США) к середине 2016 г. В структуре потребления ПИИ необходимо отметить наибольший удельный вес Беларуси, затем России и Кыргызстана (соответственно 486,6; 414,3; 229,4 млн долл. США). А в структуре инвесторов – Россия (800,9 млн долл. США) и Казахстан (376,8 млн долл. США) (Таблица 25).

Определенные ресурсы приходят в страны региона по государственным каналам, от банков развития и т.п. По оценкам российского правительства (С. Лавров) суммарный объем российских вложений в Центральную Азию составляет порядка 20 млрд долл. США (то есть без учета переводов). В 2016 году Россией была списана задолженность Кыргызстана (488 млн долл.) и Узбекистана (865 млн долл.).

Таблица 25 – Входящие прямые иностранные инвестиции (% ВВП), 2000–2016 гг.

Страна	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Среднее 2000-2009	Среднее 2010-2016
Армения	-	0,16	0,58	0,09	2,13	0,15	0,24	0,14	0,16	0,54	0,17	0,49
Беларусь	0,00	0,05	0,21	0,09	0,20	0,24	0,35	0,09	0,19	0,08	-0,11	0,18
Казахстан	0,50	2,78	3,64	2,56	2,69	0,86	0,84	1,05	1,73	2,40	1,54	1,73
Кыргызстан	0,33	0,00	-0,01	-0,37	0,06	0,24	0,10	1,57	1,95	0,56	0,33	0,59
Россия	1,22	3,35	3,54	3,45	3,29	2,25	3,88	2,77	1,62	1,76	2,34	2,72
Для сравнения												
Азербайджан	0,01	9,27	6,22	5,71	5,39	6,43	1,99	2,64	6,05	6,80	17,83	5,00
Грузия	0,11	1,36	-0,23	1,64	1,27	1,37	0,79	2,46	2,26	1,77	0,22	1,65
Молдова	0,01	0,52	-0,06	0,13	0,48	0,41	0,52	0,44	0,10	0,22	0,09	0,33
Украина	0,00	0,44	0,10	0,51	0,12	0,56	0,23	0,41	0,04	0,19	0,15	0,29

Источник: составлено автором на основе [344].

Развитие отношений между странами в рамках интенсификации торговли и увеличения трудовой миграции оказывает влияние на национальное финансирование государств. Это касается непосредственно увеличения притоков частного капитала, а также роста личных переводов физических лиц. Анализ данных о потоках денежных средств от трудовых мигрантов показывает, что самые большие объемы связаны с трудовой миграцией из/в России, которая, наряду с США (Латинская Америка), ЕС (Северная Африка и Балканы), страны Персидского залива (БСВ, Индия, Пакистан) является одним из ведущих доноров соседних стран по каналам переводов личных средств. Отмечается, что основной поток средств направлен в Армению и Кыргызстан, страны ЕАЭС, где существует определенная конкуренция в России на миграционном поле. В России наблюдают большие потоки мигрантов (при благоприятных для этого условиях статуса ЕАЭС) из Узбекистана, Таджикистана, Украины и др. стран.

Разумеется, реальные доходы определяются рынком: квалификацией, структурой спроса. В любом случае эти средства намного опережают по размерам вложения прямых инвестиций, что характерно всем аналогичным регионам мира. Важным вопросом, который имеет свои сложности и вариации по регионам, является характер использования личных переводов в странах-реципиентах. С точки зрения развития стран, это проблема огромной важности, сравнимая с проблемой нормы накопления. Специфика личных переводов в том, что с них не взимаются подоходные налоги в стране-реципиенте, так что они не поддерживают бюджеты напрямую (только через налоги на собственность, косвенные налоги и проч.). Далеко не все приходящие в страну средства проходят или задерживаются в банковской системе. Учитывая неустойчивость валют, возникает проблема долларизации, доверия к банковской системе и национальной валюте владельцами сбережений. Это можно проиллюстрировать поддержанием Арменией и Кыргызстаном высокой стоимости драма и сома по отношению к доллару (и ревальвацию в 2014–2017 гг. по отношению к рублю) с тем, чтобы создать стимул для сбережений в национальной валюте.

Конечно же, страна, в которую приходит валюта, выигрывает в части пополнения текущего баланса страны, возможности импорта и т.д. И такие ресурсы нельзя исключать, поскольку они могут служить элементом балансировки при отрицательных торговых балансах. Большую часть как правило составляют личные сбережения, которые либо хранятся, либо тратятся на личное потребление на разные нужды: недвижимость, образование и т.д. В таких странах как Кыргызстан, личные переводы практически совпадают с уровнем национальных сбережений, а с учетом высокой нормы накопления, свидетельствуют о высоком рационализме использования средств извне.

В 2006 г. Россией и Казахстаном был учрежден Евразийский банк развития (ЕАБР) [61], инвестиционная деятельность которого нацелена на содействие экономическому росту стран-участников, а также развитию интеграции на евразийском пространстве.

В 2009–2011 гг. к Банку присоединились Армения, Таджикистан (не входит в ЕАЭС), Беларусь, Кыргызстан. Уставный капитал ЕАБР составляет 7 млрд долл. США (оплаченный – 1,5 млрд долл. США, до востребования – 5,5 млрд долл. США). Банк выступает координатором и управляющим средствами Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР, учрежденным в 2009 г. в размере 8,5 млрд долл. США), являющимся так называемым региональным финансовым механизмом на евразийском пространстве.

В настоящее время (на 01.09.2019 г.), инвестиционный портфель ЕАБР составил 3,896 млрд долл. США. Балансовый портфель Банка на эту же дату составил 2,611 млрд долл. США (без учета провизий и дисконтов). При этом, общее число его инвестиций в экономики стран ЕАЭС и Таджикистана достигла 8,198 млрд долл. США. Деятельность ЕАБР насчитывает порядка 96 проектов в государствах, его участниках. И как показывает практика, со стороны Банка, особое внимание уделяется финансированию приоритетных проектов в области энергетики, транспорта и инфраструктуры. Удельный вес таких проектов составил порядка 20,1 % (энергетика) и 17,9 % (транспорт и инфраструктура) от объема текущего инвестиционного портфеля. При этом Банк уделяет значительное

внимание выполнению информационно-аналитических и прогнозных исследований в области финансового рынка ЕАЭС, СНГ и других стран Евразии [313].

3.4 Формирование рынка энергоресурсов. Анализ и перспективы

Одной из основ евразийской интеграции является энергетический сектор, играющий системообразующую роль для экономик всех стран ЕАЭС, в первую очередь, России и Казахстана [84; 222]. В структуре ВВП, удельный вес топливно-энергетической отрасли государств ЕАЭС порядка 17 %, а в совокупном промышленном производстве удельный вес достигает трети – 33 %. Главными производителями, нетто-экспортерами и потребителями энергоресурсов в ЕАЭС являются Россия и Казахстан. Остальные страны ЕАЭС являются нетто-импортерами энергоресурсов. В целом, Евразийский экономический союз обладает, без преувеличения, самым значительным энергетическим потенциалом в мире [59]. На территории стран ЕАЭС сосредоточена примерно четвертая часть всех доказанных мировых запасов полезных ископаемых, в том числе около 40 % мировых запасов газа, 25 % мировых запасов угля, 20 % мировых запасов нефти и более 20 % мировых запасов урана (Рисунок 13).

На Россию в 2017 г. приходилось 85,7 % от общего объема добычи нефти в ЕАЭС (639,2 млн т), на Казахстан – 14,0 % (89,6 млн т). За 2015–2017 гг. добыча нефти в России выросла на 19,2 млн т (3,6%), в Казахстане – на 5,3 млн т (6,3 %). В Казахстане в 2015–2016 гг. наблюдалось временное снижение добычи нефти за счет отставания сроков начала промышленной разработки месторождения Кашаган. Негативное влияние на нефтяную отрасль Казахстана в этот период также оказывали снижение цен и временный избыток нефтяного сырья на мировом рынке [43; 49]. В России незначительное снижение добычи нефти в 2017 г. связано с введением ограничений на добычу в рамках реализации сделки «ОПЕК+».

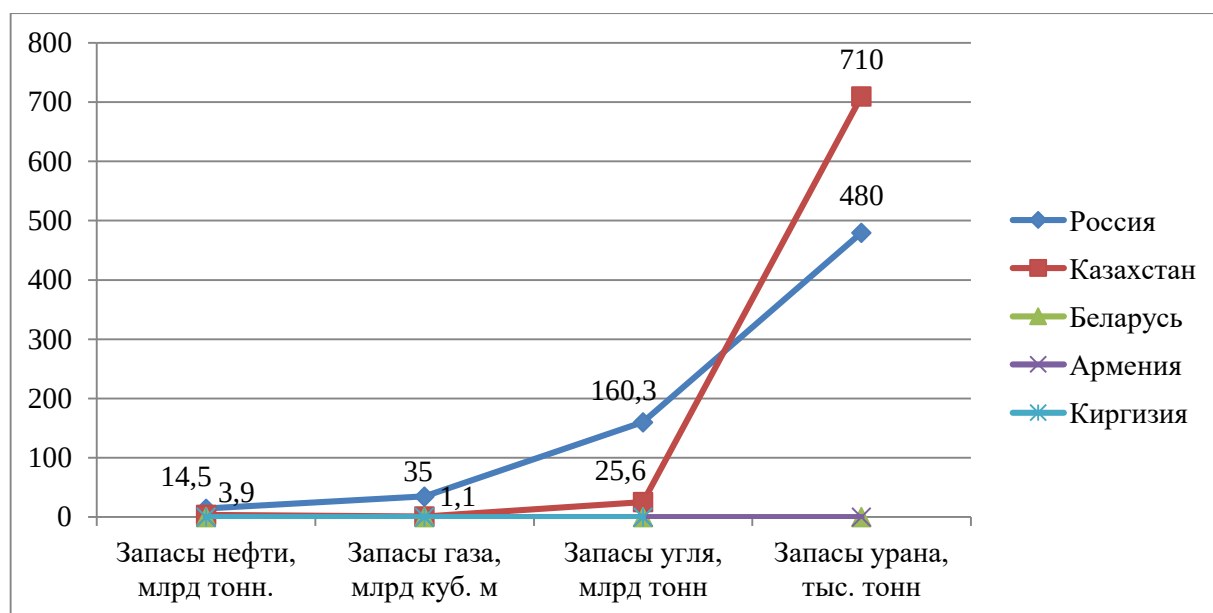

Рисунок 13 – Доказанные запасы энергетических ресурсов в странах ЕАЭС

Источник: рассчитано автором на основе [178].

Основные мощности по производству нефтепродуктов расположены в России, Казахстане и Беларуси. Государства ЕАЭС в 2017 г. произвели 314,3 млн т нефтепродуктов, из которых 89,5% пришлось на Россию. Производство нефтепродуктов в России снизилось с 2014 г. на 6,7 млн т н.э. (2,3%), в Беларуси – на 3,7 млн т н.э. (16,9%), в Казахстане – на 1,0 млн т н.э. (6,5%). Снижение объемов переработки нефти в России связано с поэтапной реализацией «налогового маневра», в Беларуси – с введением ограничений на реэкспорт нефтепродуктов, произведенных из российской нефти.

С 1 января 2019 г. в нефтяной отрасли в России начала свое действие налоговая реформа, основной целью которой является ликвидация в 2024 г. экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты. В этот период планируется ввести механизм управления рентными доходами, направленные на повышение эффективности субсидирования субъектов. Основа такого механизма будет в том, что рента закладывается в нефтедобычу, из которой формируется налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), и направляется в государственный бюджет. Отразится такая мера в основном на прекращении «субсидирования» экономик стран (в основном это затрагивает экономики соседних государств) через

беспошлинные поставки нефти и нефтепродуктов. Инструментом субсидирования станет налоговый вычет по акцизу на нефть и «демпфирующая надбавка» к возвратному акцизу.¹ Поддержка потребителей в рамках реформы будет адресной и целенаправленной. Будут выделяться две группы: первая – предприятия нефтехимической отрасли, закупка топлива авиакомпаниями и судовладельцами; другая – покупатели автобензина и дизельного топлива.

Основными целями налогового маневра являются рост доходов федерального бюджета, стимулирование модернизации отрасли нефтепереработки, а также бесперебойное снабжения внутреннего рынка нефтепродуктами [152].

Потребление нефти и нефтепродуктов стабильно возрастало на протяжении рассматриваемого периода во всех странах ЕАЭС и к 2017 г. суммарный спрос достиг 217,7 млн т н.э. (на 4,1% выше уровня 2014 года). Нетто-экспорт нефти из России в 2017 г. достиг 320,1 млн т н.э. (рост на 14,3% по сравнению с уровнем 2014 г.), из Казахстана – 86,1 млн т н.э. (рост на 3,9 %) (Таблица 26).

Таблица 26 – Основные показатели развития нефтяной отрасли стран ЕАЭС в 2014–2017 гг., млн т

Страна / год	2014	2015	2016	2017
Добыча нефти				
Армения	0,0	0,0	0,0	0,0
Беларусь	1,7	1,7	1,6	1,6
Казахстан	84,3	82,7	81,3	89,6
Кыргызстан	0,1	0,1	0,1	0,1
Россия	528,7	536,3	548,6	547,9
ЕАЭС, всего	614,7	620,8	631,6	639,2
Производство нефтепродуктов				
Армения	0,0	0,0	0,0	0,0
Беларусь	22,2	23,3	18,8	18,4
Казахстан	14,6	13,5	13,5	13,7
Кыргызстан	0,1	0,3	0,7	0,8
Россия	288,1	283,6	281,5	281,4
ЕАЭС, всего	325,0	320,7	314,5	314,3
Потребление нефти и нефтепродуктов				
Армения	0,4	0,3	0,3	0,3
Беларусь	8,0	6,8	6,3	6,3
Казахстан	12,5	14,9	15,9	15,8

¹ «Демпфирующую надбавку» будут получать нефтеперерабатывающие предприятия, если ими будет удерживаться цены на моторные топлива не выше заранее заданного уровня.

Продолжение таблицы 26

Кыргызстан	1,5	1,7	1,8	1,9
Россия	186,2	185,9	191,8	193,4
ЕАЭС, всего	208,7	209,6	216,1	217,7
Нетто-экспорт нефти				
Армения	0,0	0,0	0,0	0,0
Беларусь	-26,4	-27,5	-21,4	-21,3
Казахстан	82,9	81,7	78,0	86,1
Кыргызстан	-0,1	-0,3	-1,1	-1,1
Россия	280,0	306,3	322,7	320,1
ЕАЭС, всего	336,5	360,3	378,3	383,9

Источник: составлено автором на основе [57; 63].

Страны ЕАЭС импортируют нефть для переработки и нефтепродукты для обеспечения собственных нужд преимущественно из России [285]. В 2017 г. из России в Казахстан и Армению осуществлялись поставки бензина, дизельного топлива и мазута (1,8 и 1,2 млн т), в Кыргызстан и Беларусь – бензин и дизельное топливо (960 и 940 тыс. т) (Таблица 27). До завершения налогового маневра [13], в 2019–2024 гг. экспорт сырой нефти и нефтепродуктов из России облагается вывозной таможенной пошлиной, рассчитываемой на основе мировых цен на сырую нефть. Поставки сырой нефти из России в Беларусь в рамках действующего режима регулирования освобождены от уплаты таможенной пошлины (на 2017–2024 гг. при поставках в пределах 24 млн т в год). В Казахстане уплата вывозной таможенной пошлины при экспорте сырой нефти не предусмотрена. Казахстан в 2014–2018 гг. неоднократно вводил запрет на импорт нефтепродуктов из России с целью защиты интересов собственных нефтяных компаний.

Таблица 27 – Взаимные поставки нефти и нефтепродуктов в ЕАЭС в 2017 году, тыс. т

Нефть					
	В Армению	В Беларусь	В Казахстан	В Кыргызстан	В Россию
Из Казахстана	0	0,065	0	0	0,8
Из России	0	24	0	0,04	0
Бензин					
	В Армению	В Беларусь	В Казахстан	В Кыргызстан	В Россию
Из Беларуси	0	0	0	0	40
Из России	130	140	1230	470	0

Продолжение таблицы 27

Дизельное топливо					
Из Беларуси	0	0	0	0	100
Из Казахстана	0	0	0	5,9	18
Из России	140	800	520	490	0
Мазут					
Из России	970	0	85	0	0

Источник: составлено автором на основе [62].

По итогам 2017 г. добыча газа в странах ЕАЭС достигла 754,8 млрд куб. м, на Россию пришлось 93,1 % общего объема добычи (Таблица 28). Добыча газа в России увеличилась с 2014 г. на 36,5 млрд куб. м (5,4%) за счет разработки новых месторождений газа на полуострове Ямал. Объем добычи газа в Казахстане в 2017 г. увеличился на 11,4 млрд куб. м по сравнению с 2014 г. (12,4 %) и достиг 50,6 млрд куб. м, что составляет 6,7 % от добычи в ЕАЭС. В основном, ведется добыча попутного газа из нефтяных месторождений, исключительно газовых месторождений на территории Казахстана немного: более 70% разведанных запасов свободного газа сосредоточено на месторождении Карачаганак.

Таблица 28 – Основные показатели развития газовой отрасли стран ЕАЭС в 2014–2017 гг., млрд куб. м

Страна	2014	2015	2016	2017
Добыча газа				
Армения	0,0	0,0	0,0	0,0
Беларусь	0,2	0,2	0,4	0,4
Казахстан	39,2	41,9	42,8	50,6
Кыргызстан	0,0	0,0	0,0	0,1
Россия	666,8	658,1	682,4	703,1
ЕАЭС, всего	706,4	700,2	725,7	754,2
Потребление газа				
Армения	2,4	2,2	2,1	1,9
Беларусь	21,3	19,9	19,8	19,7
Казахстан	32,6	34,5	35,5	36,6
Кыргызстан	0,3	0,3	0,3	0,3
Россия	483,7	457,2	470,8	475,9
ЕАЭС, всего	540,2	514,0	528,4	534,4
Нетто-экспорт газа				
Армения	-2,4	-2,2	-2,1	-1,9
Беларусь	-20,9	-19,6	-19,4	-19,3
Казахстан	6,7	7,2	10,0	12,9

Продолжение таблицы 28

Кыргызстан	-0,2	-0,3	-0,3	-0,2
Россия	186,7	198,0	211,7	227,2
ЕАЭС, всего	169,8	183,1	199,9	218,7

Источник: составлено автором на основе [279].

Потребление газа в странах ЕАЭС за 2015–2017 гг. в целом снизилось на 5,8 млрд куб. м (или на 1,1 %). Потребление газа в России снизилось в 2015 г. в связи с последствиями экономического кризиса, а также теплыми условиями в зимние месяцы, после чего к 2017 г. восстановилось до уровня 475,9 млрд куб. м. Потребление газа в Казахстане увеличилось за 2015–2017 гг. на 4,0 млрд куб. м (на 12,4%). Потребление газа снизилось в Беларуси (на 1,6 млрд куб. м, или на 7,6 %) и в Армении (на 0,4 млрд куб. м, или на 18,1 %).

Россия и Казахстан экспортируют газ как на рынки государств ЕАЭС, так и в третьи страны. Уровень экспортной ориентации газовой отрасли (рассчитанный как отношение объемов нетто-экспорта к объемам добычи газа) составляет для России 32 %, для Казахстана – 25 %. Нетто-экспорт газа за 2015–2017 гг. существенно увеличился у России (на 40,5 млрд куб. м, или на 21,7 %) и Казахстана (на 6,2 млрд куб. м, или на 93,5 %).

Потребности в газе Армении и Беларуси почти полностью покрываются поставками из России, Кыргызстана – из Казахстана. Между Россией и Казахстаном осуществляются взаимные поставки: из Казахстана в Россию в целях обеспечения сырьем Оренбургского ГПЗ, из России в Казахстан – в целях газоснабжения северных регионов страны, не имеющих сообщения с основными газодобывающими районами (Таблица 29).

Таблица 29 – Взаимные поставки газа в ЕАЭС в 2017 году, млрд куб. м

Направление поставок	Из Казахстана	Из России
В Армению	0,0	2,3
В Беларусь	0,0	19,5
В Казахстан	–	10,0
В Кыргызстан	0,2	0,0
В Россию	13,3	–

Источник: составлено автором на основе [279].

Среди стран ЕАЭС наиболее либерализованным рынком газа с наличием конкуренции между поставщиками газа и значительными масштабами биржевой торговли газом обладает Россия. В Казахстане единственной конкурентной частью отрасли является добыча газа, в которой достаточно велика роль иностранных инвестиций (в основном, международных консорциумов в проектах нефте- и газодобычи, ориентированных на экспорт в Китай) [66]. В Армении, Беларуси и Кыргызстане в области ГТС и ПХГ, газораспределения и сбыта функционируют естественные монополии, представленные дочерними обществами ПАО «Газпром» [67; 68]. Добыча газа незначительна или отсутствует. В Казахстане функцию собственника и оператора ГТС выполняет дочерняя компания АО НК «КазМунайГаз» – АО «КазТрансГаз» (Таблица 31).

Добыча угля в странах ЕАЭС увеличилась по сравнению с 2014 г. на 41,3 млн т (или на 11,7%), преимущественно за счет вклада России, где добыча выросла на 45,9 млн т (16,4%). В то же время в Казахстане добыча угля снизилась на 5,3 млн т (на 7,2%) (Таблица 30).

Таблица 30 – Основные показатели развития угольной отрасли стран ЕАЭС в 2014–2017 гг., млн т

Страна/год	2014	2015	2016	2017
Добыча угля				
Армения	0,0	0,0	0,0	0,0
Беларусь	0,0	0,0	0,0	0,0
Казахстан	73,6	69,5	63,4	68,3
Кыргызстан	1,0	1,0	1,3	1,7
Россия	279,4	295,0	307,1	325,3
ЕАЭС, всего	354,0	365,5	371,8	395,3
Потребление угля				
Армения	0,0	0,0	0,0	0,0
Беларусь	1,2	1,1	1,0	1,1
Казахстан	54,6	50,5	46,9	50,0
Кыргызстан	1,7	1,7	2,3	3,0
Россия	153,3	171,7	165,3	169,3
ЕАЭС, всего	210,9	224,9	215,4	223,5
Нетто-экспорт угля				
Армения	0,0	0,0	0,0	0,0
Беларусь	-0,8	-0,6	-0,6	-0,6

Продолжение таблицы 30

Казахстан	18,8	19,3	16,5	18,4
Кыргызстан	-0,8	-0,8	-0,9	-0,7
Россия	124,2	126,0	140,1	158,1
ЕАЭС, всего	141,5	143,8	155,1	175,2

Примечание: объемы добычи, потребления и нетто-экспорта угля приведены к калорийности 6000 ккал/кг.

Источник: составлено автором на основе [279].

Таблица 31 – Сравнительная характеристика рынков газа стран ЕАЭС

Сектор	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Добыча	Отсутствует	Незначительная (ПО «Белоруснефть» – единственный оператор)	Несколько добывающих компаний, локальные монополии	ООО «Газпром Кыргызстан» – единственный оператор	Доля ПАО «Газпром» составляет около 70%, значительное присутствие НПП, в т. ч. нефтяных компаний
ГТС и ПХГ	ЗАО «Газпром Армения» – единственный владелец и оператор	ОАО «Газпром трансгаз Беларусь» – единственный владелец и оператор	АО «КазТрансГаз» – единственный владелец и оператор	ООО «Газпром Кыргызстан» – единственный владелец и оператор	ПАО «Газпром» – единственный владелец и оператор
ГРС	ЗАО «Газпром Армения» – единственный владелец и оператор	ОАО «Газпром трансгаз Беларусь» – единственный владелец и оператор	АО «КазТрансГаз» – единственный владелец и оператор	ООО «Газпром Кыргызстан» – единственный владелец и оператор	Преобладающая роль ПАО «Газпром», работают независимые ГРО
Сбыт	Единственный поставщик, регулируемые цены	Единственный поставщик, регулируемые цены	Несколько поставщиков, регулируемые цены	Единственный поставщик, регулируемые цены	Регулируемые цены реализации газа для ПАО «Газпром», нерегулируемые цены для НПП, биржевая торговля
Биржевая торговля газом	Нет	Нет	Нет	Нет	Есть

Источник: оценка автора по данным ЕЭК и национальных регуляторов.

Потребление угля в России за 2014–2017 гг. увеличилось на 16,0 млн т (10,5 %) по сравнению с 2014 годом. В Казахстане потребление угля характеризуется неустойчивой динамикой и в 2017 г. составило 50,0 млн т, что на 4,6 млн т (8,4%) меньше уровня 2014 года.

Нетто-экспорт угля из стран ЕАЭС в рассматриваемом периоде вырос на 33,6 млн т (23,8%) до уровня 175,2 млн т в 2017 году. Россия является крупнейшим экспортером угля в ЕАЭС, обеспечив весь рост нетто-экспорта. Экспорт угля из Казахстана стабильно находится на уровне 16–19 млн т.

Валовой объем производства электроэнергии в ЕАЭС за период 2014–2017 гг. вырос на 47,4 ТВт-ч (3,9%) и достиг 1272 ТВт-ч. На Россию пришлось 86,3 % всей произведенной в ЕАЭС электроэнергии по итогам 2017 г. (1097 ТВт-ч), на долю Казахстана – 119 ТВт-ч (9,4%), Беларуси – 35 ТВт-ч (2,7 %). Производство электроэнергии за рассматриваемый период увеличилось во всех странах ЕАЭС, кроме Кыргызстана. В структуре выработки электроэнергии в ЕАЭС преобладает газовая генерация (597 ТВт-ч, или 47% общего объема выработки в 2017 г.). Значительный объем производства электроэнергии также приходится на угольную генерацию (205 ТВт-ч, или 18,9 %), а также АЭС и ГЭС (по 206 ТВт-ч, или по 16,2 %).

В странах ЕАЭС значительно выросло производство электроэнергии на АЭС (на 22,6 ТВт-ч, или на 12,3 %) за счет ввода новых энергоблоков в России. Производство электроэнергии на ВЭС и СЭС увеличились с 0,3 ТВт-ч в 2014 г. до 5,5 ТВт-ч в 2017 году. Потребление биомассы и прочих видов топлива на нужды электроэнергетики незначительно сократилось, у других видов генерации наблюдался слабый рост (не более 4 %, Таблица 32) [242].

В Армении собственное производство энергии базируется на электрогенерации АЭС и ГЭС, обеспечивая менее 1/3 потребностей страны. Армянская АЭС – единственная в регионе – была введена в строй в 1980 году и остановлена в 1989 году после Спитакского землетрясения. В 1995 году в связи с острейшим энергетическим кризисом в Армении работа одного из двух энергоблоков АЭС мощностью 440 МВт была возобновлена. В настоящее время он

вырабатывает более 70 % производимой в Армении электроэнергии, причем срок его эксплуатации при поддержке российской компании АО «Атомтехэнерго» был продлен на 10 лет – до 2026 года.

Недостаток собственных энергоресурсов и небольшие объемы производства электроэнергии на действующих в стране АЭС и ГЭС приводят к высокой зависимости страны от поставок российских энергоносителей (включая урановое сырье для АЭС).

Основой энергетической стратегии Армении является развитие электрогенерации на собственных источниках (строительство малых и средних ГЭС, а также новой АЭС) и обеспечение дополнительных поставок газа из Ирана. Потенциальные риски для Армении включают сбои в поставках энергоресурсов из России и Ирана (по различным причинам), риски, связанные с работой атомного реактора устаревшего типа в сейсмически опасной зоне, и сложности проведения рыночных реформ в условиях наличия монопольных поставщиков энергоресурсов [40].

Во взаимной торговле электроэнергией между странами ЕАЭС наибольшее значение имеют перетоки электроэнергии:

- между ОЭС Центра России, где расположены основные генерирующие объекты ПАО «Мосэнерго», а также Рязанская и Череповецкая ГРЭС ПАО «ОГК-2», и Беларусью,
- между ОЭС Урала, где расположены Сургутская ГРЭС-1, Троицкая, Серовская ГРЭС ПАО «ОГК-2», и Казахстаном,
- между ОЭС Юга, где расположены Адлерская ТЭС, Ставропольская и Новочеркасская ГРЭС ПАО «ОГК-2» (также с 2019 г. ожидается запуск Грозненской ТЭС), и Казахстаном.

Оператором экспорта-импорта электроэнергии из ЕЭС России является ПАО «ИНТЕР РАО».

Таблица 32 – Структура производства электроэнергии в странах ЕАЭС по видам топлива в 2014–2017 гг., ТВт-ч

Вид генерации / годы	2014	2015	2016	2017
Армения				
Всего, в том числе:	7,8	7,8	7,8	7,9
Уголь	0,0	0,0	0,0	0,0
Нефть и нефтепродукты	0,0	0,0	0,0	0,0
Газ	3,3	2,8	2,6	2,5
АЭС	2,5	2,8	3,0	3,2
ГЭС	2,0	2,2	2,2	2,2
ВЭС / СЭС	0,0	0,0	0,0	0,0
Биомасса	0,0	0,0	0,0	0,0
Прочие	0,0	0,0	0,0	0,0
Беларусь				
Всего, в том числе:	34,7	34,1	34,5	35,0
Уголь	0,0	0,0	0,0	0,1
Нефть и нефтепродукты	0,4	0,4	0,4	0,3
Газ	34,0	33,4	33,7	34,1
АЭС	0,0	0,0	0,0	0,0
ГЭС	0,1	0,1	0,1	0,2
ВЭС / СЭС	0,0	0,0	0,1	0,1
Биомасса	0,2	0,2	0,2	0,2
Прочие	0,0	0,0	0,0	0,0
Казахстан				
Всего, в том числе:	105,1	106,5	109,2	119,1
Уголь	75,6	76,2	73,0	77,5
Нефть и нефтепродукты	1,0	1,2	1,5	1,5
Газ	20,2	19,6	22,8	28,5
АЭС	0,0	0,0	0,0	0,0
ГЭС	8,3	9,3	11,6	11,2
ВЭС / СЭС	0,0	0,2	0,4	0,4
Биомасса	0,0	0,0	0,0	0,0
Прочие	0,0	0,0	0,0	0,0
Кыргызстан				
Всего, в том числе:	14,6	13,0	12,9	12,8
Уголь	1,1	1,7	2,8	4,4
Нефть и нефтепродукты	0,1	0,0	0,0	0,0
Газ	0,1	0,2	0,3	0,9
АЭС	0,0	0,0	0,0	0,0
ГЭС	13,3	11,1	9,8	7,5
ВЭС / СЭС	0,0	0,0	0,0	0,0
Биомасса	0,0	0,0	0,0	0,0
Прочие	0,0	0,0	0,0	0,0

Продолжение таблицы 32

Россия				
Всего, в том числе:	1062,3	1065,6	1084,7	1097,1
Уголь	158,3	158,6	154,9	158,6
Нефть и нефтепродукты	10,7	10,1	9,6	12,0
Газ	533,5	529,7	534,9	531,3
АЭС	180,8	195,5	196,6	202,6
ГЭС	175,3	168,0	184,7	184,5
ВЭС / СЭС	0,3	0,5	0,6	5,0
Биомасса	3,1	2,8	2,9	2,8
Прочие	0,5	0,5	0,4	0,4
ЕАЭС				
Всего, в том числе:	1224,5	1227,0	1249,2	1271,8
Уголь	235,0	236,5	230,7	240,6
Нефть и нефтепродукты	12,2	11,7	11,5	13,7
Газ	591,1	585,7	594,4	597,3
АЭС	183,2	198,3	199,6	205,8
ГЭС	198,9	190,7	208,5	205,5
ВЭС / СЭС	0,3	0,7	1,0	5,5
Биомасса	3,3	3,0	3,1	3,0
Прочие	0,5	0,5	0,4	0,4

Источник: составлено автором на основе [279].

Рассматривая вопросы взаимных отношений государств ЕАЭС необходимым является рассмотрение изменения цен на энергетические ресурсы и их динамику.

Таблица 33 – Динамика розничных цен на нефтепродукты государств-членов ЕАЭС за период 2016–2019 гг., (долл./л)

Страна ЕАЭС	2016		2019	
	Автобензин	дизельное топливо	автобензин	дизельное топливо
Армения	0,84	0,84	0,9	1,0
Беларусь	0,60	0,62	0,8	0,8
Казахстан	0,41	0,29	0,4	0,5
Кыргызстан	0,57	0,47	0,6	0,6
Россия	0,58	0,54	0,7	0,7

Источник: составлено автором на основе [64].

Анализ цен на энергоресурсы показал, что в 2019 г. самая наименьшая стоимость бензина и дизельного топлива среди стран ЕАЭС наблюдается в

Казахстане (данные ЕЭК) (соответственно 0,4 и 0,5 долл./л). В структуре товаров по итогам сопоставления с 2018 г., цены на автобензин снизились в Казахстане на 9,1 %, в России на 14,9 %. А в Беларуси наблюдается рост цен порядка 38 % на автобензин и дизельное топливо.

При этом данные статистики свидетельствуют о росте в Казахстане цен на другие топливно-энергетические ресурсы (рост на 8,2 % по сравнению с 2018 г.). В Беларуси, России и Кыргызстане этот показатель вырос соответственно на 6,9 %, 4,1 % и 0,7 %. И лишь в Армении произошло снижение на 2,1 %.

Также необходимо подчеркнуть, что к 2019 г. в Казахстане (по данным энергетической статистики ЕЭК) отмечено снижение цены на электроэнергию порядка 7 %. В других странах ЕАЭС эта услуга выросла на 5,8 % в России, на 5,6 % в Армении и на 2,5 % в Беларуси. В Кыргызстане цены остались на уровне 2018 г.

Интеграционные процессы на территории ЕАЭС к 2019 г. набрали полные обороты и достигли высокого уровня институционального развития. Как уже отмечалось ранее, приоритетные цели, задачи и принципы развития, а также нормативно-правовые регуляторы этого процесса закреплены Договором о ЕАЭС². Раздел XX Договора предполагает, что государства – члены Евразийского экономического союза развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, проводят скоординированную энергетическую политику и осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергоресурсов [116].

Статья 79 Договора «Взаимодействие государств-членов в сфере энергетики» предусматривает, что наднациональное регулирование энергетических рынков в рамках ЕАЭС осуществляется в трех секторах³:

- электроэнергетика,
- газ,
- нефть и нефтепродукты.

² В дальнейшем к Договору присоединились Республика Армения и Кыргызстан.

³ Угольная и атомная энергетика, а также гидроэнергетика и ВИЭ не затрагиваются Договором о ЕАЭС. Взаимодействие государств-членов ЕАЭС в этих сферах регулируется двусторонними договоренностями. Ожидается, что данный порядок сохранится в средне- и долгосрочной перспективе.

Там же в Договор включены этапы по формированию общих рынков энергоресурсов и основные направления их регулирования. Рассмотрим более подробно статьи Договора, посвященные этим вопросам (Рисунок 14).

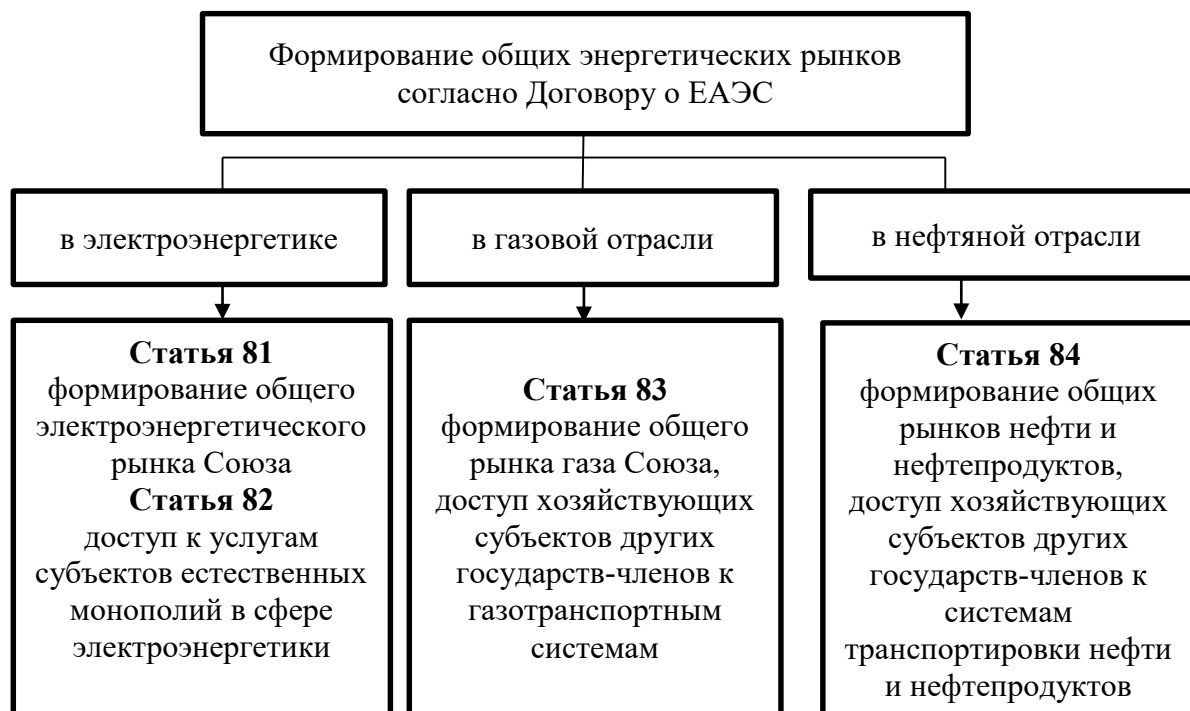

Рисунок 14 – Основные статьи Договора о ЕАЭС, посвященные формированию общих рынков энергоресурсов в регионе

Источник: составлено автором.

Также в Договоре о ЕАЭС имеются приложения, являющиеся его неотъемлемой частью и определяющие сроки принятия последующих документов в определенных сферах, а также правила доступа к услугам субъектов естественных монополий в энергетической области, включая основы ценообразования и тарифной политики, – для электроэнергетического рынка [5], газового рынка [6], рынка нефти и нефтепродуктов [7].

В каждом секторе нормативно-правовая база формируется принятием следующих документов, последовательно конкретизирующих механизмы работы общих энергетических рынков⁴:

- статья раздела XX «Энергетика» Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года и отраслевое приложение к Договору о ЕАЭС,
- Концепция формирования общего рынка,
- Программа формирования общего рынка,
- Международный договор в рамках Союза о формировании общего рынка.

Запуск общего электроэнергетического рынка, согласно Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., был намечен на 1 июля 2019 г., а общего рынка газа и общего рынка нефти и нефтепродуктов – на 1 января 2025 г.

Поэтому, первоочередной задачей является разработка документов, которые будут регламентировать и регулировать сферу электроэнергетики. Среди таких документов можно выделить «Концепцию формирования общего электроэнергетического рынка», которая была утверждена в мае 2015 г. (срок согласно Договору – до 1 июля 2015 года); а также «Программу формирования общего электроэнергетического рынка», которая была утверждена в декабре 2016 г. (на 6 месяцев позже срока, установленного согласно Договору).

В развитие действий по разработке регламентирующей документации Коллегией ЕЭК, 7 сентября 2018 г., было принято Распоряжение № 142 «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза)». В соответствии с данным распоряжением одобренный Коллегией ЕЭК проект Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза) направлен в государства-члены для проведения внутригосударственного согласования.

⁴ Отдельно принято Соглашение о Методологии формирования индикативных (прогнозных) балансов газа, нефти и нефтепродуктов в рамках ЕАЭС (подписано 22 апреля 2016 года), разработка которой предусмотрена Статьей 80 Договора о ЕАЭС.

Консенсус стран ЕАЭС по вопросу рынка электроэнергии был достигнут 20 апреля 2019 года, когда было преодолено последнее разногласие, связанное с намерениями стран сохранить тарифную защиту госмонополий. Свободные поставки энергии из стран с более низкими ценами угрожают российским компаниям с регулируемыми тарифами (в РФ они растут на 4% в год) потерей долей рынка, а необходимость исполнения транзитных поставок в обратном направлении снижением рентабельности. В результате схема выхода компаний на общий рынок электроэнергии будет двухэтапной: вначале энергокомпаниям придется получать одобрение национальных регуляторов, и только после подписания соглашения об общем рынке газа и проведения тарифной и организационной балансировки рынка в новых условиях это требование будет снято [75; 128; 107; 338].

Разработка и принятие документов ЕАЭС в газовой и нефтяной отраслях планируется после формирования регулятивной базы для электроэнергетики (Концепция – позже на 6 месяцев, Программа – на 1,5 года, международный договор – на 5,5 лет).

Поскольку согласование и утверждение основных программ по развитию общих энергетических рынков в ЕАЭС переносилось, со стороны ЕЭК были приняты решения о начале формирования рынков газа, нефти и нефтепродуктов, а также мероприятий относительно этого процесса⁵ четко в сроки, которые были установлены ранее.

Основными документами, которые регулируют развитие общих энергетических рынков региона ЕАЭС по состоянию на 01 января 2019 г. находятся в статусе проектов (две Программы и три международных договора), представлены ниже.

⁵ Разрабатываются вместе с соответствующими Программами и уточняют их содержание.

Таблица 34 – Проекты документов, регулирующих формирование энергетических рынков в рамках ЕАЭС (по состоянию на 01.01.2019 г.)

Документ	Плановый срок принятия	Текущее состояние
Программа формирования общего рынка газа	Срок утверждения по Договору – до 1 января 2018 года	Утверждена Решением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 18
Программа формирования общего рынка нефти и нефтепродуктов	Срок утверждения по Договору – до 1 января 2018 года	Утверждена Решением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 23
Международный договор о формировании общего электроэнергетического рынка	Вступление в силу по Договору – не позднее 1 июля 2019 года	Разработан проект, направлен в государства-члены на внутригосударственное согласование. Параллельно на экспертном уровне идет согласование проектов правил функционирования общего рынка и положения о развитии межгосударственных электрических сетей
Международный договор о формировании общего рынка газа	Вступление в силу по Договору – не позднее 1 января 2025 года	Разработка и внутригосударственное согласование ожидается в 2020 г., подписание – в 2021 г.
Международный договор о формировании общего рынка нефти и нефтепродуктов	Вступление в силу по Договору – не позднее 1 января 2025 года	Ведется предварительная работа, подготовка и согласование ожидаются до 2024 г.

Источник: составлено автором по данным ЕЭК [292].

Несмотря на сформировавшийся вектор развития общих энергетических рынков в регионе ЕАЭС, принятых документов и достигнутых договоренностей между государствами-участниками, существует ряд противоречий, которые возникли в процессе совместной деятельности [22; 69]. С одной стороны, – это геополитический фактор, который включает в себя различного рода спорные вопросы, например, в рамках так называемого треугольника «Россия–Беларусь–Армения», а с другой – экономические интересы сторон. Одной из причин спорных отношений между государствами-участниками ЕАЭС является ценовая политика в области энергетики.

Как уже отмечалось ранее, внутренние потребности в углеводородных энергоносителях Армении и Беларуси обеспечиваются поставками из России по ценам ниже рыночных. Например, Беларусь закупала российский газ по цене 127

долл. США за 1000 м³ (данные Росстата), а Армения в пределах 165 долл. США за 1000 м³ (справочно, средняя цена на газ в Европе составляла в 2018 и 2019 гг. порядка 200–250 долл. США за 1000 м³). При этом цена на газ, поставляемый в Кыргызстан из Казахстана составляла порядка 195 долл. США за 1000 м³.

В тоже время средняя фактическая экспортная цена на нефть России в 2019 г. (по состоянию на июнь) составляла 466,2 долл. США за 1 т., усредненная цена на казахстанскую нефть на внешнем рынке в 2019 г. – 460–470 долл. США за 1 т. При этом цена мирового рынка на нефть «Юралс» («Urals») за тот же период времени – 479,5 долл. США за 1 т (данные Минфина России). Изменения средней цены на нефть за период 2017–2019 гг. представлены на графика (Рисунок 15).

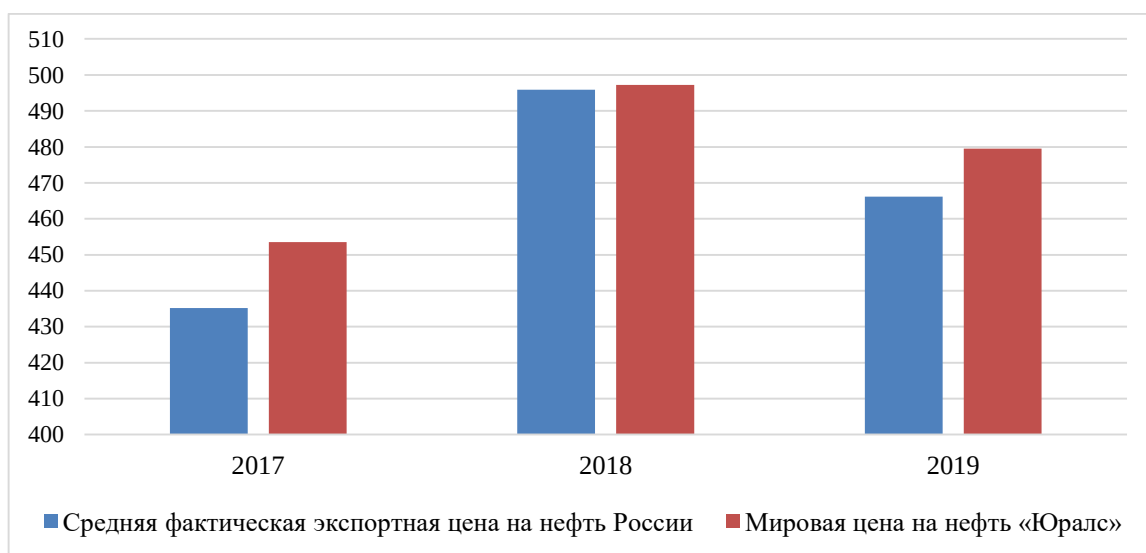

Рисунок 15 – Изменение средних фактических экспортных цен России и мировых цен на нефть за период 2017–2019 гг., долл. США за 1 т.

Источник: составлено автором на основе о [292].

При этом можно подчеркнуть, что средняя цена импортированной Беларусью нефти из России составляла 364 долл. США за 1 т. (данные Белстата), что практически на 20 % ниже экспортной российской цены на нефть и на 25 % ниже мировой.

Спорные вопросы являются неотъемлемой частью в развитии интеграционных процессов. Решение этих вопросов необходимо осуществлять с

учетом геополитических и экономических факторов стран-участников ЕАЭС, что позволит государствам в перспективе получать интеграционные эффекты.

По итогам третьей главы можно сделать следующие выводы.

В рамках интеграции ЕАЭС были успешно начаты и продолжаются процессы формирования общих рынков товаров, услуг, капитала и энергетических ресурсов. Первые итоги формирования общих рынков следует признать значимыми и успешными. В части рынка товаров и услуг отмечается рост основных показателей внешней и взаимной торговли государств-членов ЕАЭС, что говорит об эффективности функционирования Таможенного союза и Единого экономического пространства. Либерализация миграционной политики в рамках ЕАЭС позволила добиться свободы перемещения рабочей силы и предпринимательских ресурсов между государствами-членами, что привело к увеличению числа совместных предприятий и проектов между компаниями из государств-членов ЕАЭС. Формирование общего рынка капитала позволило увеличить поток взаимных инвестиций между государствами-членами ЕАЭС во всех ключевых отраслях промышленности.

В настоящее время, несмотря на ряд согласованных вопросов, относительно развития общих энергетических рынков на пространстве ЕАЭС, существует и много нерешенных проблем, в части согласованности работы рынков газа, нефти и нефтепродуктов, хотя стадия разработки и согласования Программ формирования общих энергетических рынков ЕАЭС в основном завершена. Ожидается, что данные рынки будут полностью сформированы к 2025 году. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что именно энергетическая интеграция остается одним из важнейших направлений развития Евразийского экономического союза, которое, как ожидается, принесет существенный экономический эффект в долгосрочной перспективе.

ГЛАВА 4 ОЦЕНКА КАЧЕСТВЕННЫХ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС

4.1 Анализ качественных эффектов экономической интеграции ЕАЭС

Рассмотренная в главах 2 и 3 динамика изменения макроэкономических параметров государств ЕАЭС в период до 2016–2017 гг. позволяет выполнить анализ качественных эффектов экономической интеграции ЕАЭС. Общая картина стартового и финального состояния демографии и уровня развития за годы трансформации в странах ЕАЭС и группы стран для сравнения показывает значительный прогресс по ключевым важнейшим показателям макроэкономического и социального развития (детали были рассмотрены по странам в предыдущих главах).

Качество проведенных трансформационных реформ приведено в таблице ниже (Таблица 35), по широко распространенным оценкам Европейского Банка Реконструкции и Развития. Она показывает, где сильные и слабые стороны состояния среды в странах Союза. Прежде всего, надо отметить, что оценка «4» по показателям – редкость, а «3» несколько больше у Армении и России, а в странах сравнения – у Грузии. Оценка общего уровня реформ в регионе ЕБРР определяет по таблице «между 2 и 3», что уступает странам Центральной Европы.

Самое слабое место в регионе – это то, что связано с частной собственностью («private equity») – больше всего оценок «1», что адекватно отражает последствия приватизации в регионе с точки зрения защиты прав частной собственности. Другие низкие оценки появляются у Беларуси в энергетике, у ряда стран в эффективности использования материальных ресурсов. Эти оценки указывают как потенциально слабые аспекты институционального базиса по странам, так и возможности совместного продвижения при дальнейших интеграционных реформах в финансовом секторе, энергетике, сфере устойчивого развития.

Качественные сдвиги показывают некоторые изменения, которые принесла интеграция для стран ЕАЭС, например, на рынке труда. Важно, что страны ЕАЭС перенесли, в целом, кризисные явления мировой экономики легче, чем большинство стран референтной группы. Это очевидно из численных показателей, рассмотренных выше, а также на это указывают и оценочные показатели состояния внутренней экономической среды в государствах ЕАЭС.

Таблица 35 – Секторальный уровень индикаторов переходного периода в 2016: общие показатели

	Бизнес				Энергетика		Устойчивое развитие			Финансовый сектор			
	С/х	Промышленность	Недвижимость	IT	Ресурсы	Электричество	Энергетика	Эффективность	Вода	Банки	Страхование	Собственность	Рынки
Армения	3-	3	3-	3	2+	3+	3-	2-	2	2+	2	1	2
Беларусь	2+	2	2	2	1	1	2	2+	2	2	2	1	2-
Казахстан	3-	2	3	3	2-	3	2-	1	2	2+	2+	2-	2
Кыргызстан	2+	2	2+	3	2-	2+	2	1	2-	2	2-	1	2-
Россия	3-	3-	3-	3+	2	3+	2	3-	3-	3-	3-	2+	4-
Азербайджан	2+	2	2	2-	2+	2+	2+	2	2-	2	2	1	2-
Грузия	3-	3-	3-	3-	2	3+	3-	2-	2-	3-	2	1	2-
Молдова	3-	2-	2+	3	3	3	2+	2	2	2В	2В	2-	2
Таджикистан	2	2-	2-	2+	1	2	2+	1	1	2	2-	1	1
Узбекистан	2	1	2	2	1	2+	2-	1	2-	1	2	1	1
Украина	3-	2+	3-	3-	2-	3	2+	2	2	3-	2+	2	2

Источник: составлено автором на основе [335].

С 2017 г. ЕБРР полностью изменил набор рассматриваемых индексов и методологию их расчета, поэтому невозможно в рамках имеющихся данных объективно сопоставить показатели 2016 и 2017–2018 гг. Новый подход ЕБРР к оценке заключается в формировании шести индикаторов развития устойчивой рыночной экономики и сравнении их между различными странами: конкурентоспособность (конкурентность) (competitive), степень управляемости (качество управления) (well-governed), «зеленая экономика» (экологичность, устойчивость) (green), инклюзивность (inclusive), жизнеспособность и интегрированность (resilient and integrated). Индикаторы рассчитываются ЕБРР как сложные индексы на базе большого числа макроэкономических данных и экспертных оценок, и пересчитываются в шкалу от 1 до 10 (чем выше, тем – лучше, Таблица 36) [335]. Несмотря на изменение методологии, общая картина по странам референтной группы и государствам ЕАЭС сохраняется – большинство показателей стран ЕАЭС выше, чем у прочих стран постсоветского пространства.

Таблица 36 – Сравнительная оценка уровня индикаторов переходного периода в 2017–2018 гг.: общие показатели

Показатель	Конкурент-ность		Качество управления		Экологич-ность		Инклю-зивность		Жизнеспособность		Интегри-рованность	
	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017
Референтная группа стран												
Азербайджан	3,73	3,6	5,75	5,42	5,24	4,96	4,96	4,81	3,98	3,88	6,04	5,85
Грузия	4,54	4,53	6,32	6,44	5,53	5,25	5,6	5,42	6,01	5,84	6,4	6,25
Молдова	4,29	4,28	4,62	4,51	4,78	4,52	6,01	5,69	5,47	5,26	5,39	5,45
Украина	4,67	4,64	4,55	4,44	5,8	5,8	6,01	5,99	5,6	4,88	4,92	4,88
Таджикистан	3	3	3,73	3,76	4,94	4,69	5,15	4,7	3,49	3,26	3,98	3,85
Туркменистан	2,79	2,8	2,25	2,37	3,8	3,8	5,56	5,27	3,17	3,36	4,39	4,26
Узбекистан	3,28	3,32	3,41	3,59	4,43	4,05	5,65	5,69	3,89	3,89	3,58	3,5
Страны ЕАЭС												
Армения	4,51	4,46	5,81	5,72	5,76	5,47	5,95	5,61	6,08	6,21	5,98	5,78
Белоруссия	4,69	4,5	5,08	4,94	6,26	6,26	7,03	6,91	3,64	3,6	5,62	5,49
Казахстан	5,07	4,95	5,58	5,72	5,13	4,86	6,06	6,06	6,02	6,01	5,25	5,21
Кыргызстан	3,66	3,66	4,06	4,09	4,56	4,55	4,94	4,76	5,05	5,1	5,12	4,92
Россия	5,21	5,12	5,83	5,77	5,08	5,07	7,16	7,13	6,3	6,24	5,49	5,38

Источник: составлено автором на основе [335].

Достаточно оптимистичная картина показана по опросным данным «Ведения Бизнеса» («Doing Business»). В таблице ниже приведены данные за 2007, 2015, 2017 и 2019 годы. В целом за прошедший период отметим большой прогресс у России (от 96 к 31), Беларуси от (129 к 37). Кыргызстан несколько приблизился к остальным странам (70), Армения с определенными колебаниями остается среди наиболее удобных стран (41). Среди стран сравнения только Грузия действительно радикально улучшила деловую среду (6 место в 2019 г.), что дало ей определенное увеличение темпов роста в последние годы (Таблица 37).

По отдельным показателям у стран ЕАЭС очень хорошие значения таких важных пунктов как создание предприятий и регистрация собственности. Отметим хорошие показатели по «обеспечению выполнения контрактов», являющемуся ключевым в экономике. Единственным аутсайдером здесь отмечен Кыргызстан. Это важный показатель в контексте именно интеграции, поскольку невыполнение контрактов значительно затрудняет ведение бизнеса на всей территории Союза. А высокие показатели свидетельствуют в пользу повышения интеграционных эффектов.

Общий показатель деловой среды в ЕАЭС в годы интеграции начал заметно опережать соседние страны (кроме Грузии). В то же время среди показателей ведения бизнеса остается слабая сторона – внешняя торговля. Здесь относительно хороший результат только у Армении и Беларуси, а у Казахстана – худший результат в регионе (102), у России – 99. Этот пункт представляется очень важным, поскольку указывает на проблемы (с точки зрения бизнеса) во внутренней торговле большого рынка ЕАЭС, несмотря на снятия многих барьеров.

Таблица 37 – Страны ЕАЭС в рейтинге Doing Business и его подрейтингах (место из 190), 2007, 2015, 2017, 2019 гг.

	Ведение бизнеса (основной)	Создание предприятий	Регистрация собственности	Обеспечение исполнения контрактов	Торговля через границы
2007					
Армения	34	46	2	18	119
Беларусь	129	148	96	36	113
Казахстан	63	40	76	27	172
Кыргызстан	90	41	31	38	173
Россия	96	33	44	25	143
Азербайджан	99	96	59	34	158
Грузия	37	36	16	32	95
Молдова	103	84	47	55	105
Узбекистан	147	70	165	30	169
Украина	128	101	133	26	106
2015					
Армения	45	4	7	119	110
Беларусь	57	40	3	7	145
Казахстан	77	55	14	30	185
Кыргызстан	102	9	6	56	183
Россия	62	34	12	14	155
Азербайджан	80	12	10	31	166
Грузия	15	5	1	23	33
Молдова	63	35	22	42	152
Узбекистан	141	65	143	28	145
Украина	96	76	59	43	154

Продолжение таблицы 37

2017					
Армения	38	9	13	28	29
Беларусь	37	31	5	27	25
Казахстан	35	45	18	9	122
Кыргызстан	75	30	8	141	83
Россия	40	26	9	12	170
Азербайджан	65	5	30	10	94
Грузия	16	8	3	16	78
Молдова	44	44	21	62	33
Узбекистан	87	25	75	38	153
Украина	80	20	63	81	109
2019					
Армения	41	8	14	24	46
Беларусь	37	29	5	29	25
Казахстан	28	36	18	4	102
Кыргызстан	70	35	8	131	70
Россия	31	32	12	18	99
Азербайджан	25	9	17	40	84
Грузия	6	2	4	8	43
Молдова	47	14	22	69	35
Узбекистан	76	12	71	41	165
Украина	71	56	63	57	78

Источник: составлено автором на основе [330; 331; 332; 333].

Период более глубокой интеграции, который начался после подписания Договора об ЕАЭС 29 мая 2014 года, протекает в гораздо более сложных условиях. Прежде всего, это относится к внешнему ценовому шоку, который привел к потере Россией в 2015 г. 30 % стоимости своего экспорта и значительным потерям у Казахстана. Осложнилась мировая геополитическая обстановка в силу конфликтов на Украине, Сирии (БСВ) и санкций против России. Медленный экономический рост в Евросоюзе, миграционный кризис, выход Великобритании из ЕС также отрицательно повлияли на внешнюю торговлю государств – членов ЕАЭС. Эти факторы и обстоятельства существенно изменили приток финансов извне в страны Союза интеграции, обусловили распределительные проблемы между странами в сфере энергетики [127].

Анализ позитивных эффектов интеграции на фоне отрицательного макроэкономического фона проверять достаточно сложно. Наиболее важным аспектом здесь является изменение поведения предприятий в условиях падения цен, объемов экспорта и импорта, наполнения бюджетов. На плоском и понижающемся внешнем тренде мировой экономики у многих экспертов, отмечается так называемое «выживание бизнеса», оптимизация издержек, зачастую экономия на капиталовложениях. Ряд авторов подчеркивают успехи стран в импортозамещении, в т.ч. в нефтегазовой отрасли [42; 161, 162].

Ухудшение экономической ситуации в России в 2015–2016 гг., которое было обусловлено общей сложной мировой экономической ситуацией, связанной с падением цен на энергоносители, не могло не отразиться на национальных экономиках других стран ЕАЭС. По оценкам Евразийского банка развития (ЕАБР), показатель эластичности реального ВВП государств региона в динамике по российскому ВВП в среднем равен 0,52. При этом наиболее чувствительны к изменению экономической динамики России народные хозяйства Армении и Кыргызстана, а наиболее устойчивой является экономика Казахстана [34]. Таким образом, мировые торговые и финансовые шоки воздействуют на все страны Союза как напрямую, так и дополнительно через сужение крупнейшего в ЕАЭС российского рынка.

Взаимодополняемость экономик стран ЕАЭС исторически превалирует над конкуренцией между ними (исключая нефть в отдельных случаях, импортные потоки). Это связано с различием природных и ресурсных особенностей. Но в большой степени такая дополняемость базируется на больших плановых инвестициях советского времени в инфраструктуру, предприятия и человеческий капитал. Если в целом на постсоветском пространстве потери «старых плановых» интеграционных эффектов в 1990-е годы были колоссальными и во многом невозвратимыми, в частности, внутри России, то часть независимых бывших республик сохранила значительные торговые и иные связи до начала 2000-х годов.

По сути, страны ЕАЭС несколько мягче прошли трансформационный период, начиная с 2000-х гг., чем ряд стран в группе для сравнения. Но, разумеется, «мягкость» кризиса в 40 % является, по меньшей мере, условностью. Кризис такой глубины и длительностью порядка десятилетия (1990–1998 гг.) означал, что все государства – члены ЕАЭС прошли через коллапс социальной системы, значительную деиндустриализацию (особенно в обрабатывающих отраслях промышленности), сложные процессы приватизации. Но ни внутренние социально-политические проблемы, которые испытывали все страны Союза в последние двадцать лет, ни межстрановые торговые трения не выливались в острые конфликты, что во многом снимает те сложности в интеграционных процессах, которые были на старте у ЕС. Это колоссальное достижение. Проблемы государств ЕАЭС лежат изначально на стороне факторов, корни которых находятся еще в развитии общего народнохозяйственного комплекса СССР. Еще в те времена наблюдалась неравномерность развития экономик республик.

По состоянию на 2000 год, различия государств-членов Союза по ВВП по ППС на душу населения находились в пределах от 2,1 тыс. долл. до 14 тыс. долл. Общий подъем в мире, Европе и на постсоветском пространстве в 2000–2008 гг. дал свои результаты и перепад сдвинулся от 2,8 тыс. долл. – 24 тыс. долл., хотя больше за счет роста России и Казахстана, на основе нефтедолларов.

Важным аспектом интеграции стран является их географическое положение, в частности вопрос о прямом доступе к международным водам и портам. Четыре

из пяти стран ЕАЭС лишены такого доступа, с чем связаны дополнительные издержки: транспортные, институциональные, политические. Так, доступ Армении к Черному морю через Грузию в принципе открыт, но с трансмодальной перегрузкой грузов (с судов на вагоны) в портах Грузии. При этом более дешевый и простой железнодорожный путь из России через Грузию закрыт уже четверть века, хотя именно там раньше шли основные объемы грузов. Казахстан – самая большая страна в мире без выхода к международным водам. Беларусь располагает развитой инфраструктурой, границей с ЕС и короткими расстояниями до основных рынков. Отметим, что другие страны постсоветского пространства имеют более выгодное географическое положение и по общим положениям теорий роста и развития при прочих равных условиях могли бы иметь значительное преимущество относительно государств-членов ЕАЭС.

Возможности российской экономики импортировать товары и вовлекать дополнительную рабочую силу менялись вместе с внутренними колебаниями и доходами от нефти, особенно в 2015–2016 гг., когда они были ограничены большим падением нефтяных цен, а также санкциями. Суммарный эффект мог серьезно задеть и страны ЕАЭС, но этот эффект оказался не столь тяжелым, как мог бы быть без интеграции. Потребуется применение инструментария, который помог бы рассмотреть позитивные итоги интеграции в данных сложных условиях. В данном случае (короткий период и рецессионный фон) можно использовать несколько методов. Одним из таких является метод сравнения с другими странами за определенный период времени. При этом целесообразно проанализировать ситуацию в других странах СНГ, не вошедших в ЕАЭС. Можно использовать экономику контрольной группы стран: Грузию, Узбекистан и Украину (до 2014 г.), – с тем, чтобы исследовать крупные макроэкономические эффекты и сравнить с результатами работы государств ЕАЭС. Соответственно речь идет о сравнении экономической динамики двух групп стран в период ТС и ЕАЭС с поправками на рецессию в России и кризисные явления в других странах интеграционной общности. Предполагается возможным выделить те элементы в фактической

картине экономической динамики, в которых интеграция способствовала преодолению рецессии или смягчению ее проявлений.

Среди важных достижений периода интеграции стран ЕАЭС, несмотря на шоки и кризисы, стало заметное улучшение естественного и иммиграционного роста населения. Экономики государств ЕАЭС продемонстрировали определенную устойчивость в условиях рецессии в России, Беларуси и Казахстане при нефтяном ценовом шоке. Динамика роста ВВП в сравнении с соседними странами оказалась устойчивой. Выигрыши государств-участников в процессе интеграции и преодолении внешних шоков были неравномерны. Россия в силу своих размеров не может решить свои проблемы за счет стран Союза – иные масштабы. Зато вполне можно выделить устойчивость рублевых переводов из России в Армению и Кыргызстан, играющих важную роль в их экономике и платежном балансе.

Интерес представляли данные опросов ЕАБР, так называемый «Интеграционный барометр», который прекратил в 2017 г. выпускать свои опросы, но тем не менее ЕЭК публикует данные об оценке процессов и эффективности евразийской интеграции по мнению населения, проживающего на территории постсоветского пространства [305]. Так среди наиболее готовых к сближению в отношениях с ЕАЭС являются Узбекистан и Таджикистан (72 и 66 % соответственно).

Также качественное состояние внутри ЕАЭС характеризуется показателем Индекса человеческого развития (Таблица 38). Этот показатель ясно показывает, что довольно тяжелая рецессия в России в 2015–2016 гг. не привела заметному спаду показателя в 2015 году. Динамика индекса человеческого развития является комплексной оценкой состояния страны и включает комбинированный показатель, в составе которого находится уровень ВВП на душу населения, также уровень образования и продолжительности жизни населения страны [294]. Соответственно, он имеет определенные преимущества и является более полным и многогранным, чем показатель уровня доходов. В период 2007–2017 гг., даже в годы рецессии, все

страны улучшили свой рейтинг ИЧР и сделали заметный шаг вперед по ИЧР (особенно Кыргызстан и Казахстан).

В референтной группе ситуация более разнообразная. За эти годы очень заметно выросли показатели Грузии и Узбекистана, хотя они шли к этому различными путями. На первое место вышла Грузия, несмотря на продолжающееся сокращение населения, поскольку административные реформы дали определенные положительные результаты. Менее впечатляющим было улучшение показателей Молдовы и Таджикистана. Азербайджан с учетом колебаний цен на нефть потерял два пункта в рейтинге при замедлении роста абсолютного значения ИЧР. Украина относительно медленно наращивала уровень ИЧР в рассматриваемом периоде.

Таблица 38 – Динамика индекса человеческого развития, 2007–2017 гг.

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Изменение 2007-2017
Страны референтной группы												
Азербайджан	0,709	0,719	0,736	0,74	0,741	0,745	0,752	0,758	0,758	0,757	0,757	0,048
Грузия	0,73	0,728	0,731	0,735	0,741	0,75	0,757	0,765	0,771	0,776	0,78	0,05
Молдова	0,661	0,666	0,662	0,67	0,677	0,684	0,693	0,696	0,693	0,697	0,7	0,039
Таджикистан	0,604	0,618	0,62	0,634	0,637	0,642	0,646	0,645	0,645	0,647	0,65	0,046
Украина	0,729	0,733	0,727	0,733	0,738	0,743	0,745	0,748	0,743	0,746	0,751	0,022
Узбекистан	0,646	0,653	0,659	0,666	0,674	0,683	0,69	0,695	0,698	0,703	0,71	0,064
Страны ЕАЭС												
Армения	0,72	0,727	0,724	0,728	0,731	0,737	0,742	0,745	0,748	0,749	0,755	0,035
Беларусь	0,757	0,774	0,784	0,792	0,798	0,803	0,804	0,807	0,805	0,805	0,808	0,051
Казахстан	0,759	0,759	0,763	0,765	0,772	0,781	0,788	0,793	0,797	0,797	0,8	0,041
Кыргызстан	0,628	0,631	0,635	0,636	0,639	0,649	0,658	0,663	0,666	0,669	0,672	0,044
Россия	0,767	0,774	0,771	0,78	0,789	0,798	0,804	0,807	0,813	0,815	0,816	0,049

Источник: составлено автором на основе [336].

Таким образом, качественные сдвиги в развитии институциональных основ хозяйственной деятельности отражены следующими способами:

- выявлена устойчивость экономик государств – членов ЕАЭС к сильнейшему внешнему шоку от падения цен на нефть в 2014–2016 гг.;
- видна высокая адаптивность рынка труда и трудовой миграции к экономическим колебаниям для членов Союза;
- отмечается устойчивость потоков личных переводов и прямых инвестиций с учетом сложности экономической конъюнктуры периода;
- показатели развития институциональной среды, отраженные как в процессе реализации либерализации внутри ЕАЭС, так и по международным индексам, улучшались даже во время рецессии;
- общая динамика роста населения, ВВП других показателей на уровне или лучше, чем показатели стран референтной группы.

Также можно выявить существующие проблемы в регионе ЕАЭС на основе определения общих индексов. По мнению экспертов зарубежных организаций – авторов расчетов международных индексов, считается, что странам-членам ЕАЭС не хватает качественных институтов. Выше было отмечено два важных пункта для будущего совершенствования: недостаточно надежные институты частной собственности (по оценкам экспертов ЕБРР) и слишком сложные правила внешней торговли (по оценке *Doing Business*).

Но, каким бы методом не проводилось сравнение качественных показателей стран, очевиден тот факт, что, итоги и эффекты интеграционных процессов проверяются на более длительных периодах, чем деятельность региона ЕАЭС – 3-5 лет. Однако, несмотря на такой короткий период, отметим то, что по существу процесс интеграции был подвергнут исключительно жесткой проверке совокупностью внешних обстоятельств макроэкономической ситуации 2014–2018 гг., и явно выдержал испытания, что уже свидетельствует об определенных интеграционных эффектах.

4.2 Методологические подходы к оценке эффектов экономической интеграции ЕАЭС

Оценка количественных эффектов международной экономической интеграции и прогнозирования ее развития является весьма актуальной и достаточно сложной экономической задачей. Период интеграционных процессов в ЕАЭС стартовал после двух десятилетий трансформационного кризиса и постепенного оживления роста в Центральной и Восточной Европе. По мере развития интеграции, накапливалась информация о возможностях взаимодействия и развития. Важно отметить фактор времени – на старте интеграционные эффекты реализуются через перетоки товаров, труда и капитала, движение которых облегчается. Но более глубокое разделение труда реализуется через капиталовложения и производительность труда, которую обычно в таких сравнениях измеряют через ВВП на душу населения. В любом случае товарные, трудовые и особенно финансовые потоки подвержены внешним шокам [225]. В случае с формированием ЕАЭС создание Таможенного союза прошло в период оживления после тяжелого мирового кризиса 2008–2009 гг. Хотя темпы мирового и регионального роста уступали периоду 2000–2008 годов, а рост торговли шел медленнее, чем в прошлом, развитие государств-членов ТС было сравнительно благоприятно. Старт более глубокой интеграции в 2015 г. совпал по внешним причинам с финансовым шоком от падения цен на энергоносители, играющие большую роль в экономике и внешней торговле трех стран. В этом плане важно учитывать, что интеграционные процессы фактически играли в последние годы роль антикризисного механизма, который позволял наиболее активным и конкурентоспособным предприятиям приспосабливаться к ситуации даже в условиях спада объемов производства.

Измерение эффектов интеграции в случае с наиболее развитым случаем соседнего Евросоюза идет постоянно и развита система моделей для анализа. Подчеркнем, что немедленные эффекты раскрытия рынков в ЕС были более

динамичными, поскольку объединялись конкуренты по большинству отраслей по истории развития хозяйства Европы [177]. Большее развитие внутриотраслевой специализации вызвало более сильную конкуренцию внутри отраслей. Государства ЕАЭС исторически были частью единого хозяйственного комплекса, и разделение труда было более выражено в межотраслевом аспекте. Развитие интеграционных эффектов на уровне более дезагрегированных отраслей требует времени и капиталовложений для использования преимуществ относительной эффективности факторов производства. Различные подходы сложного (в частности эконометрического) анализа в ЕС служат демонстрацией возможностей и ограничений существующего инструментария [248].

Гравитационные модели – широко используемый инструмент анализа торговых взаимоотношений стран позволяет оценить возможный характер экономических связей между ними в будущем [257]. Метод основывается на размерах хозяйства стран и условного расстояния (обычно между столицами) между ними. Эта модель – простой и относительно точный инструмент для оценки характера и степени взаимосвязи стран, участвующих в торговых соглашениях. Однако этот метод требует накопления статистической информации для расчетов. Период 2015–2016 гг. – короткий для анализа и моделирования характера роста с помощью сколько-нибудь грамотной эконометрической модели и такой метод не может быть применен для ЕАЭС. Для корректного анализа при таком числе стран в объединении необходимо значительно больший временной период для анализа [197]. При таких условиях такой метод не может дать ответы на многие вопросы, которые возникают при анализе возможных последствий региональных интеграционных соглашений, а также отразить эффекты от изменения основных макроэкономических показателей и динамики благосостояния [339]. По аналогичным причинам, а также ввиду отсутствия массива сопоставимой статистики невозможно провести анализ связей в регионе ЕАЭС с помощью, например, метода моделей общего равновесия.

Другой широко используемый метод – сравнение оценок сходных и/или сопоставимых финансовых активов – используется уже на более продвинутых

стадиях развития, например, в странах ЕС на нынешнем этапе интеграции. Для этого используется обширная статистика финансовых инструментов разных стран для сравнения с активами, так что выявляется постепенное сближение рыночных оценок сопоставимых активов в евро [339]. Этот метод пока сложно использовать в ЕАЭС. Также, как подтверждается в проведенных нами в исследованиях [259; 258], не совсем корректным является использование коинтеграционного анализа и сетевого моделирования, требующих большое количество статистических данных за длительный период времени.

Все эти модели применяются не только к более длительному периоду интеграции, как в случае ЕС, но и к другому типу объединения – конкурентов на внутриотраслевом уровне [234; 262]. Процесс интеграции в ЕС стартовал созданием Европейского союза угля и стали (ЕОУС), поскольку основные страны объединения были исторически конкурентами в традиционной промышленности. ЕС создавался после 45 лет военных конфликтов и промышленной депрессии с глубоким падением уровня жизни и взаимной торговли. Послевоенные психологические трудности воевавших сторон необходимо было снимать не только политически, но и экономически. Евросоюз удалось создать только в 1956 г. – через 11 лет после завершения Второй мировой войны [253].

Тяжелейший трансформационный кризис 1990-х годов был связан как со сменой системы собственности, характера рынков, так и с разрушением экономических связей, которые устанавливались при плановом хозяйстве. Мягкого поэтапного перехода не было и это обусловило огромные потери благосостояния в 1990–1999 годах. В случае с распадом СССР, страны СНГ по ряду политических причин были реинтегрированы, несмотря на множество предпосылок к развитию тесных взаимоотношений на основе взаимодополняемости экономик. Лишь пять стран, приняли участие в процессах интеграции, объединившись в ЕАЭС.

В силу короткого периода наблюдения мы используем сравнение развития этих стран с учетом зависимости от шоков, и ограничений на развития стран без выхода к международным морям, кроме России. Условные потери последних (при прочих равных) рассчитывались ранее на большом наборе стран и не могут быть

напрямую атрибутированы к странам ЕАЭС. Но необходимо иметь в виду, что страны сходного уровня размера и структуры активов могли бы расти быстрее, имея сопоставимые условия и показатели.

Таким образом, нами, ввиду отсутствия длительного периода для анализа, в исследовании взаимосвязей стран ЕАЭС в данном исследовании в целях качественной оценки эффектов экономической интеграции использованы методы сравнения по динамике экспорта их сравнение с другими странами референтной группы (7 стран постсоветского пространства).

В российской литературе есть несколько исследований, посвященных оценке интеграционных эффектов государств ЕАЭС: А. Кнобель [76; 227], А. Табах, А. Подругина [132], Е. Винокуров [31; 268], и ряд других, но они в основном относятся к периоду 2015–2016 года и анализу перспектив интеграции на стартовом этапе. При этом за исключением сравнительного анализа индикаторов глубины интеграции [317], выполненного ЕЭК по данным 2015–2016 гг., в настоящее время другие оценки эффектов интеграции стран ЕАЭС отсутствуют.

Автором, с учетом ранее выполнявшихся исследований [117; 259], была проведена оценка вероятной прогнозной динамики роста основных макроэкономических показателей государств ЕАЭС в трех сценариях: базовом, высоком и низком. В базовом сценарии предполагается стабильное развитие стран ЕАЭС в целом, однако экономический эффект от интеграционных процессов в ЕАЭС не выражен, и не оказывает существенного влияния на динамику экономического роста. В высоком сценарии предполагается, что экономическая интеграция окажет существенное положительное воздействие на макроэкономические показатели государств ЕАЭС, будет зафиксирован синергетический эффект, выраженный в повышенных темпах экономического роста. В низком сценарии допускается, что в условиях неблагоприятной внешней и внутренней среды экономическая интеграция государств ЕАЭС может оказаться недостаточно эффективной, что приведет к низким темпам экономического роста и отсутствию выраженного синергетического эффекта интеграции.

Ключевыми показателями, на которых базируется моделирование макроэкономических сценарных условий развития стран ЕАЭС в рамках данного, выбраны уровень душевого ВВП по ППС рассматриваемых стран и его динамика в постоянных ценах. Это позволяет корректно сопоставлять фактические и прогнозные данные из различных источников, а также выявить закономерности взаимосвязей макроэкономических параметров.

Для перехода между душевыми и абсолютными индикаторами ВВП, энергопотребления и других показателей необходимы фактические и прогнозные данные о населении стран мира. В рамках данного исследования источником этих данных является Прогноз ООН по численности населения стран мира (июнь 2017 г.) [344]. Прогноз общей численности населения и численности трудоспособного⁶ населения по странам и регионам мира в рамках данной работы соответствует базовому варианту (Medium) прогноза ООН и является одинаковым для всех трех сценариев.

Для лучшего соответствия показателей Прогноза ООН реальной ситуации в странах и сохранении преемственности трендов в Прогноз внесены поправки по Крыму (уточнены данные по Украине и России), методологически аналогичные внесенным самой ООН поправкам в случаях с отделением Черногории и Южного Судана: оценки ООН для населения Украины и России в 2014–2017 годах скорректированы на население Крыма⁷ на основании национальных данных этих стран. Для адекватного учета фактических трендов при прогнозировании данная процедура расширена также на период 2000–2013 гг. и прогнозный период, к

⁶ Рассматривается в терминах ООН, которая считает трудоспособным возраст период 15-64 лет. При этом, например, Росстат и Минэкономразвития России к трудоспособному населению относят мужчин 16-59 лет и женщин 16-54 лет. В результате по методологии ООН трудоспособное население в России, на 1 января 2018 г., составляет 99,6 млн чел., а по методологии Росстата – всего 82,2 млн чел.

⁷ По данным Росстата, по состоянию на 1.1.2018 население Крыма (Республики Крым и города Севастополь) составляет 2,35 млн человек, что составляет 1,6% от общероссийского (с учетом Крыма) и эквивалентно 5,3% населения Украины в представлении международных организаций (с учетом Крыма).

Международные организации, публикующие статистические данные по странам мира, де-факто учитывают Крым в динамике макроэкономических показателей России с 2014 года, поскольку исходно опираются на российские данные. Однако население Крыма в составе России этими организациями не учитывается (ООН продолжает учитывать его в составе Украины, а МВФ с 2014 года не учитывает вовсе). В связи с этим душевые показатели России с 2014 года оказываются завышенными относительно реальных.

которому также применена корректировка, учитывающая прогноз численности населения России, опубликованный Росстатом в феврале 2018 г.

Для каждого из трех сценариев формируется годовые ряды по четырем взаимосвязанным индикаторам ВВП:

- темп роста душевого ВВП по ППС,
- уровень душевого ВВП по ППС,
- объем ВВП по ППС,
- темп роста ВВП по ППС.
- формирование данных рядов отталкивается от:
- численности населения стран (данные ООН, см. выше);
- абсолютного объема ВВП рассматриваемых стран в долларах по ППС за 2017 год по данным МВФ;
- динамики душевого ВВП (также по данным МВФ).

Первоначально формируется прогноз для базового сценария, в основу которого положены традиционно положительные оценки международных организаций:

- источником прогнозных значений для стран ЕАЭС на период 2018–2023 годов являются данные МВФ, дополненные в отдельных случаях экспертными оценками автора;
- для формирования прогнозных показателей ВВП на период 2024–2040 годов используются данные ОЭСР [337]. Переход от МВФ к ОЭСР (стык темпов) производится за счет первых лет ОЭСР;
- для России использованы частично скорректированные сценарные условия из прогнозов Минэкономразвития России (в том числе Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2035 года).

Также вводится системная поправка: темпы роста душевого ВВП скорректированы в зависимости от уже достигнутого уровня душевого ВВП на основе анализа фактической взаимосвязи этих показателей в 1990–2017 годах. Анализ темпов роста душевого ВВП, ожидаемых международными

организациями, показывает систематическое завышение по сравнению с ретроспективными данными при уровне достигнутого душевого ВВП. Данная поправка вводится во всех сценариях. На экспертном уровне учитывается потенциал развития технологического сотрудничества [344].

Для формирования высокого и низкого сценариев темпов роста ВВП ожидаемые параметры базового сценария корректируются на основе анализа прогнозов других аналитических агентств и организаций, а также путем расчета сценарного коэффициента интеграции в высоком и низком сценариях от базового сценария, в результате чего формируется сценарный прогноз ВВП по странам ЕАЭС.

4.3 Долгосрочные количественные эффекты экономической интеграции ЕАЭС

С учетом нерезультативности применения известных моделей для условий региона ЕАЭС, как было установлено ранее, автором был разработан альтернативный метод экспертно-аналитической оценки долгосрочных количественных эффектов экономической интеграции ЕАЭС. Поскольку анализ ретроспективного периода действия стран ЕАЭС дал наиболее высокую достоверность аппроксимации для степенной функции (полинома 4-й степени), в отличие от других возможных вариантов (метод «прогнозирования сверху»), нами было предложено использование именно такой функции.

То есть валовой объем ВВП для базового сценария был определен для каждого государства ЕАЭС с помощью построения линии тренда путем расчета значений степенной функции с использованием инструментария табличного процессора MS Office Excel в прогнозном периоде. Функция имеет вид:

$$f(x) = ax^4 + bx^3 + cx^2 + dx + e, \quad (9)$$

где x – значение показателя для определенного года, для которого выполняется расчет, коэффициенты a, b, c, d, e рассчитаны по методу наименьших квадратов с использованием формул массива и встроенных функций эконометрического моделирования табличного процессора MS Excel для рассматриваемого ряда. Функция полинома 4-й степени, несмотря на высокую сложность вычислений, позволяет добиться высокой достоверности аппроксимации в прогнозном периоде ($R^2 > 0,95$ для всех вариантов расчета). Базовый год расчета – 2017 г. (наиболее полные доступные на момент расчета исходные статистические данные), расчеты абсолютных показателей выполнены в ценах 2017 г., горизонт прогнозирования – до 2050 г.

Полученное значение рассчитываемого показателя для каждого года корректируется на сценарный коэффициент интеграции, определяемый автором экспертным методом с использованием эконометрического инструментария анализа данных и поиска решений, встроенных в табличный процессор MS Office Excel (Таблицы 39, 40).

С учетом оценки интеграционных эффектов, объем ВВП по ППС Армении может увеличиться на 38,5–63,3 млрд долл. США (в базовом сценарии – на 48,7 млрд долл. США). По сравнению с базовым сценарием, при успешном развитии интеграции положительный эффект для экономики Армении может составить 14,6 млрд долл. США к 2050 г., а темпы роста ВВП могут быть на 0,6-0,8% выше, чем в базовом сценарии. При этом в низком сценарии (в случае слабого развития интеграционных процессов) экономика Армении вырастет к 2050 г. только на 136% к уровню 2017 г., а темпы роста ВВП ожидаются на 0,4-0,6% ниже, чем в базовом сценарии (Рисунок 16).

Таблица 39 – Сценарные коэффициенты интеграции (низкий сценарий)

	Россия	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан	Армения
2017	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
2018	0,999	0,999	0,999	1,000	0,999
2019	0,999	0,999	0,997	0,998	0,997
2020	0,997	0,997	0,995	0,995	0,994
2021	0,994	0,996	0,992	0,993	0,990
2022	0,990	0,993	0,990	0,990	0,986
2023	0,985	0,990	0,987	0,986	0,981
2024	0,979	0,986	0,983	0,982	0,977
2025	0,973	0,981	0,980	0,978	0,973
2026	0,966	0,976	0,976	0,974	0,968
2027	0,959	0,971	0,973	0,969	0,964
2028	0,953	0,965	0,969	0,965	0,959
2029	0,946	0,958	0,966	0,960	0,955
2030	0,939	0,950	0,963	0,956	0,950
2031	0,933	0,943	0,959	0,951	0,945
2032	0,927	0,936	0,954	0,947	0,941
2033	0,920	0,929	0,950	0,942	0,936
2034	0,914	0,922	0,945	0,938	0,932
2035	0,909	0,916	0,941	0,933	0,927
2036	0,903	0,909	0,937	0,929	0,923
2037	0,898	0,903	0,933	0,924	0,918
2038	0,892	0,897	0,929	0,920	0,914
2039	0,887	0,891	0,924	0,915	0,910
2040	0,882	0,885	0,919	0,911	0,906
2041	0,878	0,879	0,915	0,906	0,902
2042	0,873	0,873	0,910	0,902	0,898
2043	0,868	0,868	0,906	0,897	0,894
2044	0,864	0,862	0,902	0,893	0,890
2045	0,859	0,856	0,898	0,889	0,886
2046	0,855	0,851	0,894	0,884	0,882
2047	0,851	0,845	0,890	0,880	0,879
2048	0,847	0,840	0,886	0,875	0,875
2049	0,843	0,835	0,882	0,871	0,872
2050	0,839	0,828	0,878	0,866	0,868

Источник: составлено автором.

Таблица 40 – Сценарные коэффициенты интеграции (высокий сценарий)

	Россия	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан	Армения
2017	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
2018	1,001	1,001	1,001	1,000	1,001
2019	1,001	1,001	1,003	1,002	1,003
2020	1,003	1,003	1,005	1,005	1,007
2021	1,007	1,005	1,009	1,008	1,011
2022	1,012	1,008	1,012	1,012	1,016
2023	1,018	1,011	1,015	1,016	1,021
2024	1,025	1,016	1,019	1,021	1,027
2025	1,033	1,021	1,023	1,026	1,032
2026	1,041	1,028	1,027	1,031	1,037
2027	1,049	1,035	1,032	1,036	1,043
2028	1,058	1,043	1,036	1,042	1,048
2029	1,066	1,052	1,041	1,048	1,054
2030	1,074	1,061	1,046	1,053	1,060
2031	1,083	1,070	1,052	1,059	1,066
2032	1,091	1,079	1,057	1,065	1,072
2033	1,100	1,089	1,063	1,071	1,078
2034	1,108	1,098	1,069	1,077	1,084
2035	1,116	1,107	1,075	1,083	1,090
2036	1,124	1,116	1,082	1,089	1,096
2037	1,132	1,125	1,089	1,095	1,102
2038	1,139	1,134	1,095	1,101	1,108
2039	1,148	1,142	1,102	1,107	1,114
2040	1,157	1,151	1,108	1,114	1,121
2041	1,165	1,161	1,116	1,120	1,127
2042	1,174	1,171	1,123	1,126	1,134
2043	1,182	1,181	1,130	1,133	1,140
2044	1,191	1,191	1,138	1,140	1,147
2045	1,199	1,201	1,145	1,146	1,154
2046	1,207	1,212	1,152	1,153	1,161
2047	1,216	1,222	1,160	1,160	1,168
2048	1,224	1,231	1,167	1,166	1,175
2049	1,232	1,240	1,174	1,173	1,182
2050	1,240	1,248	1,181	1,180	1,190

Источник: составлено автором.

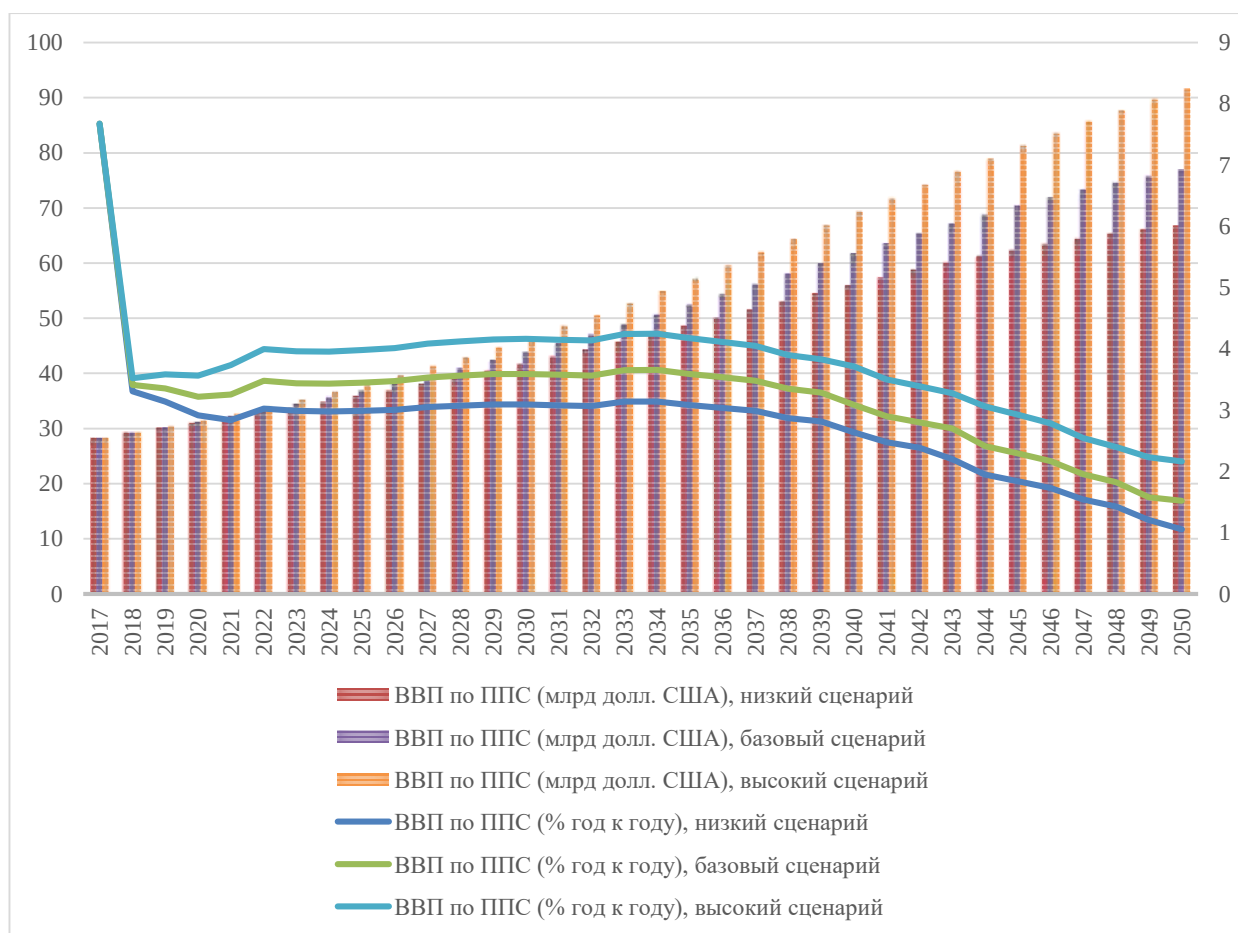

Рисунок 16 – Прогноз ВВП по ППС Армении до 2050 года

Источник: составлено автором.

Объем ВВП по ППС Республики Беларусь может к 2050 г. увеличиться на 79,3-168,3 млрд долл. США (в базовом сценарии – на 115,1 млрд долл. США). В высоком сценарии дополнительный положительный эффект от интеграции в 2050 г. может составить 53,2 млрд долл. США, в случае слабой интеграции в низком сценарии потери экономики по сравнению с базовым сценарием оцениваются в 35,8 млрд долл. США (Рисунок 17).

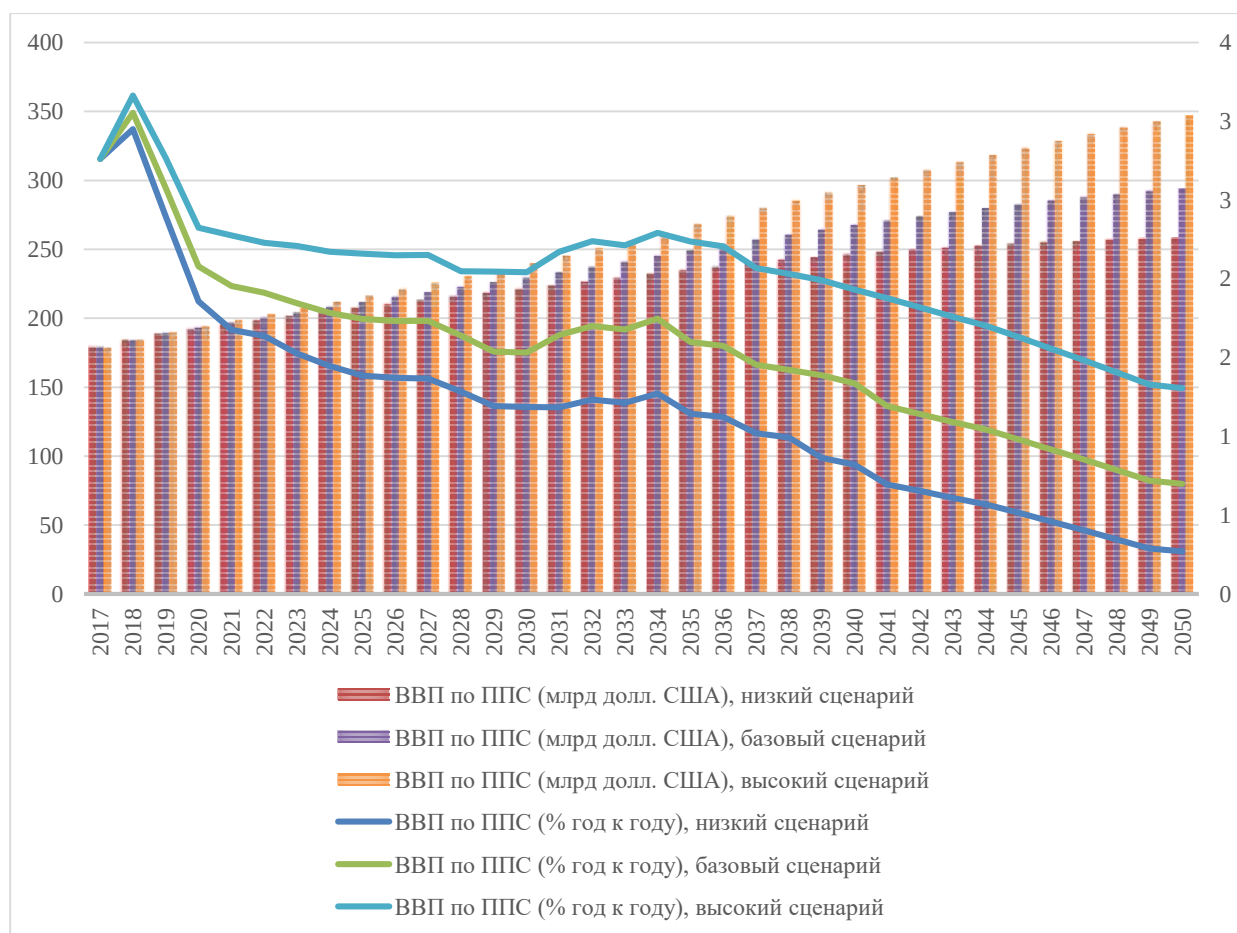

Рисунок 17 – Прогноз ВВП по ППС Республики Беларусь до 2050 года

Источник: составлено автором.

Для Республики Казахстан интеграционные эффекты, как ожидается, могут быть еще более значительны. ВВП Казахстана может к 2050 г. вырасти на 505,3–1002,9 млрд долл. США по сравнению с уровнем 2017 года. В высоком сценарии положительный интеграционный эффект составит 294 млрд долл. США по сравнению с базовым, в низком сценарии экономические потери оцениваются в 203,6 млрд долл. США (Рисунок 18).

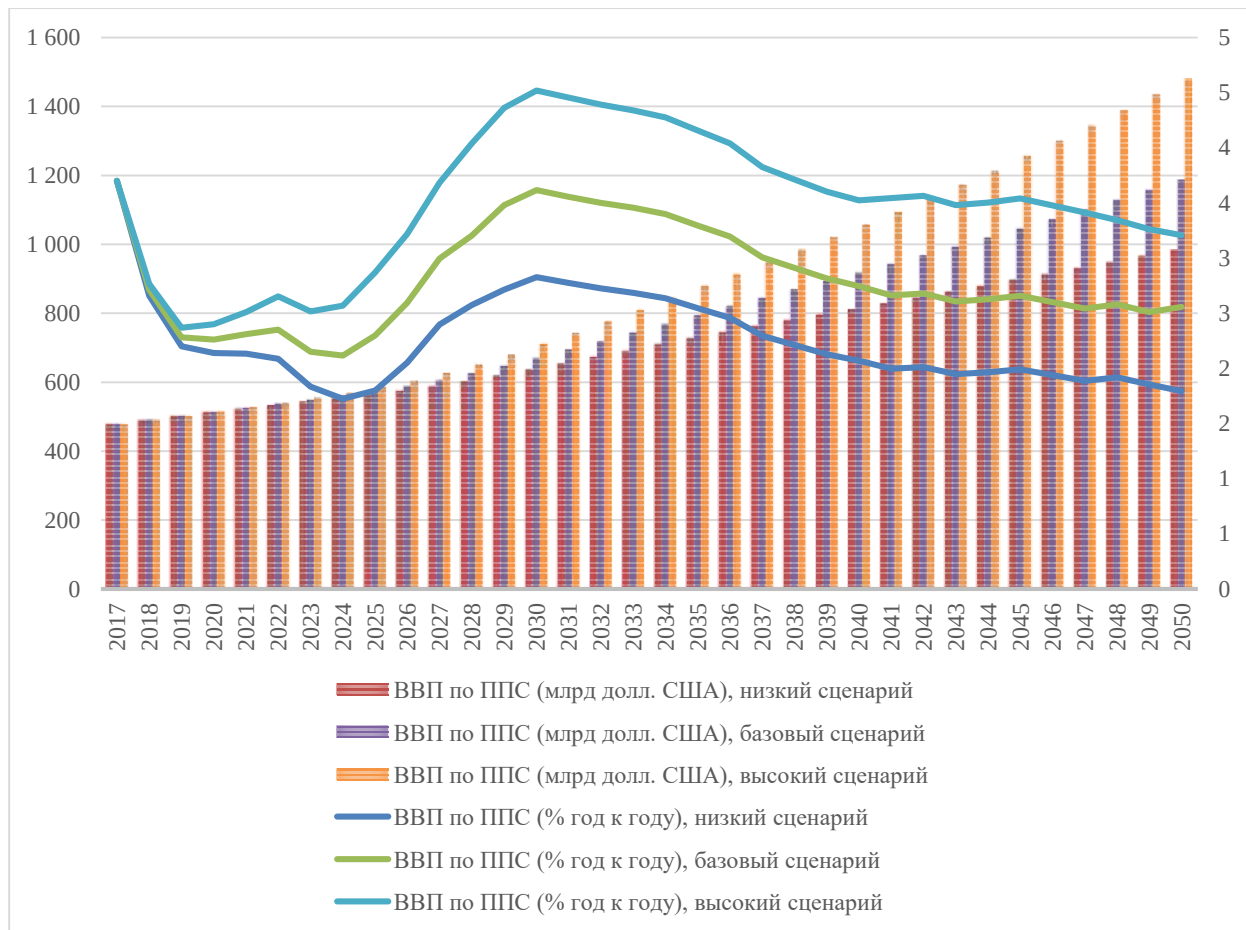

Рисунок 18 – Прогноз ВВП по ППС Республики Казахстан до 2050 года

Источник: составлено автором.

Для Кыргызстана увеличение объема ВВП по ППС к 2050 г. в абсолютном выражении будет не столь значительным (54,7–82,9 млрд долл. США, в среднем сценарии – на 66,7 млрд долл. США по сравнению с уровнем 2017 г.). Однако в высоком сценарии ВВП по ППС Кыргызстана увеличится более чем в 4,5 раза по сравнению с 2017 г., а положительный интеграционный эффект по сравнению с базовым сценарием составит 16,2 млрд долл. США (Рисунок 19).

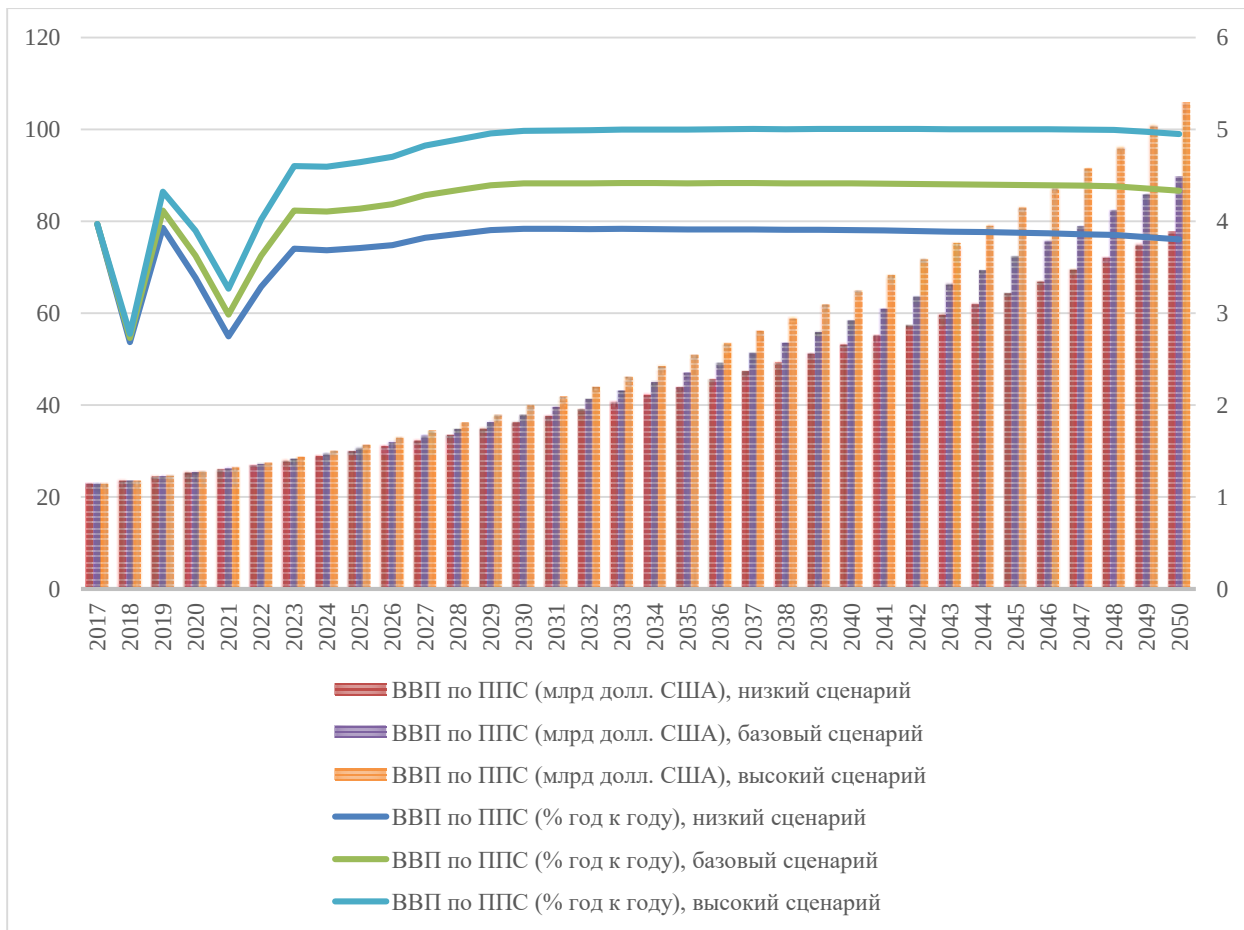

Рисунок 19 – Прогноз ВВП по ППС Кыргызстана до 2050 года.

Источник: составлено автором.

Объем ВВП по ППС России к 2050 г. может увеличиться на 1743,5–4495,1 млрд долл. США. Для России успешное развитие интеграции имеет большое значение, поскольку положительный эффект в высоком сценарии по сравнению с базовым к 2050 г. оценивается в 1644,8 млрд долл. США, а возможные потери экономики в низком сценарии по сравнению с базовым – 1106,8 млрд долл. США (Рисунок 20).

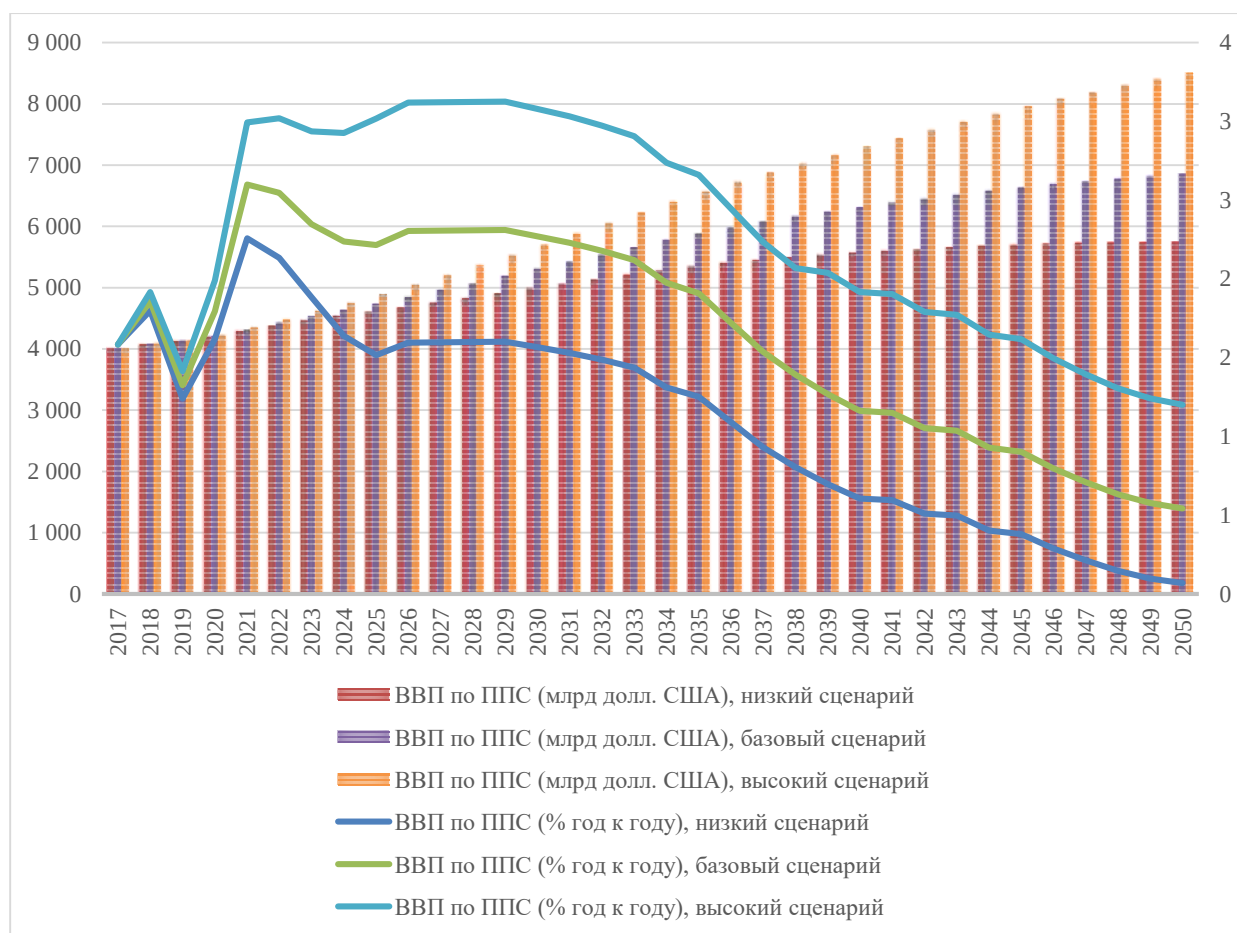

Рисунок 20 – Прогноз ВВП по ППС России до 2050 года.

Источник: составлено автором.

Подробные результаты прогнозов (по пятилеткам, в разрезе стран ЕАЭС и показателей) представлены в Таблице 41.

Таблица 41 – Результаты прогноза ВВП по ППС для стран ЕАЭС до 2050 года с учетом интеграционных эффектов

Показатель	2017	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
	Армения							
ВВП по ППС (% год к году), низкий сценарий	7,7	2,9	3,0	3,1	3,1	2,6	1,8	1,1
ВВП по ППС (млрд долл. США), низкий сценарий	28,3	31,0	35,9	41,7	48,6	56,0	62,4	66,8
ВВП по ППС (% год к году), базовый сценарий	7,7	3,2	3,4	3,6	3,6	3,1	2,3	1,5
ВВП по ППС (млрд долл. США), базовый сценарий	28,3	31,2	36,9	43,9	52,4	61,8	70,4	77,0
ВВП по ППС (% год к году), высокий сценарий	7,7	3,6	4,0	4,2	4,2	3,7	2,9	2,2

Продолжение таблицы 41

Показатель	2017	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
ВВП по ППС (млрд долл. США), высокий сценарий	28,3	31,4	38,1	46,6	57,2	69,3	81,2	91,6
	Беларусь							
ВВП по ППС (% год к году), низкий сценарий	2,8	1,9	1,4	1,2	1,1	0,8	0,5	0,3
ВВП по ППС (млрд долл. США), низкий сценарий	178,9	192,1	207,3	220,9	234,6	246,1	253,7	258,2
ВВП по ППС (% год к году), базовый сценарий	2,8	2,1	1,7	1,5	1,6	1,3	1,0	0,7
ВВП по ППС (млрд долл. США), базовый сценарий	178,9	193,0	211,6	229,4	249,3	267,7	282,6	294,0
ВВП по ППС (% год к году), высокий сценарий	2,8	2,3	2,2	2,0	2,2	1,9	1,6	1,3
ВВП по ППС (млрд долл. США), высокий сценарий	178,9	194,1	216,5	240,0	268,0	296,6	323,6	347,2
	Казахстан							
ВВП по ППС (% год к году), низкий сценарий	3,7	2,1	1,8	2,8	2,5	2,1	2,0	1,8
ВВП по ППС (млрд долл. США), низкий сценарий	477,6	511,8	562,7	637,1	726,9	811,8	895,5	982,9
ВВП по ППС (% год к году), базовый сценарий	3,7	2,3	2,3	3,6	3,3	2,7	2,7	2,6
ВВП по ППС (млрд долл. США), базовый сценарий	477,6	513,1	573,4	670,4	794,0	917,6	1045,6	1186,4
ВВП по ППС (% год к году), высокий сценарий	3,7	2,4	2,9	4,5	4,2	3,5	3,5	3,2
	2017	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
ВВП по ППС (млрд долл. США), высокий сценарий	477,6	514,5	585,7	711,3	879,0	1056,3	1256,1	1480,4
	Кыргызстан							
ВВП по ППС (% год к году), низкий сценарий	4,0	3,4	3,7	3,9	3,9	3,9	3,9	3,8
ВВП по ППС (млрд долл. США), низкий сценарий	23,0	25,3	30,0	36,2	43,9	53,2	64,4	77,7
ВВП по ППС (% год к году), базовый сценарий	4,0	3,6	4,1	4,4	4,4	4,4	4,4	4,3
ВВП по ППС (млрд долл. США), базовый сценарий	23,0	25,5	30,7	37,9	47,0	58,4	72,4	89,7
ВВП по ППС (% год к году), высокий сценарий	4,0	3,9	4,6	5,0	5,0	5,0	5,0	4,9
ВВП по ППС (млрд долл. США), высокий сценарий	23,0	25,6	31,5	39,9	50,9	65,0	83,0	105,9
	Россия							
ВВП по ППС (% год к году), низкий сценарий	1,6	1,6	1,5	1,6	1,3	0,6	0,4	0,1

Продолжение таблицы 41

Показатель	2017	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
ВВП по ППС (млрд долл. США), низкий сценарий	4007,8	4197,2	4608,1	4986,6	5346,4	5570,7	5704,8	5751,4
ВВП по ППС (% год к году), базовый сценарий	1,6	1,8	2,2	2,3	1,9	1,2	0,9	0,5
ВВП по ППС (млрд долл. США), базовый сценарий	4007,8	4210,5	4737,9	5308,3	5884,3	6312,8	6639,3	6858,2
ВВП по ППС (% год к году), высокий сценарий	1,6	2,0	3,0	3,1	2,7	1,9	1,6	1,2
ВВП по ППС (млрд долл. США), высокий сценарий	4007,8	4224,8	4892,5	5703,2	6567,3	7300,9	7960,6	8503,0

Источник: составлено автором.

Объем ВВП на душу населения по ППС рассчитан с использованием полученных на рассмотренном выше этапе расчета значений валового ВВП по ППС и сформированного прогноза численности населения по формуле:

$$\text{ВВП}_{per\ capita}^{\text{ППС}} = \frac{\text{ВВП}_{\text{валовой}}^{\text{ППС}}}{P}, \quad (10)$$

где $\text{ВВП}_{per\ capita}^{\text{ППС}}$ – объем ВВП на душу населения (по ППС);

$\text{ВВП}_{\text{валовой}}^{\text{ППС}}$ – валовой объем ВВП (по ППС);

P – численность населения.

Результаты расчетов ВВП по ППС на душу населения представлены в таблице 42.

Таблица 42 – Результаты прогноза ВВП по ППС на душу населения для стран ЕАЭС до 2050 года с учетом интеграционных эффектов

Показатель	2017	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
	Армения							
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), низкий сценарий	7,5	2,8	3,1	3,3	3,4	3,0	2,3	1,6
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), низкий сценарий	9,7	10,6	12,2	14,4	17,0	19,9	22,6	24,7

Продолжение таблицы 42

Показатель	2017	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), базовый сценарий	7,5	3,2	3,5	3,8	3,9	3,5	2,7	2,0
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), базовый сценарий	9,7	10,6	12,6	15,1	18,3	21,9	25,5	28,5
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), высокий сценарий	7,5	3,5	4,1	4,4	4,5	4,1	3,4	2,7
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), высокий сценарий	9,7	10,7	13,0	16,0	19,9	24,6	29,4	33,9
Беларусь								
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), низкий сценарий	2,9	2,1	1,6	1,5	1,5	1,2	0,8	0,6
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), низкий сценарий	18,9	20,4	22,3	24,1	26,1	27,8	29,2	30,1
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), базовый сценарий	2,9	2,3	2,0	1,9	2,0	1,7	1,3	1,0
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), базовый сценарий	18,9	20,5	22,7	25,0	27,7	30,3	32,5	34,3
Продолжение таблицы 42. ВВП по ППС на душу населения (% год к году), высокий сценарий	2,9	2,5	2,4	2,4	2,6	2,3	1,9	1,6
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), высокий сценарий	18,9	20,6	23,2	26,2	29,8	33,6	37,2	40,5
Казахстан								
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), низкий сценарий	2,5	1,1	1,0	2,2	1,9	1,4	1,4	1,2
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), низкий сценарий	26,2	27,3	28,7	31,4	34,7	37,5	40,1	42,8
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), базовый сценарий	2,5	1,3	1,5	2,9	2,7	2,1	2,0	2,0
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), базовый сценарий	26,2	27,3	29,2	33,0	37,9	42,4	46,9	51,7
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), высокий сценарий	2,5	1,4	2,1	3,8	3,5	2,9	2,9	2,7
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), высокий сценарий	26,2	27,4	29,9	35,0	42,0	48,9	56,3	64,5
Кыргызстан								
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), низкий сценарий	2,4	2,0	2,6	3,0	3,1	3,1	3,2	3,2
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), низкий сценарий	3,8	4,0	4,5	5,2	6,0	7,0	8,2	9,6
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), базовый сценарий	2,4	2,3	3,1	3,5	3,6	3,6	3,7	3,8
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), базовый сценарий	3,8	4,0	4,6	5,4	6,4	7,7	9,2	11,1
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), высокий сценарий	2,4	2,5	3,5	4,1	4,1	4,2	4,3	4,4
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), высокий сценарий	3,8	4,1	4,7	5,7	7,0	8,6	10,5	13,0

Продолжение таблицы 42

	Россия							
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), низкий сценарий	1,5	1,6	1,6	1,6	1,3	0,7	0,4	0,1
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), низкий сценарий	27,3	28,6	31,4	34,2	36,7	38,4	39,4	39,7
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), базовый сценарий	1,5	1,8	2,3	2,3	2,0	1,2	0,9	0,6
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), базовый сценарий	27,3	28,6	32,3	36,4	40,4	43,5	45,8	47,4
ВВП по ППС на душу населения (% год к году), высокий сценарий	1,5	2,0	3,1	3,2	2,7	2,0	1,7	1,2
ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США), высокий сценарий	27,3	28,7	33,4	39,1	45,1	50,3	54,9	58,8

Источник: составлено автором.

Наиболее значительное увеличение ВВП на душу населения ожидается для Республики Казахстан (до 42,8–64,5 тыс. долл.) и Российской Федерации (до 39,7–58,8 тыс. долл.), наименее значительное – для Кыргызстана (до 9,6–13,0 тыс. долл.) Прогноз показывает, что даже в высоком сценарии при заложенных сценарных условиях не будут в полной преодолены структурные дисбалансы между экономиками государств ЕАЭС, что означает необходимость принятия соответствующих регуляторных мер на наднациональном уровне.

Одним из вариантов интенсификации развития интеграционных процессов является активизация работы по устранению изъятий и ограничений. Такая работа должна носить системный характер, который включал бы в себя мониторинг законодательства государств – членов ЕАЭС, своевременное реагирование на введение новых мер и принятие решений на уровне не ниже Евразийского межправительственного совета об устранении текущих барьеров. Кроме того, необходима корректировка договорно-правовой базы ЕАЭС на предмет применения к стране ЕАЭС мер за нарушения моратория в отношении введения мер защиты отечественного производителя и ограничении доступа на внутренний рынок субъектов хозяйствования ЕАЭС.

В целях придания импульса работе по устранению барьеров и ограничений во взаимной торговле ЕАЭС предлагается следующее:

1) рассмотреть возможность расширения полномочий ЕЭК путем внесения изменений в Договор о ЕАЭС. В настоящее время ряд принимаемых решений (к примеру, в сфере АПК или антимонопольном регулировании) носит рекомендательный характер, что декларирует отсутствие должной компетенции;

2) обеспечить максимально возможное вовлечение бизнеса в работу по устранению барьеров и ограничений. В данном контексте представляется целесообразным расширение использования потенциала Делового совета ЕАЭС для обсуждения путей снижения барьеров и развития партнерских отношений на уровне предприятий и регионов.

Кроме того, необходим четкий посыл на уровне руководства стран ЕАЭС о необходимости активизации работы по устранению внутренних ограничений. Такая работа представляется актуальной особенно в условиях нарастающего количества переговорных треков по заключению соглашений о зоне свободной торговли Союза с третьими странами и интеграционными объединениями. Работа на внешнем контуре будет наиболее эффективна при наличии крепкого и устойчивого к вызовам внутреннего рынка.

Так необходимым является, чтобы Комиссия и государства-члены ЕАЭС установили определенные сроки по устранению изъятий и ограничений, которые включены уже непосредственно в Реестр препятствий. Эти действия должны рассматриваться на площадках профильных консультативных комитетов, которые будут созданы при Коллегии Комиссии, и там же будут планировать сроки их исполнения. На основе принятых сроков требуется разработать «Дорожную карту», в которой будут четко сформулированы задачи и сроки, а также определены ответственные лица за устранение этих препятствий среди членов Коллегии, в соответствии с их компетенцией.

После утверждения таких документов, требуется их реализация через разработку и заключение международных договоров в рамках ЕАЭС, принятие актов, внесения изменений в Договор и т.д. «Дорожные карты» также требуют постоянного пересмотра и актуализации со стороны Коллегии Комиссии (Министров), и представления ими отчетов и докладов каждый год.

Одной из важнейших составляющих формирования общих рынков товаров и услуг ЕАЭС, в рамках которых устраняется большинство барьеров, является приведение в соответствие законодательств государств-членов Союза в конкретных экономических сферах.

В рамках этой работы ЕЭК необходимо провести сравнительный анализ международных договоров и законодательств государств-членов в этих сферах, а также осуществить подготовку «Дорожных карт» по приведению их в соответствие. В настоящее время такие дорожные карты предусмотрены в сфере естественных монополий, например, в нефтегазовой отрасли.

Устранение разногласий достигается посредством выполнения положений Договора о ЕАЭС по гармонизации законодательства государств-членов, а именно:

- осуществление государственного контроля (надзора) за соблюдением условий технических регламентов Союза на основе приведения в соответствие законодательств государств-членов, а также в части установления ответственности за нарушение обязательных требований к продукции, правил и процедур проведения необходимой оценки ее соответствия согласно разделу X «Техническое регулирование» Договора о ЕАЭС;

- осуществление либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций с учетом международных принципов и стандартов путем гармонизации законодательства государств-членов в соответствии с разделом XV «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» Договора о ЕАЭС;

- поэтапное сближение механизмов допуска к осуществлению деятельности (в том числе разрешительных требований и процедур) посредством приведения в соответствие законодательства государств-членов согласно Протоколу о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС);

- осуществление гармонизации законодательства в отношении налогов, которые оказывают влияние на взаимную торговлю, включая приведение в соответствие (сближение) ставок акцизов по наиболее чувствительным

подакцизным товарам, а также дальнейшее совершенствование системы взимания налога на добавленную стоимость во взаимной торговле в соответствии с разделом XVII «Налоги и налогообложение» Договора о ЕАЭС;

- осуществление гармонизации законодательства в сфере естественных монополий согласно Протоколу о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий (Приложение № 20 к Договору о ЕАЭС);

- приведение в соответствие законодательства в сфере закупок, разработка методических материалов согласно Протоколу о порядке регулирования закупок (Приложение № 25 к Договору о ЕАЭС).

Помимо этого, ключевым аспектом является нормативно-правовая среда на национальном уровне. В последнее время применение национальными правительствами протекционистских мер в отношении отечественных производителей является весьма распространенным явлением. В условиях укрепления своих экономик все чаще наблюдается тенденция ограничения партнеров по Союзу в участии в процедурах государственных закупок, увеличивается уровень субсидиарной поддержки производителей в промышленной сфере, в целом ограничивается конкуренции на пространстве ЕАЭС.

Такая ситуация ограничивает возможности расширения объемов взаимной торговли товарами и услугами в рамках ЕАЭС. Вместе с этим возрастает роль проводимой работы по выявлению и устранению барьеров, изъятий и ограничений во взаимной торговле.

Целесообразным, по нашему мнению, является рассмотрение вопроса о сокращении длительных сроков формирования общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, а также рынка транспортных услуг. Это придаст динамичность процессу создания и развития общих рынков в других секторах экономики ЕАЭС.

Отдельного внимания заслуживает вопрос создания в ЕАЭС механизма финансирования и реализации, как совместных инфраструктурных проектов, так и совместных проектов в сферах промышленности и сельского хозяйства, направленных на развитие общих рынков.

В целях активизации сотрудничества на региональном уровне считаем целесообразным предложить ЕЭК совместно с государствами-членами рассмотреть вопрос о включении в Договор о ЕАЭС раздела, регулирующего вопросы регионального сотрудничества в рамках ЕАЭС.

В этих же целях, а также в целях обсуждения проблемных вопросов и существующих препятствий для развития регионального сотрудничества, можно предложить организацию и проведение на регулярной основе «Форума регионов Евразийского экономического союза».

Как показал анализ, большинство административных препятствий могут быть устранены путем внесения соответствующих изменений в Договор о ЕАЭС. Такая работа организована в ЕЭК в рамках деятельности сводной рабочей группы по совершенствованию положений Договора о ЕАЭС (образована распоряжением Коллегии Комиссии от 2 августа 2016 г. № 112). По ряду препятствий требуется принятие актов Союза, включая акты по вопросам взаимодействия уполномоченных органов государств-членов.

Нормативно-правовые препятствия устраняются, как правило, внесением изменений в нормативные правовые акты государств – членов ЕАЭС на основании соответствующих «Дорожных карт».

Рассмотрение экспертами ЕЭК выявленных препятствий, включение их в формируемый реестр, определение порядка и сроков их устранения в соответствии с решениями Высших органов Союза и последующее их устранение будет способствовать:

- проведению единой скоординированной политики в отраслях экономики государств ЕАЭС, формированию и развитию общих рынков товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- обеспечению функционирования региона ЕАЭС без изъятий и ограничений;
- развитию единого экономического пространства стран ЕАЭС, на котором действуют сопоставимые механизмы регулирования экономики и общая инфраструктура.

По итогам четвертой главы диссертационного исследования можно сделать следующие выводы.

Автором была разработана методика оценки качественных и количественных эффектов международной экономической интеграции ЕАЭС. В соответствии с разработанной методикой был выполнен анализ качественных эффектов экономической интеграции ЕАЭС. С учетом нерезультативности применения известных моделей для условий ЕАЭС, как было установлено ранее, автором был разработан альтернативный метод экспертно-аналитической оценки долгосрочных количественных эффектов экономической интеграции ЕАЭС. В результате выполненных оценок сформированы прогнозы ключевых макроэкономических показателей государств-членов ЕАЭС с учетом интеграционных эффектов, в том числе в сфере ТЭК. Доказано, что интеграционная составляющая может внести значительный вклад в экономический рост государств-членов ЕАЭС в долгосрочной перспективе.

ГЛАВА 5 ОЦЕНКА ДОЛГОСРОЧНЫХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ ЕДИНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

5.1 Разработка концепции региональной энергетической интеграции и безопасности ЕАЭС

В результате проведенного глубокого исследования, анализа генезиса теорий международной экономической интеграции, концептуальных подходов к оценке ее эффектов и взаимосвязи интеграции с глобализацией становится очевидным, что в теории экономической науки достаточно широко проработаны вопросы международной экономической интеграции, в т.ч. в контексте ведущих трендов развития мировой экономики. При этом такой аспект, как энергетическая интеграция, в трудах зарубежных и отечественных экономистов до настоящего времени раскрывался лишь отчасти, хотя нельзя отрицать высокую важность энергетики в ее связи с геополитикой и глобальными тенденциями экономического развития, что показано в данном исследовании [72]. В связи с формированием Евразийского экономического союза и его опорой на топливно-энергетический комплекс и энергетическую интеграцию, ее научно-теоретическое осмысление приобретает весьма высокую актуальность [85; 251].

Некоторые авторы подчеркивают, что на постсоветском пространстве сложились «уникальные» условия, особенно для государств Союза в части создания и развития общего рынка электроэнергетики. Так по мнению Е.Ю. Винокурова, такой процесс очевиден и целесообразен [32]. Автор в своих работах отмечает, что многие регионы мира стремятся к созданию таких рынков, однако, в отличие от них, ЕАЭС обладает большим энергетическим потенциалом, имеет общую унаследованную энергетическую систему, сопоставимые единые

технологические и технические стандарты, располагает трансграничной инфраструктурой и мощностями и т.д.

Аналогичной точки зрения придерживается и другой специалист в области электроэнергетики – А.А. Гибаддулин, который в своих трудах рассматривает ЕАЭС, как весьма удачный и успешный интеграционный проект евразийского пространства [37]. Он подчеркивает, что развитие общих энергетических рынков, в частности электроэнергетического – экономически обосновано и необходимо. Его формирование даст большое количество преимуществ странам, таких как возможность использовать перетоки энергии, перераспределения энергомощностей, балансировки, а также позволит постепенно выводить устаревшее оборудование из фонда предприятий и способствовать повышению конкурентоспособности ЕАЭС в целом [37; 124].

Согласно высказанному мнению первых лиц Коллегии Евразийской экономической комиссии, рост национальных экономик стран ЕАЭС будет активизирован именно на основе развития общего энергетического рынка. Будут расти объемы товарооборота как в части энергетических товаров, так и в торговле, также создадутся условия к доступу деятельности естественных монополий в сфере энергетики, также будет расти приток инвестиций в отрасль и т.д. [103].

Некоторыми специалистами энергетическая интеграция в регионе Союза рассматривается в контексте энергетической безопасности, под которой автор понимает определенную возможность стран надежно защитить себя от нехватки энергоресурсов, от энергодефицита [55]. Главной целью такого подхода, он считает формирование единого энергетического пространства на принципах устойчивости [81].

Необходимо подчеркнуть, что сегодня в странах ЕАЭС уже действуют разные типы рынков электроэнергии. В своем исследовании А. Курбаналиев [81]. предлагает концептуальный подход к развитию общего электроэнергетического рынка в ЕАЭС, базирующийся на формировании наднационального электроэнергетического рынка без значительного реформирования национальных рынков.

В исследованиях В. Балыбердина описана практическая значимость проекта создания общего энергетического рынка ЕАЭС, приводится оценка исследования SKM Market Predictor, согласно которой проведены расчеты общего экономического эффекта этой инициативы [23]. Среди главных источников получения различных выгод в ходе проекта отмечается увеличение внутренней сетевой пропускной способности, а также оптимизация загрузки мощностей генерации в регионе. Согласно приведенным данным, положительный эффект будет получен всеми государствами ЕАЭС, но в разной степени: Казахстан, Беларусь, Кыргызстан, Армения и Россия распределят свои «дивиденды» в неравной пропорции – 28:22:19:17:13 % [23]. Но по мнению автора, с чем можно согласиться, такая оценка субъективна и требует уточнений, а для более точного расчета эффектов требуется применение методов моделирования с множеством различных параметров и т.д.

В настоящее время ЕЭК определены основные направления развития в области энергетики в части формирования общих энергетических рынков государств ЕАЭС. Создаваемые рынки, по мнению экспертов, должны быть открыты для участия в них энергетических компаний стран Союза, иметь определенную архитектуру, предполагающую прямое взаимодействие между субъектами хозяйствования в части добычи, переработки и транспортировки энергоресурсов. А торговлю на этих рынках необходимо будет осуществлять на биржевых площадках или по прямым договорам [304].

В соответствии с целями, обозначенными ЕЭК, формирование общих рынков энергоресурсов Союза будет способствовать устойчивому развитию экономик, повышению благосостояния населения, а также укреплению энергетической безопасности и росту конкурентоспособности товаров, произведенных в ЕАЭС, на мировом рынке [119]. Все это может внести весомый вклад в упрочение интеграционного фундамента Союза и стать мощным фактором развития Евразийского региона в целом [303].

И. Томберг отмечает что глобализация энергетических рынков, особенно в Азии, может оказать существенное влияние на тенденции спроса и предложения

ТЭР, в частности, природного газа [141; 142]. Кроме того, все большую значимость в мировой и региональной торговле ТЭР приобретает логистический фактор [162]. Полагаем, что эти аспекты также напрямую влияют на характер развития энергетической интеграции в ЕАЭС.

Рядом крупнейших отечественных ученых, главным образом, научными коллективами под руководством Е. Телегиной была в последние годы проведена серьезная работа по осмыслению основных принципов, механизмов и условий энергетической интеграции [133; 134]. В данных трудах был детально исследован опыт энергетической интеграции и формирования единого энергетического пространства в Европейском Союзе, а также представлено концептуальное видение целей, задач и форм энергетической интеграции в ЕАЭС [35; 139; 138].

Рядом других авторов была проведена работа по типизации интеграционных процессов в энергетике, в частности, выделены следующие составляющие энергетической интеграции:

- техническая интеграция (рациональное объединение множества технических средств в единый комплекс для производства, передачи, распределения и потребления энергии);
- технологическая интеграция (объединение отдельных технологий в единую технологическую цепочку (от производства энергии до ее потребления) и формирование на базе отдельных энергетических систем единого технологического пространства;
- функциональная интеграция, способная обеспечить единство целей, согласование критериев и процедур, выполнение всех функций и процессов, направленных на достижение поставленной цели;
- организационная интеграция, обеспечивающая взаимодействие участников и их согласованные действия для достижения поставленных целей;
- информационная интеграция, предусматривающая единый комплексный подход к созданию и ведению информационной базы энергетической метасистемы;

– программная интеграция – использование согласованного и взаимосвязанного комплекса моделей, алгоритмов и программ для обеспечения общего функционирования всех компонентов системы [320].

Некоторыми экспертами отмечается, что сегодня существуют объективные предпосылки глобализации в энергетике, среди которых выделяется две, а именно: конъюнктурная – постоянный рост спроса на энергоресурсы в таких развивающихся странах, как Китай, Индия и др.; технологическая – существующие инновационные технологии в энергетической сфере в развитых странах (технологии возобновляемой энергетики, глубоководная добыча и т.д.) [245; 299]. Эти обстоятельства ускоряют интеграционные процессы, приводят к созданию ассоциаций, бизнес-сообществ, межправительственных консультативных органов и др.

Следует отметить, что энергетическая интеграция подразумевает повышение эффективности управления энергоресурсами. По мнению С. Борталевица целесообразно выделять следующие этапы управления энергетическими ресурсами (Рисунок 21) [277].

Безусловно, в ходе развития энергетической интеграции значимую роль играет тот факт, что каждая страна – участник интеграционного объединения обладает своим, уникальным энергетическим потенциалом. Энергетический потенциал стран зависит от большого числа факторов, прежде всего, наличия природных ресурсов, которые могут быть использованы для получения энергии. На наш взгляд, в современных условиях развития экономики и энергетики, наиболее актуальная трактовка энергетического потенциала предложена Т. Коваленко и А. Волковым. По их мнению, энергетический потенциал представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов: природно-ресурсный потенциал, транспортно-энергетический потенциал, трудовой потенциал, производственный потенциал, который дополнен потребительским потенциалом и потенциалом управления [77].

Рисунок 21 – Внешние и внутренние факторы, оказывающие влияние на процессы развития региональной интеграции

Источник: составлено автором.

Следует также иметь в виду, что энергетические ресурсы можно классифицировать как собственные (добытые) и приобретенные (купленные) на мировом энергетическом рынке. Преобладание собственных или приобретенных ресурсов в энергетическом балансе страны определяет ее роль в интеграционном объединении как нетто-потребителя или как нетто-производителя энергоресурсов.

Это, в свою очередь, определяет необходимость, масштаб и формы перераспределения энергоресурсов в рамках энергетической интеграции в соответствии с общим механизмом распределения. Мы полагаем, что эффективное перераспределение энергоресурсов ведет укреплению энергетической безопасности в рамках интеграционного объединения (Рисунок 22).

По нашему мнению, является возможным предложить дальнейшее развитие изложенных идей энергетической интеграции в регионе ЕАЭС в контексте авторской концепции региональной энергетической интеграции и безопасности.

В рамках данной концепции можно предложить к рассмотрению теоретическое обоснование дальнейшего расширения процесса энергетической интеграции в странах-членах ЕАЭС, а также развития энергетического сотрудничества и последующей энергетической интеграции с другими государствами Центральной Азии и Дальнего Востока.

Основная предпосылка, на которую опирается авторская концепция согласуется с позицией большинства рассмотренных авторов и заключается в том, что энергетическая интеграция предоставляет странам-участницам ряд уникальных и стратегических возможностей и преимуществ.

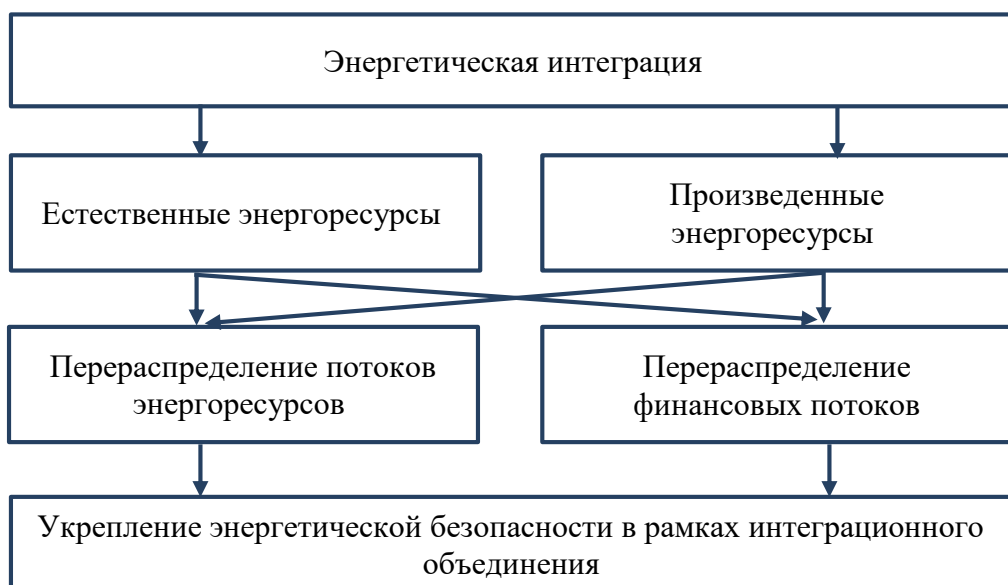

Рисунок 22 – Механизм перераспределения энергоресурсов в процессе энергетической интеграции

Источник: составлено автором.

Рассмотрим возможности, которые предоставляет участникам энергетическая интеграция (Рисунок 23).

Рисунок 23 – Возможности, которые предоставляет энергетическая интеграция

Источник: составлено автором.

Первое преимущество – это повышение уровня энергетической безопасности и устойчивости комплексных энергетических систем, таких как магистральные электрические сети и газопроводные системы, что повышает уровень надежности и безопасности электроснабжения потребителей. К примеру, в рамках изолированных энергетических систем, либо в слабо интегрированных электроэнергетических системах, аварийное отключение части генерирующих или передающих мощностей, либо изменение режима их работы, с высокой вероятностью приведет к повреждениям смежных систем и последующим каскадным отключениям потребителей. Напротив, в случае электрической системы с высоким уровнем интеграции, наличие резервных мощностей и высокая степень координации между электроэнергетическими зонами позволяет избежать подобных негативных последствий. Современная Единая электроэнергетическая система России (ЕЭС РФ) может являться примером высоко интегрированной системы, в которой даже отказ ряда элементов не приведет к коллапсу всей

системы. Однако настолько эффективное устройство электросетей характерно лишь для немногих регионов мира.

Второе преимущество – более высокая эффективность производства электрической и тепловой энергии, более гибкие возможности балансировки энергетических систем, более высокий КПД генерирующих установок в силу рационального использования маневренных и маломаневренных мощностей генерации в рамках единого энергетического пространства. Это дает существенные экономические выгоды, поскольку позволяет сократить затраты ресурсов на единицу вырабатываемой электроэнергии и повысить срок службы как генерирующих установок, так и сетевой инфраструктуры за счет более равномерной их загрузки в периоды спадов и пиков потребления.

Третье преимущество – увеличение возможностей для развертывания различных типов генерирующих мощностей в рамках электроэнергетической системы. Различные типы мощностей характеризуются взаимодополняющими характеристиками. Наиболее устойчивой и надежной является энергетическая система, в которой в достаточном количестве представлены как высокоманевренные, так и маломаневренные мощности, а также различные по установленной мощности генерирующие объекты. Наиболее совершенными сегодня являются распределенные электроэнергетические системы, которые позволяют гибко управлять нагрузкой различных типов мощностей и распределением произведенной электроэнергии на значительных географических пространствах. Это, фактически, было реализовано в рамках единой электроэнергетической системы СССР и частично сохраняется в ЕЭС РФ.

Таким образом, можно сформулировать комплексное определение региональной энергетической интеграции: региональная энергетическая интеграция – процесс формирования взаимных технологических и экономических связей между топливно-энергетическими комплексами государств регионального объединения, который способствует формированию и развитию пространственных распределенных энергетических систем и позволяет повысить экономическую и энергетическую эффективность топливно-энергетического комплекса, обеспечить

более высокую доступность энергии и энергоносителей для потребителей и укрепить энергетическую безопасность стран.

Полагаем, что реализация данных преимуществ в полной мере возможна в рамках Единого энергетического пространства Евразийского экономического союза. При этом, в рамках концепции региональной энергетической интеграции предлагается изучить возможность не только интеграции рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов как отдельных отраслей ТЭК, но и разработать проекты по кросс-платформенной энергетической интеграции [209]. Такая интеграция, по нашему представлению, означает взаимную интеграцию рынков – в первую очередь – газа и электроэнергии, а также, отчасти, рынка нефти и нефтепродуктов (в силу специфики продуктов). Такой подход позволит в полном объеме реализовать вышеперечисленные преимущества энергетической интеграции, особенно в части формирования устойчивых и распределенных энергетических систем (Рисунок 24).

Рисунок 24 – Схема кросс-платформенной энергетической интеграции

Источник: составлено автором.

Газификация и электрификация могут стать основными драйверами экономического роста на пространстве ЕАЭС, а описанные интеграционные эффекты смогут способствовать снижению стоимости электроэнергии и, как следствие, повышению экономической эффективности и прибыльности производств. Кроме того, данный подход позволит повысить экспортный потенциал топливно-энергетического комплекса государств-членов ЕАЭС за счет вовлечения в процесс энергетического сотрудничества и энергетической интеграции сопредельных государств. Увеличение числа участников и развитие их генерирующих и транспортных мощностей позволит более равномерно распределить генерирующую и транспортную нагрузку между всеми национальными рынками, снизив риски и издержки для российских генерирующих и сетевых компаний [147; 226].

В целом, совместное участие государств ЕАЭС в формировании и развития единого рынка электроэнергии, а также рынков газа и нефтепродуктов, приведет к формированию нового измерения энергетической безопасности – коллективной энергетической безопасности.

Классическое понимание энергетической безопасности было сформулировано еще в конце прошлого столетия после нефтяного кризиса Международным энергетическим агентством [202]. В основе его сущности закладывался смысл того, что энергия должна быть доступна потребителю в необходимом количестве и нужного качества при определенных экономических условиях.

Наряду с таким понятием энергетической безопасности, в научной среде существует множество подходов к ее определению, средствам достижения и методов оценки. Многие западноевропейские авторы энергетическую безопасность рассматривают как часть общей национальной безопасности, под которой понимается бесперебойная доступность источников энергии по доступной цене [188; 203; 211]. При этом, другие авторы отмечают подверженность рискам (уязвимость) жизненно важных энергетических систем, находящихся под

влиянием различных технических, экономических и политических обстоятельств [187]. Подчеркивается, что энергетическая безопасность играет важнейшую роль при проектировании энергетических систем страны в целом и систем транспортировки энергии в частности.

В Европейском союзе (ЕС) в настоящее время обсуждается множество проектов относительно стратегии энергетической безопасности в рамках общей энергетической политики. Особая роль отводится развитию общих энергетических рынков. В работах Дж. Валдес, приводится подробный критический анализ этих проектов, подчеркивается риск, связанный с различием интересов и мотивов между странами-членами союза, отсутствие согласованности действий как правительств, так и компаний, раскоординированности в принятии решений относительно формируемой энергетической политики [265]. Также специалистами указывается необходимость снижения зависимости от импорта российских энергоресурсов в целях повышения энергетической безопасности ЕС [200; 203; 338]. Хотя известно, что ЕС является одним из наиболее уязвимых регионов, зависимых от импорта энергетических ресурсов. В этой связи понятен интерес к масштабному развитию возобновляемой энергетики с точки зрения именно энергетической безопасности, хотя при этом без отказа от традиционных видов ресурсов [213; 212; 213].

Интерес к исследованиям в области энергетической безопасности стран в настоящее время наблюдается и в восточно-азиатском регионе. Влияние множества различных факторов на обеспечение энергетической безопасности, и одновременно ее воздействия на экономический рост стран, отражено в работах многих специалистов [200; 229; 271]. Они предлагают различные модели с учетом этих факторов для расчетов и оценки уровня энергетической безопасности. Так, коллективом авторов, предложена модель оценки энергетической безопасности, включающая три составляющих: энергоснабжение-транспортную безопасность, безопасность энергопотребления и стабильность политико-социально-экономической среды. Интерес представляют полученные ими результаты [270]. Установлено, что существует ряд стран с рискованной и относительно рискованной энергетической системой, которые в основном сосредоточены в Африке, Азии, на

Ближнем Востоке и Евразии, что обеспечивает сегодня необходимость пространственного расширения энергетических сетей в направлении востока и юга. Такие же результаты подтверждены и в исследовании Дж. Ли [230], в котором приводятся данные на основе расчетов индекса энергетической безопасности (ESI).

Классическое понимание энергетической безопасности в России формировалось в неразрывной связи с национальной безопасностью [21].

Еще в 1997 г. в стране был принят документ «Концепция национальной безопасности Российской Федерации», который определяли, как базовый документ, указывающий основной вектор развития национальной политики безопасности, в частности в энергетической сфере.

Далее документ был актуализирован и сегодня – это Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [12]. В рамках этого документа впервые было сформулировано и закреплено юридически понятие энергетической безопасности, определяющейся как часть экономической безопасности страны.

Энергетическая безопасность согласно Стратегии «включает в себя устойчивое обеспечение внутреннего спроса на энергоносители..., рост энергоэффективности и энергосбережения, конкурентоспособности отечественных энергетических компаний и производителей энергоресурсов, предотвращение дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей, производство комплектующего оборудования, стабильное функционирование систем энерго- и теплоснабжения» [12, ст. 60].

Энергетическую безопасность страны должны обеспечивать определенные условия, а именно: надежность и бесперебойность поставок энергоресурсов потребителям, внедрение перспективных энергосберегающих и энергоэффективных технологий, эффективное государственное управление ТЭК и мн. др. [58].

Как показывают исследования, существует множество подходов к определению энергетической безопасности на различных уровнях и на основе различных методов [190]. Но, по нашему мнению, среди них наиболее комплексным и одновременно универсальным является подход Института

энергетической стратегии [29], согласно такому подходу, энергетическая безопасность рассматривается в сочетании трех векторов: достаточность энергетических ресурсов, их доступность и допустимость их использования.

Достаточность энергетических ресурсов означает возможность их физического извлечения и степень обеспеченности ими национальной экономики. Доступность подразумевает экономическую целесообразность использования того или иного вида энергетических ресурсов при соответствующей ситуации в экономике и условиях рыночной среды. Наконец, под допустимостью использования ресурсов понимается наличие средств и технологий для добычи энергоносителей и генерации тепловой и электрической энергии с соблюдением существующих экологических и технологических рамок.

В предлагаемой в рамках данного исследования системе коллективной энергетической безопасности каждое государство-участник будет нести риски и издержки, связанные с функционированием интегрированных энергетических систем, но при этом получает достаточно высокие гарантии обеспечения собственной энергетической безопасности в рамках данной интегрированной энергосистемы. В случае критических событий, катастроф, стихийных бедствий, которые могут привести к выходу из строя объектов добычи энергоресурсов, производства электроэнергии или сетей государства-участники системы коллективной энергетической безопасности будут способны оказать поддержку друг другу путем перераспределения потоков энергоресурсов или направлений подачи электроэнергии и мощности – энергетическую помощь.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно отметить, что коллективная энергетическая безопасность государств – это система, которая включает в себя совокупность средств поддержания и обеспечения безопасного состояния стран, имеющих технологические и экономические связи между национальными топливно-энергетическими комплексами, с учетом рисков и издержек их функционирования. Такая система действует в условиях, когда каждое государство несет определенные риски и издержки, связанные с функционированием интегрированных энергетических систем, но при этом

получает достаточно высокие гарантии обеспечения собственной энергетической безопасности в рамках данной интегрированной энергосистемы.

Система коллективной энергетической безопасности и оказания энергетической помощи будет требовать соблюдения двух ключевых условий, а именно:

- наличие договора о коллективной энергетической безопасности между государствами-участниками, определяющего порядок и условия оказания энергетической помощи;

- наличие технической возможности оказания энергетической помощи – в частности, достаточно развитые и распределенные сети железных дорог, нефтепроводов, газопроводов, линий электропередач, которые позволят обеспечить потребности в оказании и получении энергетической помощи всех стран-участников единых энергетических систем в случае необходимости.

При этом чем больше государств становятся участниками процесса региональной энергетической интеграции, тем более устойчивой становится и система коллективной энергетической безопасности. В этой связи проект энергетической интеграции государств ЕАЭС и в перспективе сопредельных государств становится не только экономически и энергетически важным, но и во многом геополитически обоснованным и целесообразным.

5.2 Методика разработки прогноза развития энергетической сферы государств ЕАЭС на долгосрочную перспективу

С учетом того, что вопросы как развития региональной энергетической интеграции на пространстве государств ЕАЭС, так и обеспечения коллективной энергетической безопасности являются весьма важными и актуальными в настоящее время, целесообразным является проведение оценки эффектов от интеграционных процессов в энергетической сфере. В этой связи, предлагается

проведение прогнозного анализа ее перспективного развития на основе авторской методики.

В части перспективного развития стран энергетических рынков государств ЕАЭС разработаны три сценария, соответствующие сценариям макроэкономического развития (согласно методике, описанной в четвертой главе работы): базовый, высокий и низкий. В целях формирования прогноза развития энергетической сферы государств ЕАЭС на долгосрочную перспективу были выполнены следующие этапы моделирования:

- этап 1 – прогноз конечного потребления энергии с разделением по видам энергоносителей (в т. ч. электрической и тепловой энергии) по категориям потребителей в разрезе стран ЕАЭС на основе сформированных ранее макроэкономических сценарных условий с использованием эконометрических методов,

- этап 2 – прогноз развития электроэнергетики в разрезе стран ЕАЭС на основе перспективной динамики генерирующих мощностей;

- этап 3 – прогноз технико-экономических показателей производства первичных энергоресурсов стран ЕАЭС с использованием принципов имитационного моделирования;

- этап 4 – формирование результатов прогноза развития энергетической сферы стран ЕАЭС с использованием балансового подхода на системном уровне.

Прогноз конечного потребления энергии формируется в разрезе категорий потребителей. Прогнозирование конечного потребления энергии в зависимости от макроэкономических и демографических условий осуществляется с использованием следующих методов:

- экстраполяция на основе кривых роста,
- производственная функция Кобба – Дугласа,
- регрессионный анализ,
- имитационное моделирование.

Для формирования прогноза конечного потребления энергоресурсов используется метод, обеспечивающий наибольшую достоверность результатов.

Для прогнозирования потребления в транспортном, жилищном и коммерческом секторах (кроме электрической и тепловой энергии) следует использовать метод экстраполяции на основе кривых роста. Прогноз потребления энергоресурсов в промышленности на энергетические нужды осуществляется с построением производственной функции Кобба – Дугласа. Для прогнозирования потребления электроэнергии следует применять регрессионный анализ. Прогноз потребления тепловой энергии в жилищном и коммерческом секторах, а также потребления энергоресурсов в промышленности на неэнергетические нужды формируется методами имитационного моделирования.

Прогноз потребления энергии с использованием кривых роста (S-образных кривых) основан на анализе зависимости между уровнем социально-экономического развития и потреблением энергии в данной категории потребителей. Эту зависимость можно описать следующими S-образными функциями:

$$\text{Кривая Перла:} \quad E_{\text{ЧН}} = \frac{L}{1 + a \cdot e^{-b \cdot \text{ВВП}_{\text{ЧН}}}} \quad (11)$$

$$\text{Кривая Гомперца:} \quad E_{\text{ЧН}} = L \cdot e^{-b \cdot e^{-k \cdot \text{ВВП}_{\text{ЧН}}}} \quad (12)$$

где $E_{\text{ЧН}}$ – душевое потребление энергии в данной категории потребителей в данной стране за последние N лет,

$\text{ВВП}_{\text{ЧН}}$ – уровень душевого ВВП в данной стране за последние N лет,

L – уровень насыщения для душевого потребления энергии,

a, b, k – параметры аппроксимации.

Выбор кривой роста с целью формирования более достоверного прогноза осуществляется итеративно с годовым шагом до последнего года по следующей рекуррентной формуле:

$$E_{\text{ЧН}}_{N+j} = F_{j-1}(\text{ВВП}_{\text{ЧН}}_{N+j}) + (E_{\text{ЧН}}_{N+j-1} - F_{j-1}(\text{ВВП}_{\text{ЧН}}_{N+j-1})) \quad (13)$$

где j – номер года на шаге прогнозирования.

Как правило, кривая Перла лучше аппроксимирует энергопотребление в развитых странах, приблизившихся к уровню насыщения, а кривая Гомперца – в развивающихся странах, находящихся на ранних стадиях кривой роста. Предельный уровень энергоэффективности по секторам определяется параметрами внедрения наилучших доступных технологий.

Прогнозирование конечного потребления энергоресурсов в промышленности⁸ на энергетические нужды основано на использовании производственной функции⁹ в качестве модели динамики роста потребления энергоресурсов. Данный подход предполагает, что выпуск в промышленном секторе зависит от накопленного капитала, технологического коэффициента и уровня энерговооруженности (энергопотребления). Эта зависимость имеет вид производственной функции Кобба-Дугласа:

$$Ind = \tau \cdot C^{\lambda} \cdot E^{1-\lambda} \quad (14)$$

где Ind – объем промышленного производства, C – объем основного капитала промышленности, E – энергопотребление в промышленности, τ – технологический коэффициент.

Таким образом, зависимость энергопотребления в промышленности от остальных параметров выражается следующим образом:

$$E = A \cdot C^{\alpha} \cdot Ind^{\beta} \quad (15)$$

где A, α, β – коэффициенты, подлежащие определению.

⁸ Данный подход применяется отдельно ко всем составляющим материального производства (обрабатывающая промышленность, строительство).

⁹ Данный метод прогнозирования применяется также к конечному потреблению всех видов энергоносителей в сельском хозяйстве и прочих секторах экономики.

После логарифмирования, модель превращается в стандартную модель линейной множественной регрессии

$$\ln E_i = \ln A + \alpha \cdot \ln C_i + \beta \cdot \ln Ind + \varepsilon_i, i = 1, \dots, N \quad (16)$$

где ε_i – независимые в совокупности, одинаково распределенные случайные величины, имеющие нормальное распределение с нулевым средним и конечной дисперсией.

На основе полученных значений коэффициентов A, α, β формируется прогноз спроса на энергию. Предельный уровень энергоэффективности промышленного сектора, к которому в перспективе приближается его прогнозная динамика, определяется на основе параметров внедрения наилучших доступных технологий.

Прогноз потребности в электроэнергии составлен на основе регрессионного анализа зависимости темпов изменения электроемкости ВВП (по конечному потреблению электроэнергии) от темпов роста и уровня душевого ВВП по странам мира. Годовые темпы роста электроемкости ВВП стран мира прогнозируются на основании ожидаемой динамики ВВП (сценарных макроэкономических условий) и параметров регрессионной кривой, соответствующей уровню душевого ВВП данной страны на конкретный год.

Прогноз потребления энергоресурсов в промышленности на неэнергетические нужды осуществляется методами имитационного моделирования. Потребность в энергоресурсах на неэнергетические нужды формируется на основе прогноза производства конечной продукции и ожидаемых уровней удельных расходов сырья (с учетом затрат на собственные нужды). В свою очередь, прогноз производства конечной продукции формируется на основе моделирования состояния соответствующих рынков, а также инвестиционного фактора – строящихся и планируемых к строительству мощностей ТЭК по странам ЕАЭС.

Прогноз потребности в тепловой энергии в жилищном и коммерческом секторах формируется на основе динамики:

- численности населения, в т.ч. трудоспособного,
- численности городского населения,
- уровня энергоэффективности жилого фонда.

Прогноз уровня энергоэффективности жилого фонда основан на показателях внедрения наилучших доступных технологий, данных Министерства экономического развития [85; 100], в т. ч. с учетом прогнозов МЭА (Energy Technology Perspectives).

Для температурозависимых категорий потребителей, в дополнение к дифференциации макроэкономических параметров, по сценариям дополнительно учитывается вариативность климатического фактора на основе теории градусо-дней. Рассматривается влияние климатического фактора как на потребность в энергоресурсах для целей отопления, так и на потребность в электроэнергии для кондиционирования воздуха. С учетом сформированных сценарных условий в части отклонений температуры наружного воздуха от среднесезонных значений в летний и зимний периоды, рассчитываются фактические и ожидаемые значения градусо-дней отопления HDD (heating degree days) и градусо-дней охлаждения CDD (cooling degree days). На основе ретроспективных данных оценивается эластичность спроса на различные виды энергии по изменению градусо-дней отопления и градусо-дней охлаждения. На основе полученного уровня эластичности рассчитывается величина ожидаемого отклонения энергопотребления под влиянием климатического фактора.

На этапе прогноза развития электроэнергетики переход от параметров потребления к параметрам выработки электроэнергии осуществляется с учетом информации о существующих проектах развития межстрановой передачи электроэнергии.

Определение динамики развития генерирующих мощностей осуществляется в среднесрочном и долгосрочном периодах. В среднесрочном периоде развитие генерирующих мощностей прогнозируется на основе информации о принятых

участниками электроэнергетического рынка решениях по вводу (строительству, модернизации) и демонтажу отдельных объектов генерации [8]. В долгосрочном периоде учитываются необходимые для баланса генерирующих мощностей вводы мощности. Потребность в них оценивается на основе баланса электроэнергии с учетом прогнозного уровня спроса на электроэнергию, уже принятых решений о вводах и демонтаже мощностей, а также ориентиров по целевой доле ВИЭ в электрогенерации, установленных в рамках национальной энергетической политики.

В случае наличия потребности в дополнительных вводах мощности, выбор состава новых вводов топливной генерации за рамками уже принятых инвестиционных решений (оптимизационных мощностей) осуществляется на основе ранжирования типов генерации по критерию минимизации долгосрочных предельных затрат на выработку электроэнергии. Долгосрочные предельные затраты по технологиям генерации электроэнергии (ПГУ на газе, угольные энергоблоки с ЦКС и т.д.) рассчитываются с учетом типовых физико-технических и технико-экономических показателей по следующей формуле:

$$Cost_{TOT} = Cost_{Fuel} + Cost_{Var} + Cost_{Fix} + Amort + Cost_{Ecol} \quad (17)$$

где $Cost_{TOT}$ – общие затраты,

$Cost_{Fuel}$ – топливные затраты,

$Cost_{Var}$ – условно-переменные затраты,

$Cost_{Fix}$ – условно-постоянные затраты,

$Amort$ – амортизационные отчисления,

$Cost_{Ecol}$ – углеродная составляющая (с учетом цены на выбросы CO_2 и удельных показателей выбросов).

Также при формировании прогноза развития мощностей как в среднесрочном, так и долгосрочном периоде учитываются инвестиционные условия в электроэнергетике соответствующей страны – обязывающие ориентиры по доле ВИЭ в электрогенерации, установленные национальным

законодательством или энергетическими стратегиями, а также решения по развитию мощностей АЭС и ГЭС с учетом политических и экологических факторов [243; 244; 242; 273].

При моделировании использования генерирующих мощностей учитывается распределение электрической и тепловой нагрузки, как между типами генерирующих мощностей, так и между однотипными генерирующими мощностями. Распределение нагрузки между типами генерирующих мощностей осуществляется на основе ранжирования мощностей (merit order) по уровню краткосрочных предельных затрат на выработку электроэнергии с учетом ценовых и экологических условий – цен на основные виды котельно-печного топлива и цен на выбросы CO₂. При этом ранжирование мощностей осуществляется с учетом прогнозных оценок базовой, полупиковой и пиковой нагрузки.

Формирование прогноза топливообеспечения электростанций осуществляется на основе полученных значений ЧИУМ (часы использования установленной мощности) по генерирующим объектам с учетом их теплового и электрического КПД. Для существующих генерирующих мощностей КПД оценивается на основе ретроспективных данных о потреблении энергоресурсов и производстве тепловой и электрической энергии по типам генерации. Для проектных и новых мощностей КПД оценивается по проектным или типовым для каждой технологии значениям.

Динамика топливообеспечения для котельных определяется на основе ожидаемой потребности в тепловой энергии и ожидаемого уровня теплового КПД котлов, использующих различные виды топлива. Прогнозная оценка КПД котельных формируется на основе фактически достигнутого уровня и показателей внедрения наилучших доступных технологий, в т.ч. с учетом прогнозов МЭА (Energy Technology Perspectives).

Прогноз распределения энергоресурсов формируется на основе решения транспортной задачи (являющейся частным случаем задачи линейного программирования).

Постановка транспортной задачи при указанных ограничениях имеет следующий вид:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{i=1, j=1}^{n, m} c_{ij} r_{ij} \rightarrow \min \\ \sum_{i=1}^n r_{ij} = x_j, j = 1, \dots, m \\ \sum_{j=1}^m r_{ij} \leq y_i, i = 1, \dots, n \\ \sum_{j \in J_i} r_{ij} \leq R_i, i = 1, \dots, n \\ \sum_{i \in I^j} r_{ij} \leq R^j, j = 1, \dots, m \\ r_{ij} \geq 0, \forall i, j \end{array} \right. \quad (18)$$

где

$y_1, y_2, \dots, y_n$ – производственные мощности n поставщиков данного энергоресурса,

$x_1, x_2, \dots, x_m$ – потребности m потребителей в данном энергоресурсе,

c_{ij} – цена предложения данного энергоресурса i -го поставщика для j -го потребителя, $i = 1, \dots, n$ и $j = 1, \dots, m$,

r_{ij} – объемы поставок энергоресурсов от i -го поставщика j -му потребителю, $i = 1, \dots, n$ и $j = 1, \dots, m$.

Исходными данными в оптимизационной задаче для периода (года) являются:

– производственные мощности поставщиков данного вида энергоресурсов в разрезе объектов разработки (производства),

– объемы необходимых товарных поставок данного вида энергоресурсов для потребителей (в разрезе «страна – категория потребителей»),

– цены предложения данного энергоресурса от i -го поставщика для j -го потребителя, $i=1,...,n$ и $j=1,...,m$,

– инфраструктурные ограничения R_i на объемы поставок данного энергоресурса от i -го поставщика некоторому множеству потребителей J_i , $i=1,...,n$,

– инфраструктурные ограничения R^j на объемы поставок данного энергоресурса для j -го потребителя от некоторого множества поставщиков I^j , $j=1,...,m$.

Цены предложения данного энергоресурса от i -го поставщика для j -го потребителя в k -м году в общем виде рассчитываются по формуле:

$$c_{ij} = Prod_i + \sum_s Transp_s \quad (19)$$

где

$Prod_i$ – затраты на добычу (производство) энергоресурса i -го поставщика (в разрезе объектов разработки (производства)) с учетом налоговой составляющей,

$Transp_s$ – элементы затрат на поставку энергоресурса от i -го поставщика для j -го потребителя.

Транспортная задача состоит в определении оптимальных объемов распределения энергоресурса $\tilde{r}_{ij}$ путем минимизации издержек потребителей и при выполнении следующих условий:

- полного покрытия спроса всех потребителей на поставки энергоресурса,
- не превышения ограничений по производственным мощностям,
- соблюдения инфраструктурных ограничений.

Результатом решения данной задачи является матрица оптимальных объемов поставок энергоресурсов $\tilde{r}_{ij}$. Ненулевые объемы энергоресурсов, являющиеся решением данной задачи, также определяют «замыкающие затраты» для каждого потребителя:

$$\hat{c}_j = \max_i \{c_{ij} : \tilde{r}_{ij} \neq 0\} \quad (20)$$

Элементы затрат на поставку энергоресурса $Transp_s$ от i -го поставщика для j -го потребителя включают (при необходимости):

- затраты на транспортировку энергоресурса от производителя до порта отгрузки (экспорта) по суше (железнодорожным, трубопроводным или иным видом транспорта),
- затраты на перевалку энергоресурса в порте отгрузки (экспорта),
- затраты на фрахт судов для перевозки энергоресурса от порта отгрузки (экспорта) до порта разгрузки (импорта),
- затраты на перевалку энергоресурса в порте разгрузки (импорта),
- затраты на транспортировку энергоресурса от порта разгрузки (импорта) до потребителя по суше (железнодорожным, трубопроводным или иным видом транспорта),
- затраты на транспортировку энергоресурса от производителя напрямую потребителю по суше (железнодорожным, трубопроводным или иным видом транспорта),
- затраты на переработку (обогащение) энергоресурса,
- налоговые и таможенные платежи, связанные с поставкой (экспортом) энергоресурсов.

При постановке оптимизационной задачи учитываются инфраструктурные ограничения на объемы поставок данного энергоресурса, как индивидуальные (для поставок от i -го поставщика для j -го потребителя), так и совместные (на общем

поставок от i -го поставщика некоторому множеству потребителей или для j -го потребителя от некоторого множества поставщиков). Инфраструктурные ограничения сформированы на основе данных о мощностях действующих, строящихся, проектируемых и планируемых объектов по сжижению и регазификации СПГ, по трубопроводной транспортировке газа, сырой нефти и нефтепродуктов, а также по перевалке и железнодорожной транспортировке энергоресурсов.

Оценка затрат на добычу (производство) энергоресурсов, элементов затрат на поставку энергоресурсов, а также производственных мощностей по добыче (производству) основных видов энергоресурсов на прогнозный период должны быть приведены к единому энергетическому эквиваленту. При оценке затрат на добычу (производство) энергоресурсов и элементов затрат на транспортировку энергоресурсов должны дифференцированно учитываться эксплуатационные затраты и капитальные вложения, а также налоговая нагрузка с учетом действующего в различных странах режима налогообложения.

5.3 Развитие рынка газа

Прогноз развития общего рынка газа стран-участниц ЕАЭС (Таблица 43) включает:

- ожидаемые параметры внутреннего спроса на газ, собственной добычи газа и нетто-импорта,
- условия регулирования развития газовой отрасли в рамках национального законодательства стран-участниц ЕАЭС,
- параметры межгосударственного регулирования общего рынка газа в рамках ЕАЭС.

Таблица 43 – Прогноз развития общего рынка газа стран-участниц ЕАЭС

Наименование показателя	Низкий	Базовый	Высокий
<i>Внутреннее потребление газа к 2040 г., млрд куб. м</i>			
Армения	2,5	2,6	2,6
Беларусь	14,1	15,0	15,9
Казахстан	36,2	38,1	40,4
Кыргызстан	0,9	1,4	2,1
Россия (в зоне ЕСГ)	450,0	478,0	507,0
<i>Прирост внутреннего потребления газа (за 2018-2040 г.), млрд куб. м</i>			
Армения	0,6	0,6	0,7
Беларусь	-5,6	-4,6	-3,7
<i>Прирост внутреннего потребления газа (за 2018-2040 г.), млрд куб. м</i>			
Казахстан	-0,4	1,5	3,8
Кыргызстан	0,6	1,2	1,8
Россия (в зоне ЕСГ)	13,5	41,5	70,5
<i>Возможности по добыче газа к 2040 г., млрд куб. м</i>			
Армения	0,0	0,0	0,0
Беларусь	1,0	1,0	1,1
Казахстан	36,2	38,1	40,4
Кыргызстан	0,04	0,06	0,10
Россия (в зоне ЕСГ)	714,9	763,3	858,3
<i>Нетто-импорт газа к 2040 г., млрд куб. м</i>			
Армения	2,5	2,5	2,6
Беларусь	13,1	14,0	14,9
Казахстан	—	—	—
Кыргызстан	0,9	1,4	2,0
Россия (в зоне ЕСГ)	—	—	—
Условия функционирования общего рынка газа ЕАЭС			
Среднегодовые темпы роста оптовых цен на газ (кроме населения) в России, %	2,0	3,0	4,0
Принятие Программы формирования общего рынка газа	Принятие поправок, предложенных Беларусью		Принятие Программы в действующей редакции
Принятие Соглашения об общем рынке газа	Принятие Соглашения в действующей редакции	Частичный учет поправок ПАО «Газпром»	Учет поправок со стороны ПАО «Газпром» в полном объеме
Предоставление странам ЕАЭС возможности приобретения газа на условиях, аналогичных внутреннему рынку России	С 2025 г.	С 2030 г.	Не ожидается

Источник: составлено автором.

Ожидается, что совокупное потребление газа стран ЕАЭС может увеличиться за 2018–2040 гг. на 8,7–40,1 млрд куб. м, или на 1,8–14,8% по отношению к уровню 2017 г. (495,1 млрд куб. м):

- потребление газа в России (в зоне ЕСГ) к 2040 г. по сравнению с 2017 г., как ожидается, увеличится на 13,5–70,5 млрд куб. м (3,1–16,1%, в базовом сценарии – на 9,5 %),

- абсолютный прирост спроса на газ будет незначительным в Армении (0,6–0,7 млрд куб. м, или на 28,5–35,2%) и Кыргызстане (0,6–1,8 млрд куб. м, или в 3–7 раз),

- в Казахстане в 2018–2040 гг. ожидается положительный прирост спроса на газ в базовом (на 1,5 млрд куб. м, или на 4,0 %) и высоком сценариях (на 3,8 млрд куб. м, или на 10,4 %), тогда как в низком сценарии прогнозируется снижение на 0,4 млрд куб. м (–1 %),

- в Беларуси в 2018–2040 гг. ожидается снижение спроса на газ на 3,7–5,6 млрд куб. м, или на 18,7–28,2 %. Запуск Белорусской АЭС в 2020–2021 гг. может обеспечить потенциал замещения газа в объеме 2,0–5,0 млрд куб. м за период 2019–2025 гг. (в зависимости от ее загрузки и режима экспорта электроэнергии). Дополнительными негативными факторами динамики спроса на газ в Беларуси будут неблагоприятная демографическая ситуация (к 2040 г. ожидается снижение численности населения на 0,3–1,2 млн чел., или на 3,2 %–12,6 %) и относительно низкие темпы роста экономики (1,4–2,2% в среднем за 2018–2040 гг.). С учетом данных факторов, к 2040 г. потребление газа в Республике Беларусь может упасть до 14,1–15,9 млрд куб. м.

С учетом возможностей действующих и перспективных объектов разработки, совокупная добыча газа стран ЕАЭС может увеличиться за 2018–2040 гг. на 13,2–156,5 млрд куб. м, или на 1,9–22,3 % по отношению к уровню 2017 г. (701,8 млрд куб. м, в т. ч. для России – только зона ЕСГ). Рост добычи газа в ЕАЭС будет обеспечен Россией, где добыча газа (в зоне ЕСГ) к 2040 г. по сравнению с 2017 г. увеличится на 4,2–25,6% (в базовом сценарии – на 11,4 %). В Казахстане ожидается снижение добычи газа (на 10,2–14,4 млрд куб. м, или на 20,1–31,1 %). В

Беларуси, Армении и Кыргызстана добыча газа незначительна либо отсутствует как в 2017 г., так и в перспективе до 2040 г.

С учетом ожидаемого уровня спроса и добычи, к 2040 г. потребность Беларуси в поставках газа из России снизится до 13,1–14,9 млрд куб. м по сравнению с 18,6 млрд куб. м в 2017 году. Потребность Армении и Киргизии в импорте газа (для Кыргызстана поставки обеспечиваются через территорию Казахстана) составит, соответственно, 2,5–2,6 млрд куб. м и 0,9–2,0 млрд куб. м (уровень 2017 г. – соответственно 1,9 млрд куб. м и 0,2 млрд куб. м).

В части условий функционирования общего рынка газа ЕАЭС определяющее значение имеет доступ компаний из стран ЕАЭС к поставкам газа из России на условиях, аналогичных условиям для внутренних потребителей.¹⁰ В частности, Программа формирования общего рынка газа не утверждена из-за особого мнения Беларуси по п. 53 Системы мероприятий Программы. Данным пунктом предусмотрено, что тарифы (цены) могут устанавливаться на услуги по транспортировке газа как внутри каждого государства ЕАЭС, так и в пределах действия общего рынка газа.

Белорусская сторона не согласна с последним положением и предлагает дополнить данный пункт следующей формулировкой: «Тарифы на услуги по транспортировке газа на общем рынке газа Союза не должны превышать аналогичные внутренние тарифы для субъектов внутреннего рынка газа». Данная поправка по существу означает предоставление компаниям из Беларуси доступа к приобретению газа в России по ценам, близким к ценам внутреннего рынка, и по состоянию на 01.01.2019 г. препятствует согласованию проекта Программы и ее последующему утверждению.

С учетом сохраняющейся неопределенности параметров формирования общего рынка газа ЕАЭС, в сценарных условиях учтена возможная реализация рисков, связанных с принятием данной поправки. В низком сценарии с 2025 г. (в

¹⁰ В перспективе 2018-2040 гг. ожидается индексация цен на газ для промышленных потребителей России (включая электроэнергетику) на уровне 2,0-3,0% (в базовом сценарии – 2,5%), что ниже прогнозного уровня инфляции (4%). Сохранение низких параметров индексации цен на газ, находящихся на минимальном уровне по сравнению с ценами в странах ЕАЭС, приведет к сохранению высокого уровня экономической привлекательности закупки газа на внутреннем рынке России для компаний из стран ЕАЭС.

базовом сценарии – с 2030 г.) ожидается предоставление странам ЕАЭС возможности приобретения газа на условиях, аналогичных внутреннему рынку России. В высоком сценарии ожидается сохранение дифференциала цен на газ между Россией и странами ЕАЭС за счет дифференциации тарифов на транспортировку газа.

Проект Соглашения об общем рынке газа по состоянию на июнь 2018 г. и приложений к нему¹¹ в текущей редакции также содержит положения, которые могут существенно повлиять на условия работы российской газовой и электроэнергетической отрасли, в т. ч. для компаний Группы Газпром. В высоком сценарии предполагается, что при подготовке итоговой редакции Соглашения об общем рынке газа будут в полном объеме учтены поправки, защищающие экономически обоснованные интересы компаний Группы Газпром. В базовом сценарии ожидается частичный учет данных поправок, а в низком сценарии предполагается принятие проекта Соглашения об общем рынке газа в текущей редакции и реализация заложенных в нем рисков для развития российской газовой и электроэнергетической отрасли.

5.4 Развитие рынка нефти и нефтепродуктов

Прогноз развития общего рынка нефти и нефтепродуктов стран-участниц ЕАЭС (Таблица 44) включает:

- ожидаемые параметры внутреннего потребления нефтепродуктов, собственной добычи нефти, развития мощностей по переработке нефти,
- условия регулирования развития нефтяной отрасли в рамках национального законодательства стран-участниц ЕАЭС,

¹¹ Единые правила доступа к газотранспортным системам, расположенным на территориях государств – членов ЕАЭС и Перечень информации, предоставляемой в процессе взаимодействия уполномоченных органов, Евразийской экономической комиссии и субъектов общего рынка газа Евразийского экономического союза в электронной форме.

– параметры межгосударственного регулирования в рамках ЕАЭС.

Таблица 44 – Прогноз развития общего рынка нефти и нефтепродуктов стран-участниц ЕАЭС

Наименование показателя	Низкий	Базовый	Высокий
Внутреннее потребление нефтепродуктов к 2040 г., млн т			
Армения	0,3	0,3	0,3
Беларусь	5,5	5,8	6,3
Казахстан	14,1	15,4	17,1
Кыргызстан	2,8	3,0	3,2
Россия	169,6	181,9	198,7
Прирост внутреннего потребления нефтепродуктов (за 2018–2040 г.), млн т			
Армения	0,0	0,02	0,05
Беларусь	-0,7	-0,4	0,1
Казахстан	0,6	1,8	3,5
Кыргызстан	1,0	1,2	1,5
Россия	4,0	16,3	33,0
Возможности по добыче сырой нефти к 2040 г., млн т			
Армения	–	–	–
Беларусь	1,4	1,5	1,6
Казахстан	114,3	122,5	130,7
Кыргызстан	0,4	0,4	0,4
Россия	522,0	560,1	603,1
Мощности по переработке сырой нефти к 2040 г., млн т			
Армения	–	–	–
Беларусь	23,9	23,9	23,9
Казахстан	16,9	16,9	16,9
Кыргызстан	1,4	1,4	1,4
Россия	315,7	315,7	315,7
Условия функционирования общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС			
Распространение компенсирующих механизмов в рамках налогового маневра на НПЗ Беларуси и других стран ЕАЭС	Да	Нет	Нет
Сохранение ограничений на экспорт российских нефтепродуктов на рынок Казахстана	Да	Да	Нет

Источник: составлено автором

Ожидается, что внутренний спрос на нефтепродукты в странах ЕАЭС может увеличиться за 2018–2040 гг. на 4,8–38,1 млн т, или на 3–20% по отношению к уровню 2017 г. (187,5 млн т). Потребление нефтепродуктов в России к 2040 г. по сравнению с 2017 г. увеличится на 2–20% (в базовом сценарии – на 10%).

Значительный прирост спроса на нефтепродукты в 2018–2040 гг. ожидается в Казахстане (на 0,6–3,5 млн т, или на 4–26%). В Беларуси в 2018–2040 гг. спрос на нефтепродукты сократится в низком и базовом сценариях (соответственно на 0,7 и 0,4 млн т, или на 12% и 6%) и увеличится в высоком сценарии (на 0,1 млн т, или на 2%). В Армении и Кыргызстане абсолютный прирост спроса на нефтепродукты будет незначительным (0,1 млн т и 1,0–1,5 млн т соответственно), но сравнительно высоким в относительном выражении (на 7–17 % и 58–83 % соответственно).

Совокупная добыча нефти стран ЕАЭС за 2018–2040 гг. сократится в низком сценарии на 1,2 млн т (на 0,2%), в базовом и высоком сценариях ожидается увеличение соответственно на 45,2 и 96,5 млн т, или на 7% и 15% по отношению к уровню 2017 г. (639,2 млн т). В России в 2018–2040 гг. добыча нефти сократится в низком сценарии (на 25,9 млн т, или на 5%) и увеличится в базовом и высоком сценариях (соответственно на 12,2 и 55,2 млн т, или на 2% и 10%). В Казахстане в 2018–2040 гг. ожидается рост добычи нефти (на 24,7–41,0 млн т, или на 28–46%). В Беларуси, Армении и Киргизии добыча нефти незначительна либо отсутствует как в 2017 г., так и в перспективе до 2040 г.

Совокупная мощность НПЗ стран ЕАЭС по первичной переработке нефти за 2018–2040 гг. не изменится по отношению к уровню 2017 г. (357,9 млн т). При этом ожидается реализация ряда проектов по наращиванию вторичных процессов с увеличением глубины переработки нефти с повышением выхода светлых нефтепродуктов, в том числе в Беларуси на Мозырском и Новополоцком НПЗ, в Казахстане на Павлодарском и Шымкентском НПЗ. В России наиболее значительный объем мероприятий по модернизации ожидается на таких предприятиях, как ООО «КиришиНОС», ООО «Роснефть-Туапсинский НПЗ», ОАО «ТАИФ-НК», ООО «НижегородНОС». В Армении переработка нефти отсутствует, в Киргизии она незначительна.

На сценарные условия формирования общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС существенное влияние оказывает режим регулирования нефтяной отрасли в рамках национального законодательства, в первую очередь – реализация «налогового маневра» в России [13]. В рамках налогового маневра предусмотрено

позатупное снижение вывозных таможенных пошлин нефть и нефтепродукты в 2019-2024 гг.¹² с одновременным повышением НДС. На внутреннем рынке России рост экспортной альтернативы для поставщиков моторного топлива, как ожидается, будет компенсирован за счет введения механизма «плавающего акциза», который компенсирует до 50% разницы между расчетной экспортной альтернативой для бензина и дизельного топлива и расчетной внутренней ценой, но не более 3 тыс. руб./т продукта. Данные механизмы компенсации не распространяются на поставки в страны-участницы ЕАЭС, что приведет к росту цен приобретения нефтепродуктов компаниями из этих стран в России.

Потери российских НПЗ от повышения экспортной альтернативы на сырую нефть будут частично компенсированы путем введения механизма «возвратного акциза»¹³, а также специального механизма компенсации «логистического отставания» для НПЗ, удаленных от экспортных портов¹⁴. Данные механизмы компенсации не распространяются на НПЗ стран-участниц ЕАЭС, что приведет к снижению их конкурентоспособности относительно российских НПЗ.

Поставки сырой нефти из России в Беларусь в рамках действующего режима регулирования освобождены от уплаты таможенной пошлины (на 2017–2024 гг. при ежегодных поставках в пределах 24 млн т). В результате потери данного преимущества и увеличения экспортной альтернативы для поставщиков сырой нефти также ожидается увеличение цен поставки российской нефти в Беларусь, сокращение доходности работы НПЗ Беларуси и доходов ее государственного бюджета от таможенных пошлин на экспорт нефтепродуктов, производимых из российской нефти. Со стороны Беларуси поставлен вопрос о компенсации данных потерь, который в настоящее время не решен.

¹² Для обеспечения постепенного обнуления пошлины на нефть введен специальный корректирующий коэффициент (СКК). В 2019 г. предельные ставки пошлины будут умножаться на СКК в размере 0,833, в 2020 г. – 0,667, в 2021 г. – 0,5, в 2022 г. – 0,333, в 2023 г. – 0,167, с 2024 г. – 0.

¹³ Отрицательный акциз на нефть будет распространяться на те НПЗ, у которых более 10% выхода товарной продукции приходится на производство бензина пятого экологического класса. НПЗ, не соответствующие данному критерию, будут иметь право на отрицательный акциз на нефть до 2024 г., а при условии осуществления капитальных вложений в модернизацию в объеме не менее 60 млрд рублей – до 2029 года.

¹⁴ Диапазон логистического коэффициента, применимых к обратным акцизам для модернизированных НПЗ или НПЗ, которые берут на себя обязательства по модернизации мощностей в течение 3 лет, составляет от 1,05 до 1,5.

В высоком и базовом сценариях предполагается применение компенсирующих механизмов в рамках налогового маневра только для НПЗ России и отказ от предоставления компенсации выпадающих доходов компаний и государственного бюджета Беларуси и других стран ЕАЭС. В низком сценарии предполагается распространение компенсирующих механизмов в рамках налогового маневра на НПЗ Беларуси и других стран ЕАЭС, что приведет к ухудшению условий для конкуренции для российских НПЗ на рынках стран ЕАЭС, включая предприятия компаний Группы Газпром (в первую очередь, для Омского НПЗ ПАО «Газпром нефть»). Кроме того, в высоком сценарии предполагается отмена ограничений на экспорт российских нефтепродуктов на рынок Казахстана, периодически вводимых казахстанской стороной для обеспечения благоприятных условий работы НПЗ Казахстана. В базовом и низком сценариях ожидается их сокращение.

5.5 Предложения по развитию энергетической интеграции и формированию единого энергетического пространства Евразии

Прогноз развития электроэнергетики стран-участниц ЕАЭС включает в себя предполагаемые параметры состояния спроса на электроэнергию, также показатели межгосударственного регулирования общего рынка электроэнергии и инвестиционные условия в контексте развития мощностей нетопливной генерации на пространстве региона ЕАЭС (Таблица 45).

Таблица 45 – Результаты прогноза развития электроэнергетики стран-участниц ЕАЭС с учетом формирования общего рынка

Наименование показателя	Низкий	Базовый	Высокий
Прогноз потребления электроэнергии к 2040 г., ТВт-ч			
Армения	10,0	10,7	11,6
Беларусь	41,6	44,2	47,4

Продолжение таблицы 45

Казахстан	147,0	158,8	173,4
Кыргызстан	23,6	25,6	28,1
Россия	1 295,6	1 375,7	1 454,2
Прирост потребления электроэнергии (за 2018–2040 г.), %			
Армения	49,7	60,6	74,1
Беларусь	10,7	17,5	26,1
Казахстан	23,5	33,3	45,6
Кыргызстан	76,2	91,5	110,0
Россия	23,1	30,7	38,1
Прирост мощностей АЭС за 2018–2040 гг., ГВт			
Армения	0,0		
Беларусь	2,4		
Казахстан			
Кыргызстан			
Россия	2,6		
Прирост мощностей ГЭС за 2018–2040 гг., ГВт			
Армения	0,1		
Беларусь	0,1		
Казахстан	–		
Кыргызстан	1,3		
Россия	5,4		
Прирост мощностей ВИЭ за 2018–2040 гг., ГВт			
Армения	0,3	0,3	0,3
Беларусь	0,7	0,8	0,9
Казахстан	2,8	2,5	2,3
Кыргызстан	–	–	–
Россия	12,2	12,2	12,2
Условия функционирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС			
Доступ генерирующих мощностей стран ЕАЭС к рынку электроэнергии России	С 2025 г.	С 2022 г.	С 01.07.2019 г.
Объем дополнительных поставок электроэнергии из стран ЕАЭС в Россию, ТВт-ч	12	20	25
Предоставление компаниям из стран ЕАЭС возможности приобретения российского газа на условиях, аналогичных внутреннему рынку	Не ожидается	С 2030 г.	С 2025 г.

Источник: составлено автором.

Согласно макроэкономических условий, которые определены в рамках перспективного развития энергетики государств ЕАЭС, будет ожидать рост потребностей населения региона и экономики в целом в электроэнергии. Так, суммарное потребление может вырасти на 277,6–471,4 ТВт-ч в странах Союза за

период 2018–2040 гг. относительно предшествующего 2017 г., когда оно составляло 1229,3 ТВт-ч. В России к этому периоду потребление вырастет на 23–38 % (при условиях базового сценария на 31%). Также рост спроса будет и в Беларуси и Казахстане в этом же периоде соответственно на 4,0–9,8 ТВт-ч, или на 11–26% и 28,9–54,3 ТВт-ч, или на 24–46%. Из-за того, что в Армении и Кыргызстане численность населения значительно ниже остальных стран ЕАЭС, а также размеры экономики соответственно, то вклад этих стран в уровень спроса будет менее значителен и составит 3,3–4,9 ТВт-ч и 10,2–14,7 ТВт-ч соответственно. Но, при этом значительный потенциал электрификации, который сегодня является недоиспользованным в Армении и Кыргызстане дает возможность ожидать повышение электропотребления до уровня 50–74% и 76–110% соответственно.

Инвестиционные условия развития электроэнергетики стран-участниц ЕАЭС, в первую очередь прогноз вводов генерирующих мощностей нетопливной генерации, таких как ГЭС, АЭС и ВИЭ, были сформированы на базе уже принятых инвестиционных решений генерирующих компаний. При этом учитывались различные проекты стратегических документов в области электроэнергетики. Также в состав таких условий были внесены механизмы государственного стимулирования строительства и модернизации генерирующих мощностей, которые были предусмотрены национальным законодательством государств Союза¹⁵.

Согласно регламентации по вводу, монтажу и демонтажу генерирующих установок по нормативным срокам их службы, ожидаемый прирост мощностей АЭС за период 2018–2040 гг. в Союзе, возможно составит порядка 5,0 ГВт¹⁶. В России ожидается рост мощностей АЭС за период 2018–2040 гг. на 2,6 ГВт до уровня 29,8 ГВт. В период 2020–2021 гг. в Беларуси планируется ввод Белорусской АЭС, мощность которой будет 2,4 ГВт (2 энергоблока ВВЭР-1200). В перспективных планах Армении отмечено продолжение работы Армянской АЭС.

¹⁵ Для России – договора на предоставление мощности (ДПМ), договора купли – продажи (поставки) мощности (ДКПМ).

¹⁶ С учетом актуальных решений по проведению отбора мощностей ВИЭ и генерирующих объектов, функционирующих на использовании отходов производства и потребления.

В Казахстане и Кыргызстане в ближайшем будущем строительство атомных электростанций не ожидается.

Относительно развития гидроэнергетики, прирост планируется обеспечивать в основном Россией и Кыргызстаном (5,4 ГВт и 1,3 ГВт соответственно). Суммарный прирост мощностей ГЭС в государствах ЕАЭС за период 2018–2040 гг. может составить 6,9 ГВт. В других странах региона, такой прирост незначителен: в Беларуси и Армении – всего на 0,1 ГВт, а в Казахстане вовсе не ожидается.

Суммарный прирост мощностей возобновляемых источников энергии в государствах ЕАЭС за тот же период времени возможно составит 15,6–16,2 ГВт. При этом активное развитие мощностей ВИЭ ожидается лишь в России практически на 12,2 ГВт и в Казахстане на 2,3–2,8 ГВт.

Для успешного функционирования общего электроэнергетического рынка в регионе ЕАЭС существенное значение имеют условия доступа генерирующих мощностей стран Союза к российскому рынку электроэнергии и к отдельным сегментам рынка ее мощностей.

Как отмечалось ранее, формирование общего электроэнергетического рынка (согласно Договора о ЕАЭС) было намечено на 1 июля 2019 г. Такой же срок отмечен «Концепцией формирования общего электроэнергетического рынка» [9] и «Программой формирования электроэнергетического общего рынка» [10].

Данные документы оформлены как Протоколы о внесении изменений в Договор о ЕАЭС (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза)¹⁷. Согласно им, ожидается, что на общем электроэнергетическом рынке (ОЭР) государств ЕАЭС планируется осуществление поставок электроэнергии¹⁸. При этом допускается использование

¹⁷ Проект Протокола предполагает внесение изменений в статьи 79, 81, 82, 104 Договора о ЕАЭС, касающиеся электроэнергетической отрасли, а также полностью заменяет Приложение 21 к Договору о ЕАЭС (за исключением приложения «Методология осуществления межгосударственной передачи электрической энергии (мощности) между государствами-членами»).

¹⁸ Поставки мощности проектами документов, регламентирующих развитие ОЭР, не предусмотрены. Следует отметить, что в России действующим законодательством предусмотрены поставка следующие механизмы реализации мощности: конкурентный отбор мощности (КОМ), свободные договора купли-продажи мощности (СДМ), договорам о предоставлении мощности (ДПМ), поставка мощности в вынужденном режиме (ВР), регулируемые договора (РД). В перспективе ожидается также заключение договоров купли-продажи (поставки) мощности на основании результатов отбора проектов реализации мероприятий по модернизации генерирующих объектов тепловых электростанций (ДКПМ).

таких торговых инструментов как поставки электроэнергии на условиях «на сутки вперед» (действует в России в настоящее время РСВ)¹⁹, а также свободные двусторонние договоры и срочные договоры (на месяц, неделю и т.д.).

Ожидается рост поставок электроэнергии из стран ЕАЭС: из России, Беларуси и Казахстана относительно поставок 2017 г. Если будет запущена Белорусская АЭС, то вырастут поставки из Беларуси. Поставки электроэнергии из Беларуси могут составить до 10 ТВт-ч. При этом ожидается, что увеличение мощностей атомной генерации в условиях отказа Польши и Литвы от импорта электроэнергии из страны приведет к профициту генерирующих мощностей в Беларуси, будет профицит и избыток электроэнергии на внутреннем рынке. Основным источником увеличения поставок из Казахстана, в основном в ОЭС Сибири, является возможность дозагрузки мощностей угольных электростанций с низким уровнем затрат на электрогенерацию. Таковой считается Экибастузская ГРЭС–1 (4,0 ГВт) и Экибастузская ГРЭС–2 (1,0 ГВт). Угольное сырье намного дешевле других видов топлива, поэтому использование угля Экибастузского месторождения при минимальных транспортно-логистических затратах, которые возникают из-за удачного расположения непосредственно рядом с угольными разрезами. В целом переток электроэнергии на электроэнергетический рынок России из стран ЕАЭС – 12–25 ТВт-ч [107].

Проект Протокола предполагает разработку и утверждение Межправительственным советом ЕАЭС документов²⁰, регламентирующих конкретные вопросы функционирования ОЭР, в т. ч.:

- правила, определяющие принципы и порядок обеспечения доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики на общем электроэнергетическом рынке Союза, а также порядок осуществления межгосударственной передачи электрической энергии (мощности),

¹⁹ Следует отметить, что при запуске ОЭР между странами-участницами ЕАЭС сохранятся принципиальные различия в организации электроэнергетического рынка в целом в связи с различной организационной структурой отрасли, различными подходами к торговле мощностью и формированию тарифов электросетевых компаний.

²⁰ В настоящее время данные документы находятся на стадии разработки и экспертного обсуждения.

- правила, которые регламентируют взаимные отношения субъектов общего электроэнергетического рынка ЕАЭС при определении и распределении пропускной способности межгосударственных линий электропередач, доступной для осуществления взаимной торговли электрической энергией и межгосударственной передачи электрической энергии,
- правила взаимной торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС,
- правила, определяющие состав данных и процедуры их предоставления субъектами общего электроэнергетического рынка Союза, государственными органами государств-членов и Комиссией при функционировании общего электроэнергетического рынка Союза.

Согласно всех подписанных документов по развитию общего электроэнергетического рынка, доступ государств ЕАЭС к сегменту РСВ на оптовый рынок электроэнергии и мощности (ОРЭМ) России с 01.07.2019 г. – в соответствии с заявленными сроками запуска ОЭР – ожидается только в высоком сценарии (с объемом поставок электроэнергии до 25 ТВт-ч). Результаты прогнозов базового и низкого сценария свидетельствуют о том, что в связи с переносом сроков запуска ОЭР на 2022 г., а к 2025 г. с целью его синхронизации и соответственно с запуском общего газового рынка (официально запланированным на 2025 г.), и поэтапное снятие ограничений на перетоки электроэнергии, должны привести к меньшим объемам поставок электроэнергии в Россию (порядка 12-20 ТВт-ч) [108].

Для условий развития электроэнергетики стран-участниц ЕАЭС важное значение имеет режим регулирования общего газового рынка, который будет определять цены на газ для объектов электроэнергетики и, соответственно, их конкурентоспособность на ОЭР. В настоящее время российская электроэнергетика получает преимущество за счет низких регулируемых оптовых цен на газ, которое сохранится до 2040 г. при ожидаемых параметрах их индексации. В то же время генерирующие компании в Беларуси и Казахстане приобретают газ по более высоким ценам. Предоставление компаниям из стран ЕАЭС возможности

приобретения российского газа на условиях, аналогичных внутреннему рынку, в низком и базовом сценариях приведет к дополнительному ухудшению условий работы российской электроэнергетики (в первую очередь, за счет конкуренции со стороны газовой генерации Беларуси)²¹.

В целях дальнейшего комплексного развития энергетической интеграции отечественными учеными уже предлагалось включение в орбиту энергетической интеграции не только государств-членов ЕАЭС, но и сопредельных государств Северо-Восточной Азии [138; 196]. Еще в 1990-х годах в России прорабатывалась идея магистральной передачи электроэнергии по линии Братск-Пекин. Основанием для проекта являлись существенные избытки мощности в Иркутской области, возникшие в результате остановки многих промышленных производств в кризисные годы. Однако переговоры затянулись, а актуальность проекта со временем сошла на нет. В 2000-е годы была попытка сформировать механизм сезонного обмена мощностью с Китаем, но и в этом случае завершить переговоры не удалось. В те же годы прорабатывались и многие другие проекты, такие как создание энергомоста Сахалин – Хоккайдо, передача с Дальнего Востока на северо-восток Китая. Такой опыт имеется у Казахстана и Кыргызстана (проект по созданию энергетического кольца Алматы-Кемин). Эти страны еще в 2012 г. вели переговоры о работе единого энергетического кольца совместно с Таджикистаном и Узбекистаном. Эти проекты не были согласованы до конца, однако ошибочно считать их безрезультатными: накопленный в ходе их обсуждения опыт к настоящему времени сформировал хорошую базу для новой единой концепции азиатского энергетического кольца, то есть, по сути – объединенной энергетической системы Северо-Восточной Азии [42].

²¹ Кроме того, на функционирование ОЭР может влиять запуск углеродных рынков с оплатой выбросов CO₂ в электроэнергетике. В Казахстане с 2013 г. действует национальная система торговли выбросами KAZ ETS (третий период – 2018-2020 гг.). Данная система торговли распространяется только на CO₂ и покрывает 50% выбросов (161 млн т CO₂-экв. в 2018 г.), включая электроэнергетику. Цены на выбросы CO₂ не регулируются. В России в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 3 ноября 2016 г. № 2344-р «О плане реализации комплекса мер по совершенствованию государственного регулирования выбросов парниковых газов и подготовки к ратификации Парижского соглашения, принятого 12 декабря 2015 г. 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата» в 2019 г. ожидается разработка законопроекта «О государственном регулировании выбросов парниковых газов», в рамках которого возможно введение углеродного рынка.

Основной смысл формирования такой системы для стран-участников заключается не столько в возможности упрощенного импорта и экспорта электроэнергии, сколько в общесистемных положительных эффектах. Страны – потенциальные участники энергетического кольца характеризуются различными режимами потребления энергии, как суточными, так и сезонными. Это дает возможность организовать обмен излишками энергии, оптимизировать работу электростанций, повысить надежность системы, тем самым, существенно снизив себестоимость генерации энергии. Особенно актуальным этот вопрос является для Китая, Южной Кореи и Японии. Проблема может быть решена благодаря партнерам по энергокольцу, готовым либо принять, либо отдать необходимую мощность.

Говоря о чистом экспорте или импорте энергии, стоит отметить японское направление как наиболее перспективное. Ввиду высокой стоимости генерации энергии в Японии (особенно вследствие стагнации развития японской атомной отрасли) создание энергетического моста для импорта российской энергии является вполне экономически оправданным решением. Потенциально высокими могут оказаться возможности Монголии, которая вполне может стать еще одной точкой генерации энергии и буфером для сглаживания пиков и спадов (в случае успешного развития солнечной и ветровой генерации в пустыне Гоби).

В указанных направлениях проекта «Энергетическое кольцо» предлагаем рассмотреть потенциально возможную конфигурацию международной энергетической инфраструктуры Энергетического кольца, представленную на рисунке 25.

В проект может войти ЕАЭС, с ключевым игроком – Россией, Япония, Монголия, Китай, Южная и Северная Корея. Выгодное расположение Дальнего Востока позволяет доставлять электрическую энергию практически во все крупные центры ее потребления, как это видно на схеме. В дальнейшем возможны варианты расширения, как уже отмечалось ранее, за счет Казахстана и Кыргызстана. То есть по сути ЕАЭС может играть ключевую роль в формировании такого энергетического мегапроекта.

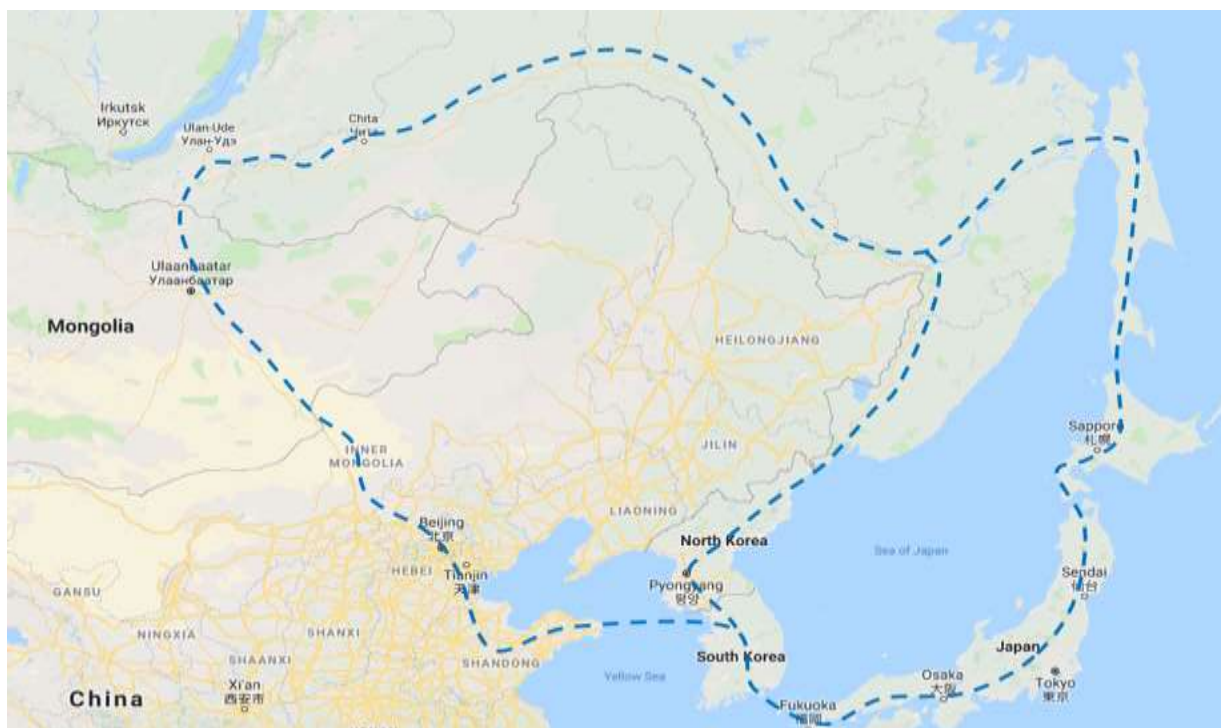

Рисунок 25 – Возможные инфраструктурные маршруты энергокольца

Источник: составлено автором.

С геополитической точки зрения стоит заметить, что азиатские страны – потребители энергетических ресурсов в последние годы сильно озаботились проблемой диверсификации собственного импорта энергии и энергоносителей, снижением зависимости от поставок нефти и СПГ из стран Ближнего Востока [87]. В данном контексте энергетическое кольцо оказывается весьма хорошим выходом. Проект по его созданию обретает все более конкретные очертания. Впервые публично идея о создании суперкольца прозвучала в октябре 2015 года из уст первого заместителя главы Минэнерго РФ А.Текслера [278]. Идея была поддержана китайской стороной, о чем уже 29 марта 2016 года был подписан меморандум [321], а уже в июне Россети и China State Grid Corporation подписали акционерное соглашение о создании совместного предприятия [315]. К проекту оперативно подключились Япония и Южная Корея, а Восточный экономический форум 2016 года закрепил намерения участников. Уже проведены предварительные проработки вариантов маршрутов электрической энергии и мощности из ОЭС Сибири и ОЭС Востока в Японию в размере 2 ГВт, японская

сторона проявляет большую заинтересованность, отмечая, что в будущем мощность моста может быть увеличена до 5 ГВт [282]. Со стороны Японии при этом потребуется внесение изменений в законодательство, необходимых для снятия запрета на импорт чистой энергии. В перспективе энергетическое кольцо свяжет огромные территории северо-восточной Азии.

Исходя из существующего опыта по разработке такого рода проектов, а также с учетом существующих потребностей в оптимальном распределении энергии, развитие такой системы является целесообразной. Например, по данным Системного оператора Единой энергетической системы (АО «СО ЕЭС») в 2016 г. суммарная генерация всех объектов, входящих в «Объединенное диспетчерское управление Востока», составила 31 802,3 млн киловатт-час, из которых экспорт в западные энергокластеры России, а также в Китай составил 3 557,2 млн (более 11%). При этом недогрузка установленных мощностей на Дальнем Востоке отмечается на уровне 12–14%.

Одновременно, ситуация с потреблением и выработкой электроэнергии у соседних с ЕАЭС стран – противоположна. Так, у Китая в пиковые периоды дефицит электричества достигал в этот период 40 млн киловатт-час в месяц. Монголия потребляла в год более 900 мегаватт-час при производстве чуть более 800. У Южной Кореи дефицит собственной генерации – около 15%, а у Японии еще до аварии на «Фукусиме» существовала нехватка электроэнергии, достигающая 20%.

По данным IEA World Energy Balances можно проследить динамику общего конечного потребления электроэнергии (производства электроэнергии) в странах – потенциально заинтересованных в формировании общего энергетического пространства в таблице 46.

Таблица 46 – Динамика общего конечного потребления электроэнергии (производства электроэнергии) в странах, ГВт-ч

Страна	2014	2015	2016	2018	2019
	Потребление электроэнергии				
Армения	5 352	5 372	5 328	5 303	5 287
Азербайджан	16 907	17 619	17 618	18 742	19 938
Беларусь	30 220	29 288	29 376	29 380	29 383
Китай	4 715 698	4 876 312	5 177 042	5 541 021	5 930 590
Япония	960 250	952 388	967 349	970 987	980 439
Казахстан	68 900	68 198	65 890	67 532	69 214
Корея	486 834	495 311	517 271	529 625	542 274
Кыргызстан	10 984	10 587	10 160	10 830	11 544
Монголия	5 159	5 284	5 446	5 913	6 420
Россия	737 830	726 318	744 684	747 797	750 923
Страна	Производство электроэнергии				
Армения	7 750	7 799	7 315	7 763	7 826
Азербайджан	24 728	24 688	24 953	24 320	25 363
Беларусь	34 735	34 082	33 566	33 045	37 135
Китай	5 665 745	5 843 715	6 187 107	6 495 276	7 017 520
Япония	1 049 168	1 042 792	1 051 795	1 077 232	1 081 584
Казахстан	105 068	106 468	106 627	116 637	121 092
Корея	545 866	549 047	558 816	561 340	579 683
Кыргызстан	14 572	13 030	13 262	13 099	13 212
Монголия	5 376	5 513	5 667	5 881	6 105
Россия	1 062 333	1 065 623	1 088 945	1 099 795	1 121 272

Источник: составлено автором на основе [347].

Согласно представленной динамики (Таблица 46), можно отметить, что спрос на электроэнергию исследуемых стран постоянно растет, не всегда равномерно, производство энергии также растет. Но, при этом наблюдается неоднородность из-за различных источников энергогенерации, расчетов и т.д., зачастую излишек или дефицит энергоресурсов, требующий оптимального перераспределения и балансировки, что можно получить именно, формируя общее энергетическое пространство.

Южной Кореей было разработано технико-экономическое обоснование проекта создания энергетического кольца между Россией, Китаем, Южной Кореей и Японией. По данным корейских источников, создание энергетического кольца между Россией, Китаем, КНДР, Южной Кореей и Японией потребует от Кореи вложений в 6,2–7,6 млрд долл. США. Таковую оценку привела южнокорейская

государственная энергокомпания КЕРСО, которая представила в парламент республики технико-экономическое обоснование проекта [329]. По предварительным оценкам российских специалистов Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, объем инвестиций в энергетическое кольцо будет намного выше корейских расчетов (реализация проекта в создание российской части кольца потребует порядка 30 млрд долл. США, а возврат инвестиций составит от 3 до 7 млрд долл. США ежегодно).

Полагаем, что формирование Единого энергетического пространства в Азии может стать новым генеральным трендом развития мировой энергетики, который сформирует новое измерение топливно-энергетического комплекса в форме коллективной энергетической безопасности. Участие крупнейших экономик Евразии в формировании взаимосвязанной энергетической системы будет способствовать интенсивному развитию всех форм экономического сотрудничества между странами. Разделяя между собой нагрузку и риски в энергетике, государства Евразии будут способствовать формированию устойчивых и защищенных рынков товаров, услуг и капитала на всем пространстве Евразии, поскольку топливно-энергетический комплекс является фундаментальной основой экономического развития для всех государств региона. Проект формирования энергетического кольца потребует активного участия не только государственных компаний, но и частного бизнеса. Считаем, что для успешного продвижения в данном направлении, необходимо будет совместно с потенциальными партнерами по формированию энергетического кольца решить три ключевых задачи.

Первая задача – увеличение взаимного обмена продукцией и товарами, услугами и капиталом, формирование особых экономических зон и преференциальных режимов для компаний и организаций из стран-партнеров, которые обладают компетенциями, необходимыми для реализации подобного проекта. Взаимное облегчение работы подобных компаний в странах-участниках позволит повысить привлекательность проектов по развитию энергетической интеграции для частного бизнеса, снизит издержки и позволит привлекать большие объемы инвестиций.

Вторая задача – обеспечение технологических возможностей для транзита электроэнергии между странами. В настоящее время уже существуют технологии, позволяющие синхронизировать различные по своим характеристикам энергетические системы и обеспечить передачу значительных объемов электроэнергии на продолжительное расстояние с минимальными потерями. Данные технологии относятся к классу высоковольтных линий электропередач постоянного тока (ВЛЭП, или HVDC), которые имеют минимальные потери на емкостную и индуктивную составляющие передачи. На территории СССР и современной России действовало несколько подобных линий (Москва-Кашира, Волгоград-Донбасс, Экибастуз-Центр), опыт использования данной технологии в мировом масштабе ограничен по причине высокой сложности концевых подстанций и ограниченности сценариев использования. Наиболее длинная и мощная линия такого типа в мире построена в Бразилии и служит для передачи электроэнергии с ГЭС «Санту Антониу» и ГЭС «Жираву» до города Сан-Паулу, протяженность составляет более 2400 км, мощность – 3,5 ГВт [45]. Главным преимуществом использования данной технологии является возможность транспортировки электроэнергии между несинхронизированными энергосистемами переменного тока (например, системами разных стран и регионов). Подобная система позволяет также увеличить надежность передачи, предотвращая сбои каскадного характера, которые обычно возникают в результате рассинхронизации фаз в крупных энергосистемах.

Третья задача – сформировать международную организацию, которая будет выполнять администрирование и регулирование процесса энергетической интеграции за пределами ЕАЭС с участием сопредельных стран. В данном контексте именно опыт формирования единого электроэнергетического рынка ЕАЭС будет наиболее полезным и эффективным. При этом расширятся возможности для использования возобновляемых источников энергии, а также газовой генерации – наиболее экологически чистых источников электроэнергии. Экологический вопрос крайне актуален для Китая, Монголии и других стран региона.

В перспективе, проект энергетической интеграции в Азии будет способствовать формированию собственной системы международных финансовых, экономических и политических институтов в регионе, вероятность успешного развития которой является крайне высокой [28; 85; 164]. В этой системе будут участвовать, с одной стороны, две крупнейшие экономики и две наиболее населенные страны мира – Китай и потенциально – Индия (входят во ВРЭП и ШОС), а также Пакистан (который реализует масштабный интеграционный проект *СРЕС*²² с Китаем). С другой стороны, Россия со странами ЕАЭС, а также другие страны региона, не входящие в ЕАЭС, но потенциально способные участвовать в интеграции, в совокупности обладают почти половиной мировых запасов природного газа, четвертью мировых запасов нефти, а также большей частью мировых запасов урана, формируя энергетическую основу для евразийского пространства. С третьей стороны, Япония и Южная Корея, обладающие мощным технологическим потенциалом, развитым сектором услуг и емким рынком также будут вовлеченными в орбиту интеграционных процессов в Евразии, которые можно назвать формированием Континентального Партнерства (КП).

Суммарный экономический потенциал КП и проамериканских интеграционных объединений на данный момент сопоставим, но в среднесрочной перспективе КП обладает намного более мощной ресурсной, энергетической и демографической базой. Важно, что формирование КП носит естественный характер, является экономически мотивированным, приносит выгоду каждой из стран-участниц, в отличие от, к примеру, ТТП. Более того, в случае формирования новой совместной финансовой системы в Евразии, оператором которой станет, вероятно, Китай, исчезнет острая финансово-политическая зависимость стран КП от мировой финансовой системы, основанной на американском долларе.

Активное развитие сотрудничества стран ЕАЭС со странами Азии подтверждает заданный Российской Федерацией вектор на интеграцию в

²² *China–Pakistan Economic Corridor* – Китайско-Пакистанский экономический коридор. Комплекс из более чем 50 крупных совместных инфраструктурных и производственных проектов, по сути, формирующих экономическую интеграцию в формах зоны свободной торговли и территорий опережающего развития между Пакистаном и Китаем. Горизонт запуска большинства проектов приходится на 2018-2019 годы.

масштабах всего Евразийского континента, которая будет основана на уважении взаимных интересов, мотивации ко взаимовыгодному экономическому сотрудничеству при отсутствии политического либо экономического доминирования какой-либо из сторон. Континентальная интеграция Евразии станет принципиально новым явлением в масштабах мировой экономики и политики, позволит вывести на качественно новый этап как экономическое развитие, так и экономическую и коллективную энергетическую безопасность государств континента.

По итогам пятой главы диссертационного исследования можно сделать следующие выводы.

Несмотря на достаточно долгую историческую ретроспективу изучения экономической интеграции в целом, в мировой науке к настоящему времени не сложилось ни одной завершенной теоретической концепции международной энергетической интеграции. Данная научная проблема является особенно актуальной для Евразийского экономического союза ввиду того, что топливно-энергетические комплексы региона становятся основной движущей силой процесса экономической интеграции как таковой, и именно энергетическая интеграция определена лидерами государств ЕАЭС как фундамент развития экономики и повышения благосостояния всего Евразийского экономического союза. Продолжая идеи ряда современных российских исследователей, мы предлагаем концепцию региональной энергетической интеграции Евразийского экономического союза, основанную на использовании стратегических преимуществ экономической интеграции применительно к топливно-энергетическому комплексу, а также концепцию коллективной энергетической безопасности. В рамках предлагаемой концепции были сформулированы определения региональной энергетической интеграции и коллективной энергетической безопасности, а также даны основные характеристики особенностям, целям и стратегическим преимуществам данных процессов.

Автором была разработана методология оценки перспективного развития энергетических рынков государств ЕАЭС на долгосрочную перспективу в трех

сценариях: высокий, базовый и низкий. Разработка прогноза развития энергетической сферы государств ЕАЭС на долгосрочную перспективу предполагает четыре этапа моделирования и основывается синергии различных методов: экстраполяция на основе кривых роста, использование производственной функция Кобба-Дугласа, регрессионном анализе, имитационном моделировании, решении оптимизационных задач и других. С использованием разработанной методологии были выполнены прогнозы развития рынков газа, нефти и нефтепродуктов и электроэнергетического рынка на долгосрочную перспективу.

Предлагается рассмотреть возможности развития энергетической интеграции государств ЕАЭС с сопредельными государствами Евразии – Китаем, Монголией, Японией и другими, в том числе путем развития проекта «Энергетическое кольцо» в рамках Континентального партнерства. Активное развитие сотрудничества стран ЕАЭС со странами Азии подтверждает заданный Российской Федерацией вектор на интеграцию в масштабах всего Евразийского континента, которая будет основана на уважении взаимных интересов, мотивации ко взаимовыгодному экономическому сотрудничеству при отсутствии политического либо экономического доминирования какой-либо из сторон. Континентальная интеграция Евразии станет принципиально новым явлением в масштабах мировой экономики и политики, позволит вывести на качественно новый этап как экономическое развитие, так и экономическую и коллективную энергетическую безопасность государств континента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам диссертационного исследования можно сделать ряд следующих выводов.

1. К настоящему времени в мировой экономической науке сложился целый комплекс теорий и концепций, посвященных процессам международной экономической и региональной экономической интеграции. Данные процессы достаточно хорошо изучены на уровне макрорегионов. Однако в виду сложности и комплексности интеграционных процессов и возникающих эффектов, в виду того, что международная экономическая интеграция обладает высокой и нарастающей динамикой, ее изучение необходимо активно продолжать. В особенности, это касается макроэкономических эффектов интеграционного процесса применительно к интеграционным объединениям, в том числе, к Евразийскому экономическому союзу. В мировой практике пока не сложилось общепринятых научным сообществом методов для выполнения такой оценки, что способствует формированию обширного поля для новых исследований.

2. Региональная интеграция – динамичный процесс, постоянно видоизменяющийся, адаптирующийся к внешним изменчивым факторам и приобретающий сегодня новые черты. И, конечно же, именно новые направления ее развития определяют смену экономических интересов стран-участников интеграционного процесса, их трансформацию и архитектуру. Она носит противоречивый характер, если ранее, региональная интеграция рассматривалась как этап на пути к глобализации, то в настоящее время большое количество группировок развивается в противоположном направлении, в сторону локализации. Проведенный анализ существующих подходов в исследованиях процессов глобализации и региональной экономической интеграции, а также современных тенденций мировой экономики, позволил нам выделить определенную противоречивость в них, а именно: фрагментарность и локализацию рынков при одновременном их расширении; открытость и закрытость экономик,

рост региональной конкурентоспособности с параллельной реализацией и защитой национальных интересов и т.д., которые возникают под воздействием нестабильной экзогенной макросреды.

3. Экономическая интеграция в рамках ЕАЭС позволила государствам-членам ЕАЭС в значительной степени смягчить, либо нивелировать негативные последствия распада СССР, международного экономического кризиса 2008–2009 гг. и 2012–2014 гг. В отличие от большинства других стран региона, негативные макроэкономические проявления, связанные с воздействием факторов внешней среды, в странах-членах ЕАЭС отмечаются в меньшей степени, а темпы роста основных макроэкономических показателей имеют положительную динамику и увеличиваются по мере развития интеграционного процесса. При этом, даже в текущих весьма неблагоприятных условиях внешней макроэкономической среды страны ЕАЭС продолжают наращивать свой экономический потенциал и повышать качество жизни населения. Рецессия 2008–2009 гг., сопровождающаяся финансовым шоком, спадом, долгом и бюджетным кризисом, без тесных связей и реальной интеграции была бы еще одним крахом занятости и потребления в регионе. Создание ЕАЭС предотвратило многие серьезные проблемы, которые могли бы случиться со странами Союза. ЕАЭС обеспечивает и защищает существующий высокий уровень взаимосвязи между государствами-членами.

4. В рамках интеграции ЕАЭС были успешно начаты и продолжаются процессы формирования общих рынков товаров, услуг, труда, капитала и энергетических ресурсов. Первые итоги создания общих рынков следует признать значимыми и успешными. В сфере рынка товаров и услуг отмечается рост основных показателей внешней и взаимной торговли государств-членов ЕАЭС, что говорит об эффективности функционирования Таможенного союза и Единого экономического пространства. Либерализация миграционной политики и формирование рынка капитала в рамках ЕАЭС позволила добиться свободы перемещения рабочей силы и предпринимательских ресурсов между государствами-участниками, что привело к увеличению числа совместных предприятий и проектов между компаниями из государств-членов ЕАЭС. К тому

же, формирование общего рынка капитала позволило увеличить поток взаимных инвестиций между государствами-членами ЕАЭС во всех ключевых отраслях народного хозяйства.

5. В области формирования общих рынков энергии и энергоносителей остается ряд нерешенных задач, которые касаются рынков газа, нефти и нефтепродуктов, хотя стадия разработки и согласования Программ создания общих энергетических рынков ЕАЭС в основном завершена. Ожидается, что данные рынки будут полностью сформированы к 2025 году. Анализ документов показывает, что процесс формирования общих энергетических рынков идет успешно, в соответствии с установленными планами. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что именно энергетическая интеграция остается одним из важнейших направлений развития Евразийского экономического союза, которое, как ожидается, принесет существенный экономический эффект в долгосрочной перспективе и является стержнем процесса экономической интеграции в целом.

6. Продолжая идеи ряда современных российских исследователей, мы предлагаем концепцию региональной энергетической интеграции Евразийского экономического союза, основанную на использовании стратегических преимуществ экономической интеграции применительно к ТЭК, а также концепцию коллективной энергетической безопасности. По нашему мнению, региональная энергетическая интеграция – это процесс формирования взаимных технологических и экономических связей между топливно-энергетическими комплексами государств, который способствует созданию и развитию пространственных распределенных энергетических систем и позволяет повысить экономическую и энергетическую эффективность топливно-энергетического комплекса, обеспечить более высокую доступность энергии и энергоносителей для потребителей, укрепить энергетическую безопасность.

7. Нами сформулировано, что коллективная энергетическая безопасность государств – это система, которая включает в себя совокупность средств поддержания и обеспечения безопасного состояния стран, имеющих технологические и экономические связи между национальными топливно-

энергетическими комплексами, с учетом рисков и издержек их функционирования.

Система коллективной энергетической безопасности и оказания энергетической помощи требует соблюдения двух ключевых условий, а именно:

- наличие договора о коллективной энергетической безопасности между государствами-участниками, определяющего порядок и условия оказания энергетической помощи;

- наличие технической возможности оказания энергетической помощи – в частности, достаточно развитые и распределенные сети железных дорог, нефтепроводов, газопроводов, линий электропередач, которые позволяют обеспечить потребности в оказании и получении энергетической помощи всех стран-участников единых энергетических систем в случае необходимости.

8. Нами сформирован методологический подход к оценке качественных и количественных эффектов международной экономической интеграции ЕАЭС. С учетом нерезультативности применения известных моделей для условий ЕАЭС, был разработан альтернативный метод экспертно-аналитической оценки долгосрочных количественных эффектов экономической интеграции ЕАЭС. В результате выполненных расчетов и оценок сформированы прогнозы ключевых макроэкономических показателей государств-членов ЕАЭС с учетом интеграционных эффектов. Доказано, что интеграционная составляющая может внести значительный вклад в экономический рост государств-членов ЕАЭС в долгосрочной перспективе.

9. В работе представлена методика оценки перспективного развития энергетических рынков государств ЕАЭС на долгосрочную перспективу в виде трех сценариев динамики роста: высокого, базового и низкого. Разработка прогноза развития энергетической сферы государств ЕАЭС на долгосрочную перспективу предполагает четыре этапа моделирования и основывается на выявлении синергии различными методами: экстраполяции на основе кривых роста, на использовании производственной функции Кобба-Дугласа, регрессионном анализе, имитационном моделировании, решении оптимизационных задач и других. С помощью разработанной методики были выполнены прогнозы развития рынков

газа, нефти и нефтепродуктов и электроэнергетического рынка на долгосрочную перспективу.

10. В исследовании предлагается рассмотреть возможности развития энергетической интеграции государств ЕАЭС с сопредельными странами Евразии – Китаем, Монголией, Японией и др. в рамках Континентального партнерства путем развития проекта «Энергетическое кольцо». Активное развитие сотрудничества стран ЕАЭС со странами Азии подтверждает заданный Российской Федерацией вектор на интеграцию в масштабах всего Евразийского континента, которая будет основана на уважении взаимных интересов, на мотивации к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству при отсутствии политического либо экономического доминирования какой-либо из сторон. Континентальная интеграция Евразии станет принципиально новым явлением в масштабах мировой экономики и политики, позволит вывести на качественно новый этап как экономическое развитие, так и экономическую, и коллективную энергетическую безопасность государств континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. (дата обращения: 23.12.2016).
2. Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза (подписан в г. Душанбе 06.10.2007) [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93361/. (дата обращения: 21.12.2016).
3. Приказ Минэнерго России от 28.02.2018 N 121 «Об утверждении схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2018 – 2024 годы» [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298182/. (дата обращения: 29.03.2018).
4. Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС. Положение о ЕЭК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_163855/8e3543f8dc9861d6acfa6a0c6678b972da1d07d0/. (дата обращения: 25.02.2017).
5. Приложение № 21 к Договору о ЕАЭС «Протокол об обеспечении доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики, включая основы ценообразования и тарифной политики» [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ff5df7aa279d9ed3b6e08ea6b2ccad5cfb7e4b28/. (дата обращения: 15.06.2018).
6. Приложение № 22 к Договору о ЕАЭС «Протокол о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики» [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/da7cd0fcb6f11a4659629848ee84c16f57df6de9/. (дата обращения: 19.06.2018).

7. Приложение № 23 к Договору о ЕАЭС «Протокол о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов» [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/f811a95ace04120f1b28efa92dc3ef796f2eda1b/. (дата обращения: 21.05.2018).

8. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2017 г. № 1209-р «Об утверждении Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики до 2035 г.» [Электронный ресурс]. / ИПП «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71599734/>. (дата обращения: 23.06.2018).

9. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 08.05.2015 N 12 «О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318053/. (дата обращения: 18.06.2018).

10. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 N 20 «О Программе формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215384/. (дата обращения: 23.05.2018).

11. Соглашение стран СНГ от 20.01.1995 «О Таможенном союзе». / [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6257/. (дата обращения: 12.03.2017).

12. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». / [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/. (дата обращения: 18.03.2018).

13. Федеральный закон от 03.08.2018 № 301-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». / [Электронный

ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304074/. (дата обращения: 03.08.2019).

14. Directive 2003/54/EC of the European Parliament and of the Council of 26 June 2003 concerning common rules for the internal market in electricity and repealing Directive 96/92/EC - Statements made with regard to decommissioning and waste management activities // OJ L 176, 15.7.2003. – P. 37–56.

15. Directive 2003/55/EC of the European Parliament and of the Council of 26 June 2003 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 98/30/EC // OJ L 176, 15.7.2003. – P. 57–78.

16. Directive 96/92/EC of the European Parliament and of the Council of 19 December 1996 concerning common rules for the internal market in electricity // Official Journal L 027, 30/01/1997. – P. 0020 – 0029.

17. Directive 98/30/EC of the European Parliament and of the Council of 22 June 1998 concerning common rules for the internal market in natural gas // Official Journal L 204, 21/07/1998. – P. 0001 – 0012.

18. Абрамов, В. Л. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств-участников Евразийского экономического союза в условиях нестабильности мировой экономики: монография / В. Л. Абрамов [и др.]. – М. : Науч. технологии, 2018. – 254 с.

19. Абрамова, О. Д. Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / О. Д. Абрамова и др. РАГС при Президенте РФ. – М., 2007. – 180 с.

20. Авладеев, А. А. Уточнение понятий «экономическая интеграция» и «принудительная экономическая интеграция» / А. А. Авладеев // Молодой учёный. – 2014. – № 21. – С. 260–263.

21. Андронова, И. В. Стратегия экономической безопасности России: теория и практика – И. В. Андронова // Интеграция России в мировую экономику: монография / под ред. Н. П. Гусакова. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : РУДН, 2009. – 419 с.

22. Арифудова, Д. Н., Стороженко А. П. Барьеры во взаимной торговле электрической энергией в рамках общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического / Д. Н. Арифудова, А. П. Стороженко // Вестник университета. – 2018. – № 10. – С. 87-92.

23. Байков, А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков. – М. : Аспект Пресс, 2012. – С. 205.

24. Балыбердин, В. Обоснование экономической целесообразности введения ОЭР ЕАЭС / В. Балыбердин // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2016. – № 1(94). – С. 55-61.

25. Блауберг, И. В. Философские принципы системности и системный подход / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин // Вопросы философии. – 1978. – № 8 – С. 39-52.

26. Бойченко, А. А. Региональная интеграция в условиях глобализации мирового хозяйства: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Бойченко Анна Александровна. – Москва, 2007. – 26 с.

27. Борко, Ю. А., Караганов С. А. «Европейская идея»: от утопии – к реальности / Ю. А. Борко, А. В. Загорский, С. А. Караганов // Заглядывая в XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств. – М. : Интердиалект, 1998. – С. 15-51.

28. Бушуев, В. В. Евразийская энергетическая цивилизация. К вопросу об «энергии будущего» / В. В. Бушуев, А. М. Мастепанов, В. В. Первухин, Ю. К. Шефраник // Экологический вестник России. – 2017. – № 12 – С. 9-19.

29. Бушуев, В. В. Энергетика России (избранные статьи, доклады, презентации). Энергетическая политика России (энергетическая безопасность, энергоэффективность, региональная энергетика, электроэнергетика) / В. В. Бушуев. – М. : ИЦ «Энергия», 2012. – Т.2. – 616 с.

30. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.

31. Винокуров, Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция / Е.Ю. Винокуров, А.М. Либман. – СПб. : Центр интеграционных исследований ЕАБР, 2012. – 224 с.
32. Винокуров, Е. Ю. Общий электроэнергетический рынок СНГ как инструмент экономического развития и региональной интеграции / Е. Ю. Винокуров // Евразийская экономическая интеграция. – 2008. – № 1. – С. 54-74.
33. Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2017 год: Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2018. – 534 с.
34. Восстановление взаимного товарооборота в странах ЕАБР // Макрообзор ЕАБР, май 2017 г. – 60 с.
35. Гвоздецкий, В. Л. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность / В. Л. Гвоздецкий // Наука и жизнь. – 2001. – № 5. – С. 102–109.
36. Гибадуллин, А. А. Сравнительный анализ электроэнергетических комплексов Европейского союза и Российской Федерации / А. А. Гибадуллин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 7. – С. 57-65.
37. Гибадуллин, А. А., Борталевич С. И. Формирование общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза: перспективы и проблемы / А. А. Гибадуллин, С. И. Борталевич // Энергетика Татарстана. – 2016. – № 2 (42). – С. 9-13.
38. Глазьев, С. Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи большого евразийского партнерства / С. Ю. Глазьев // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21. – № 1(159). – С. 6-17.
39. Осадчая, И. М., Козлова К. Б., Студенцов В. Б. Государство и экономика развитых капиталистических стран в 80-х годах / И. М. Осадчая, К. Б. Козлова, В. Б. Студенцов; под общ. ред. И. М. Осадчей. – М. : Наука, 1989. – 266 с.
40. Грибанич, В. М. Импортозамещение в нефтегазовой промышленности стран ЕАЭС: достижения и перспективы / В. М. Грибанич, А. А. Суханов // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 9. – С. 84-86.

41. Грибанич, В. М. Новые возможности энергетического сотрудничества на Каспии после подписания конвенции о правовом статусе Каспийского моря: выгоды и риски для Российской Федерации / В. М. Грибанич, А. А. Суханов // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 8. – С. 113-115.

42. Грибанич, В. М. Развитие энергетического сотрудничества государств Евразийского экономического союза / В. М. Грибанич, А. А. Суханов // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 7. – С. 113-115.

43. Григорьев, Л. М., Курдин А. А. Дисбаланс нефтяного рынка: технологии, экономика, политика / Л. М. Григорьев, А. А. Курдин // Энергетическая политика. – 2015. – № 1. – С. 24–33.

44. Григорьев, Л. М., Нусупова А. Б. Проблемы накопления в условиях формирования рыночной экономики: пример Казахстана / Л. М. Григорьев, А. Б. Нусупова // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – № 4 (34). – С. 186–200.

45. Григорьев, Л. М., Павлюшина В. А. Бразилия: в ловушке среднего уровня развития / Л. М. Григорьев, В. А. Павлюшина // Мир новой экономики. – 2016. – №2. – С. 28-37.

46. Григорьев, Л. М., Урожаева Ю. В., Иванов Д. С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. – М. : ТЕИС, 2011. – С. 34-53.

47. Гринберг, Р. С., Косикова Л. С. Интеграция на разных скоростях: Возможно ли единое экономическое пространство в рамках СНГ / Р. С. Гринберг, Л. С. Косикова // Стратегия России. – 2004. – № 4. – С.31-39.

48. Гринберг, Р. С. Новые тенденции экономического сотрудничества на постсоветском пространстве / Р. С. Гринберг, Л. С. Косикова // Россия в глобализирующемся мире: Полит.-экон. очерки. – М. : Наука, 2004. – С. 445-460.

49. Гурвич, Е. Т., Беляков И. В., Прилепский И. В. Нефтяной суперцикл и бюджетная политика / Е. Т. Гурвич, И. В. Беляков, И. В. Прилепский // Вопросы экономики. – 2015. – № 9. – С. 5-30.

50. Гурвич, Е. Т., Прилепский И. В. Влияние финансовых санкций на российскую экономику / Е. Т. Гурвич, И. В. Прилепский // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 5-35.

51. Гурова, И. П., Ефремова М. В. Внутритраслевая и межотраслевая торговля СНГ / И. П. Гурова, М. В. Ефремова // ЕЭИ. – 2012. – № 3 (16). – С. 30-39.

52. Гурова, И. П., Ефремова И. П. Региональная торговля на пространстве СНГ: предпосылки для производственной кооперации / И. П. Гурова, М. В. Ефремова // Вопросы экономики. – 2012. – № 6. – С. 110-126.

53. Гусаков, Н. П. Внешнеэкономическая взаимозависимость в системе категорий современного мирового хозяйства / Н.П. Гусаков // Интеграция России в мировую экономику. – М. : РУДН, 2009. – 419 с.

54. Гусаков, Н. П. Россия и глобальные вызовы / Н.П. Гусаков // Вестник РУДН. Серия «Экономика». – 2011. – № 5. – С. 9-15.

55. Давтян, В. С., Вертакова Ю. В., Плотников, В. А. Особенности регулирования национальных энергетических рынков в условиях развития процессов международной интеграции / В. С. Давтян, Ю. В. Вертакова, В. А. Плотников // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2018. – Т. 22. – № 1(76). – С. 160-174.

56. Дендак, Г. М. Регионализация в условиях глобализации мировой экономики: автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Дендак Галина Михайловна. – Москва, 2011. – 26 с.

57. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами - членами Евразийского экономического союза в 2018 году» // Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2018. – 94 с.

58. Дынкин, А. А. Стратегическая стабильность и архитектура безопасности / А. А. Дынкин // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. – 2018. – № 2 (98). – С. 41-43.

59. Дынкин, А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии / А. Дынкин, Е. Телегина, Г. Халова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 4. – С. 5-24.

60. Евразийская экономическая интеграция – 2017. Доклад № 43. – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. – 88 с.
61. Евразийская экономическая интеграция // Евразийский банк развития. – 2014. – № 2 (23). – С. 146.
62. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2017. – 204 с.
63. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2018. – 206 с.
64. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2019. – 199 с.
65. Европейская интеграция: учебник / О. В. Буторина [и др.]; под ред. О. В. Батуриной. – М. : Деловая литература, 2011. – 720 с.
66. Еремин, С. В. Общий рынок газа Евразийского экономического союза: исходные предпосылки и перспективы формирования / С. В. Еремин // «Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы». – М. : ИМЭМО РАН, 2016. – С. 37-45
67. Еремин, С. В. Рынки природного газа в условиях международной экономической интеграции: направления трансформации, ключевые факторы и вызовы: дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14 / Еремин Сергей Владимирович. – Москва, 2018. – С. 53.
68. Еремин, С. В. Рынки природного газа в условиях региональной экономической интеграции. / С. В. Еремин // Нефть, газ и бизнес. – 2015. – № 7. – С. 40-43.
69. ЕЭК, Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. Доклад. – Москва, 2016. – 43 с.
70. Жизнин, С. З. Энергетика в современном мире и международная энергетическая политика (геополитика и экономика) / С. З. Жизнин // Балтийский регион. – 2010. – № 1. – С. 8-21.
71. Звонова, Е. А., Пищик В. Я. О концептуальных подходах к созданию общего финансового рынка государств-членов ЕАЭС / Е. А. Звонова, В. Я. Пищик // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 5-18.

72. Зенкина, Е. В., Ивина Н. В. Международное сотрудничество в энергетике как основа укрепления геополитических интересов России и ее устойчивого экономического роста / Е. В. Зенкин, Н. В. Ивина // Международный научный журнал. – 2019. – № 2. – С. 78-84.

73. Иванов, Н. Глобализация и Россия (круглый стол) / Н. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 9. – С. 3-21.

74. Идрисов, Г., Мау В., Божечкова А. В поисках новой модели роста / Г. Идрисов, В. Мау, А. Боженкова // Вопросы экономики. – 2017. – № 12. – С. 15-16.

75. Киловатт у границ. Подписано соглашение ЕАЭС об общем рынке электроэнергии // Газета «Коммерсантъ» № 92 от 30.05.2019. – 3 с.

76. Кнобель, А. Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия / А. Ю. Кнобель // Вопросы экономики. – 2015. – № 3. – С. 87–108.

77. Коваленко, Т. А., Волков А. В. Энергетический потенциал региона и его количественная оценка / Т. А. Коноваленко, А. В. Волков // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 161-173.

78. Косолапов, Н. Глобализация: сущностные и международно-политические аспекты / Н. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 3. – С. 69-73.

79. Котлер, Ф. Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, И. Сетиван. – М. : Эксмо, 2011. – 240 с.

80. Кузьмин, С. Перспективы России в развитии современных мирохозяйственных тенденций / С. Кузьмин // Экономист. – 2002. – № 1. – С. 14-25.

81. Курбаналиев, А. А. Разработка механизмов формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Курбаналиев Алишер Абуевич. – Москва, 2016. – 16 с.

82. Либман, А. М. Модели региональной интеграции / А. М. Либман, Б. А. Хейфец. – М. : Экономика, 2011. – 333 с.
83. Ливенцев, Н. Н. Международная экономическая интеграция / Н. Н. Ливенцев. – М. : Экономистъ. – 2006. – 430 с.
84. Магомедалиев, А. С., Сопилко Н. Ю. Ход формирования общих энергетических рынков Евразийского экономического союза: результаты, задачи и перспективы / А. С. Магомедалиев, Н. Ю. Сопилко // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 3. – С. 93-96.
85. Макаров, А. А., Григорьев Л. М., Митрова Т. А. Прогноз развития энергетики мира и России 2016 / А. А. Макаров, Л. М. Григорьев, Т. А. Митрова. – М. : ИНЭИ РАН–АЦ при Правительстве РФ, 2016. – 196 с.
86. Мастепанов, А. М. Энергетическая безопасность в большой Евразии: разные игроки – разные подходы к решению проблемы / А. М. Мастепанов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник ИНИОН РАН. – 2018. – С.112-118.
87. Матвеев, И. Е. Энергетическая политика ЕАЭС в ракурсе ЭПШП / И. Е. Матвеев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 3. – С. 11-33.
88. Матюшок, В. М. Проблемы стратегии экономического развития России в условиях глобализации / В. М. Матюшок. – М. : РУДН, 2002. – 368 с.
89. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2017 // Обзор ЕАБР. – 2017. – № 45. – 63 с.
90. Мунтян, М. А. Интернационализация, интеграция и регионализация мира (постановка проблемы) / М. А. Мунтян // Проблемы глобальных и региональных процессов. – М., 1996. – С. 125.
91. Навроцкая, Н. А. Эволюция интернационализации мировой экономики в глобальном пространстве / Н. А. Навроцкая // Проблемы развития внешнеэкономических связей и привлечения иностранных инвестиций: региональный аспект.— 2012. – Ч. 2. – С. 268-272.
92. Навроцкая, Н. А., Сопилко Н. Ю. Трансформация инвестиционно-производственного пространства как условие экономической интеграции / Н. А.

Навроцкая, Н. Ю. Сопилко // Вопросы региональной экономики. – 2013. – № 2 (15). – С. 63-69.

93. Навроцкая, Н. А., Сопилко Н. Ю., Ковальчук М. В. Регионализация в условиях постглобального экономического развития / Н. А. Навроцкая, Н. Ю. Сопилко, М. В. Ковальчук // Вестник РУДН. Серия «Экономика». – 2015. – № 4. – С. 7-15.

94. Намазова, А., Эмерсон Б. История европейской интеграции, 1945–1994 / А. Намазова, Б. Эмерсон; под общ. ред. А. Намазовой, Б. Эмерсон. – М. : ИВИ РАН, 1995. – 307 с.

95. Осадчая, И. М. Глобализация и государство: новое в регулировании экономики развитых стран / И. М. Осадчая // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 11. – С. 3-14.

96. Пак, Е., Пискулова Н. Евразийский экономический союз: время подводить промежуточные экономические итоги интеграции / Е. Пак, Н. Пискулова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 10. – С. 22-34.

97. Перская, В. В. Завершение процесса глобализации мирового хозяйства или / В. В. Перская // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – Т. 11. – № 1. – С. 36-42.

98. Перская, В. В., Эскиндаров М. А. Методология формирования конкурентных преимуществ национальных хозяйств / В. В. Перская, М. А. Эскиндаров // Горизонты экономики. – 2015. – № 5(24). – С. 83-88.

99. Перстенева, Н. П. Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов / Н. П. Перстенева // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3. – С. 478-482.

100. Прогноз научно-технологического развития отраслей ТЭК России на период до 2035 // Министерство энергетики Российской Федерации. – М. : Министерство энергетики Российской Федерации, 2016. – 106 с.

101. Промский, Н. И. Взаимодействие России со странами СНГ как фактор ускорения экономического развития и повышения конкурентоспособности

национальной экономики: дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14 / Промский Николай Иванович. – Москва, 2009. – 302 с.

102. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб. – М. : Росстат, 2018. – 694 с.

103. Саркисян, Т. С. Создание общих рынков энергетических ресурсов в ЕАЭС: этапы и содержание / Т. С. Саркисян // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2017. – № 11 (103). – С. 65-69.

104. Сопилко Н. Ю. Стратегические перспективы энергетической интеграции государств ЕАЭС / Н. Ю. Сопилко // Материалы Междун. научной конференции IX «Абалкинские чтения» на тему «План и рынок: сочетание несочетаемого? (к 90-летию Первого пятилетнего плана)», РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019 – С. 68–71.

105. Сопилко, Н. Ю. О противоречиях в развитии международных производственных связей / Н. Ю. Сопилко // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М. : Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – 2015. – Т.8. – № 5(43). – С.58-67.

106. Сопилко, Н. Ю. Особенности современного развития региональной интеграции в рамках СНГ / Н. Ю. Сопилко // Мировая экономика, международный бизнес и Россия в новых геополитических условиях: сб. науч. трудов Междун. научно-практической конференции. – Екатеринбург : – 2015. – С. 112-118.

107. Сопилко, Н. Ю. Перспективы развития электроэнергетической интеграции государств Евразийского экономического союза / Н. Ю. Сопилко // Финансовая экономика. – 2019. – № 6(5). – С. 512-516.

108. Сопилко, Н. Ю. Перспективы формирования общих рынков государств Евразийского экономического союза / Н. Ю. Сопилко // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 5(106). – С. 61-66.

109. Сопилко, Н. Ю. Проблемы и перспективы региональной интеграции России и Украины на постсоветском пространстве СНГ: монография / Н. Ю. Сопилко. – М. : Российский университет дружбы народов, 2013. – 189 с.

110. Сопилко, Н. Ю. Производственные связи и региональная интеграция: теоретические аспекты: монография / Н. Ю. Сопилко. – М. : Российский университет дружбы народов, 2015. – 234 с.
111. Сопилко, Н. Ю. Производственные связи и экономическая безопасность / Н. Ю. Сопилко // Интеллектуальная собственность: от надежной защиты к эффективному управлению: материалы XI Междун. научно-практической конференции. – 2015. – С. 63-69.
112. Сопилко, Н. Ю. Развитие производственных связей России в условиях региональной интеграции / Н. Ю. Сопилко // Вестник РУДН. Серия «Экономика». – 2015. – № 2. – С. 14-24.
113. Сопилко, Н. Ю. Региональная интеграция как фактор повышения конкурентоспособности национальной экономики / Н. Ю. Сопилко // Вестник РУДН. Серия «Экономика». – 2012. – № 3. – С. 51-60.
114. Сопилко, Н. Ю. Роль региональной интеграции в развитии конкурентных отношений / Н. Ю. Сопилко // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: материалы VII Междун. научно-практической конференции. – 2012. – С. 266-271.
115. Сопилко, Н. Ю. Современные тенденции развития международных экономических процессов в условиях регионализации / Н. Ю. Сопилко // Вестник РУДН. Серия «Экономика». – 2013. – № 4. – С. 5-17.
116. Сопилко, Н. Ю. Энергетическая интеграция государств Евразийского экономического союза / Н. Ю. Сопилко // Вопросы региональной экономики. – 2019. – № 1 (38). – С.146-152.
117. Сопилко, Н. Ю. Эффекты экономической интеграции государств Евразийского экономического союза / Н. Ю. Сопилко // Вопросы региональной экономики. – 2019. – № 3(11). – С.8-17.
118. Сопилко, Н. Ю., Ковалев А. А., Смирнова А. С. Направления развития региональной интеграции как основного тренда глобализации / Н. Ю. Сопилко, А. А. Ковалев, А. С. Смирнова // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 5(70). – С. 591-596.

119. Сопилко, Н. Ю., Кулаков А. В. Перспективы развития интеграционных процессов государств Евразийского экономического союза / Н. Ю. Сопилко, А. В. Кулаков // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 4. – С. 106-116.

120. Сопилко, Н. Ю., Мясникова О. Ю., Орлова А. Ф. Перспективы развития технологического сотрудничества стран ЕАЭС с учетом особенностей их специализации / Н. Ю. Сопилко, О. Ю. Мясникова, А. Ф. Орлова // Вопросы региональной экономики. – 2018. – №2 (35). – С. 133-143.

121. Сопилко, Н. Ю., Навроцкая Н. А. Оценка развития внешнеторговых связей России на основе коинтеграционного анализа / Н. Ю. Сопилко, Н. А. Навроцкая // Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы : материалы Международной конференции. – 2018. – С. 27-32.

122. Сопилко, Н. Ю., Навроцкая Н. А. Перспективы развития производственных связей России в условиях регионализации / Н. Ю. Сопилко, Н. А. Навроцкая // Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества: сб. науч. тр. участников конференции. – 2016. – С. 231-235.

123. Сопилко, Н. Ю., Навроцкая Н. А. Проблемы продвижения инновационных технологий и высокотехнологичных товаров стран ЕАЭС / Н. Ю. Сопилко, Н. А. Навроцкая // Инновации в создании и управлении бизнесом: материалы всероссийской научной конференции. – 2018. – С. 75-81.

124. Сопилко, Н. Ю., Навроцкая Н. А. Производственная интеграция России и Украины в условиях глобальной конкуренции / Н. Ю. Сопилко, Н. А. Навроцкая // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 3(27). – С. 145-152.

125. Сопилко, Н. Ю., Навроцкая Н. А. Российско-украинское производственное сотрудничество в свете глобальной конкуренции / Н. Ю. Сопилко, Н. А. Навроцкая // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 6(35). – С. 34-39.

126. Сопилко, Н. Ю., Навроцкая Н. А., Мясникова О. Ю. Тенденции развития мировых производственных связей в технологичных секторах экономики

/ Н. Ю. Сопилко, Н. А. Навроцкая, О. Ю. Мясникова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т.13. – Вып. 8. – С. 1532-1544.

127. Сопилко, Н. Ю., Назарова Ю. А. Перспективы развития возобновляемых источников энергии на пространстве Евразийского экономического союза / Н. Ю. Сопилко, Ю. А. Назарова // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 5. – С. 93-96.

128. Сопилко, Н. Ю., Стогнушенко К. С. Стратегические приоритеты и анализ направлений энергетической интеграции государств ЕАЭС / Н. Ю. Сопилко, К. С. Стогнушенко // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 6(107). – С. 33-36.

129. Сопилко, Н. Ю., Титов В. С. Мировая экономика и международные экономические отношения / Н. Ю. Сопилко, В. С. Титов. – М. : Российский университет дружбы народов, 2013. – 143 с.

130. Сутырин, С. Ф., Трофименко О. Ю. Некоторые тенденции развития современной системы международных экономических отношений / С. Ф. Сутырин, О. Ю. Трофименко // Экономика. Налоги. Право. – 2014. – № 2. – С.11-15.

131. Сутырин, С. Ф. Соотношение регионального и глобального в междоцивилизационном взаимодействии / С. Ф. Сутырин // Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика. – 2006. – № 1. – С. 57-63.

132. Табах, А. В., Подругина А. В. Наднациональное мегарегулирование: зарубежный опыт и перспективы ЕАЭС / А. В. Табах, А. В. Подругина // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2015. – № 4. – С. 122-143.

133. Телегина, Е. А., Халова Г. О., Еремин С. В., Громов А. И. и др. Современная экономическая интеграция и формирование единого энергетического пространства. Экономическая и энергетическая интеграция: опыт Европейского Союза / Е. А. Телегина, Г. О. Халова, С. В. Еремин, А. И. Громов и др. – М. : Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, 2016. – Т. 1. – 219 с.

134. Телегина, Е. А., Халова Г. О., Еремин С. В., Громов А. И. и др. Современная экономическая интеграция и формирование единого энергетического

пространства. Энергетическая интеграция государств ЕАЭС: предпосылки, вызовы и возможности / Е. А. Телегина, Г. О. Халова, С. В. Еремин, А. И. Громов и др. – М. : Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, 2017. – Т. 2. – 309 с.

135. Телегина, Е. А., Халова Г. О., Еремин С. В., Громов А. И. Постуглеводородная экономика: вопросы перехода: монография / Е. А. Телегина, Г. О. Халова, С. В. Еремин и др.; под общ. ред. Е. А. Телегиной. – М. : Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2017. – 406 с.

136. Телегина, Е. А., Халова Г. О., Сопилко Н. Ю., Иллерицкий Н. И. Евразийский экономический союз: формирование, становление и развитие. / Е. А. Телегина, Г. О. Халова, Н. Ю. Сопилко, Н. И. Иллерицкий. – М. : РУСАЙНС, 2019. – 74 с.

137. Телегина, Е. А., Халова Г. О., Сорокин В. П., Морозов В. В., Студеникина Л. А., Йорданов С. Г., Иллерицкий Н. И. Энергетическая интеграция государств ЕАЭС. Предпосылки, вызовы и возможности: монография / Е. А. Телегина, Г. О. Халова, В. П. Сорокин, В. В. Морозов, Л. А. Студеникина, С. Г. Йорданов, Н. И. Иллерицкий; под общ. ред. Е. А. Телегиной. – М. : Издательство РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2016. – Т.1. – С. 159-170.

138. Телегина, Е. А., Халова Г. О., Студеникина Л. А. Энергетическая интеграция государств Евразийского экономического союза: задачи, цели и перспективы развития / Е. А. Телегина, Г. О. Халова, Л. А. Студеникина: Международная научная конференция МКО-2015-06. – Киров : Издательство Skleneny Mustek (Чехия) и МЦНИП (Россия), 2015. – С. 492-504.

139. Телегина, Е. А., Халова Г. О. Перспективы энергетического сотрудничества ЕАЭС со странами Северо-Восточной Азии / Е. А. Телегина, Г. О. Халова // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 4. – С. 50-59.

140. Ткаченко, С. Л. Европейская финансовая интеграция в 1970-е гг.: План Вернера и первая попытка создания валютного союза. / С. Л. Ткаченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1996. – Серия 6. – № 3. – С. 98-104.

141. Томберг, И. Р. Азиатские энергетические сценарии 2030: коллективная монография / под редакцией С. В. Жукова. – М. : ИМЭМО РАН. 2012. – 336 с.
142. Томберг, И. Р. Газовый рынок становится глобальным / И. Р. Томберг // Фонд стратегической культуры. Электронное издание. – 2016. – № 10. – С.42-48.
143. Точинская, И. Анализ динамики торговли в ЕВРАЗЭС / И. Точинская // Экономическое обозрение. – 2008. – № 1. – С.15-17.
144. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: сборник статей. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – 592 с.
145. Философский энциклопедический словарь. / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
146. Фрейнкман, Л. М. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой / Л. М. Фрейнкман, В. В. Дашкеев, М. Р. Муфтяхетдинова. – М. : ИЭПП, 2009. – 252 с.
147. Халова, Г. О., Сопилко Н. Ю., Иллерицкий Н. И. Энергетический потенциал Турции. Перспективы российско-турецкого энергетического сотрудничества/ Г. О. Халова, Н. Ю. Сопилко, Н. И. Иллерицкий // Глобальные энергетические и экономические тренды. – 2019. С. 177-185.
148. Хасбулатов, Р. И. Международная и континентально-региональные экономические интеграции: формы, типы, противоречия: монография / Р. И. Хасбулатов. – М. : Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. – 2019 – 324 с.
149. Хасбулатов, Р. И. Узловые этапы региональной интеграции на пространстве СНГ / Р. И. Хасбулатов // Региональная интеграция на пространстве СНГ: сб. науч. статей. – М. : Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2016. – С. 11-16.
150. Хасбулатов, Р. И. Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации: монография / Р. И. Хасбулатов, Н. П. Савина, А.

Х. Нуриев, Э. Н. Ахмадов, И. А. Филькевич и др. – М. : Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. 2017. – Т. 2. – 560 с.

151. Хесин, Е. С., Ковалева И. Г. Изменение глобального экономического ландшафта: проблемы и поиск решений / Е. С. Хесин, И. Г. Ковалева, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. – 396 с.

152. Хомутов, И. А., Квон К. Р., Кулиев А. Ф., Скоробогатько О. Н. Завершение налогового маневра: каких последствий ждать? / И. А. Хомутов, К. Р. Квон, А. Ф. Кулиев, О. Н. Скоробогатько. – М. : ИГ «Петромаркет». 2018. – 82 с.

153. Худалова, М. М. Регионализация как фактор развития мирового хозяйства: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14 / Худалова М. М. – Москва, 2007. – 24 с.

154. Цыганков, П. А. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / П. А. Цыганков. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 320 с.

155. Шахназаров, Г. Х. Глобализация и глобалистика – феномен и теория / Г. Х. Шахназаров // Pro et Contra. – 2000. – Т. 5. – № 4. – С. 184-198.

156. Шеров-Игнатьев, В. Г. Современные тенденции региональной интеграции / В. Г. Шеров-Игнатьев // Вестник СПбГУ. – 2008. – Сер. 5. – Вып. 2. – С. 53-62.

157. Шишков, Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ? / Ю. В. Шишков. – М. : НП «III Тысячелетие», 2001. – 478 с.

158. Шишков, Ю. В. Интернационализация производства – новый этап развития мировой экономики / Ю. В. Шишков. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 92 с.

159. Шишков, Ю. В. О гетерогенности глобалистики и стадиях ее развития / Ю. В. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 2. – С. 57-60.

160. Шкваря, Л. В. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве / Л. В. Шкваря. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 315 с.

161. Шуркалин, А. К. Факторы и условия импортозамещения в нефтегазовом комплексе России / А. К. Шуркалин // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 2. – № 3. – С. 29-33.
162. Шуркалин, А. К., Тингаева Н. В. Роль транспортного фактора в интеграционном сотрудничестве стран ЕАЭС / А. К. Шуркалин, Н. В. Тингаева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 5. – № 10. – С. 7-10.
163. Щепотьев, А. В. Принудительная экономическая интеграция / А. В. Щепотьев // Социально-экономическое развитие России в XXI веке: сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза : Приволжский дом знаний, 2004. – С. 19-22.
164. Эскиндаров, М. А., Перская В. В. Инициатива большого Евразийского партнерства – новый подход к формированию международных отношений в рамках одного континента на основе сложившихся международных правовых норм и правил / М. А. Эскиндаров, В. В. Перская // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. – 2018. – С. 227-231.
165. Albertin, G. Will a regional bloc enlarge? / G. Albertin. – Wash. : IMF, 2007. – 33 p.
166. Asian Development Bank. Central Asia: Increasing Gains from Trade Through Regional Cooperation in Trade Policy, Transport, and Customs Transit. – Manila: ADB, 2006. – 103 p.
167. Baele, L., Ferrando A., Hordahl P., Krylova E., Monnet C. Measuring European financial integration. / L. Baele, A. Ferrando, P. Hordahl, E. Krylova, C. Monnet // Oxford Review of Economic Policy. – 2004. – № 20(4). – P. 509-530.
168. Balassa, B. Tariff Reduction and Trade in Manufactories among Industrial Countries / B. Balassa // American Economic Review. – 1966. – № 3. – P. 466-473.
169. Balassa, B. The Theory of Economic Integration (Routledge Revivals) / B. Balassa. – London : Routledge, 2013. – 304 p.
170. Balassa, B. The Theory of Economic Integration / B. Balassa. – Illinois : R.D. Irwin, 1961. – 304 p.

171. Balassa, B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative Advantage. / B. Balassa // The Manchester School of Economic and Social Studies. – 1965. – № 33. – P. 99-123.
172. Balyhin, G., Alekseenko V., Sopilko N. et al. Competitive Ability of Russian Economy on Macroeconomic Level / G. Balyhim, V. Alekseenko, N. Sopilko, et al. // Review of European Studies. – 2015. – Vol. 7. – No. 6. – P. 46-53.
173. Batsaikhana, U., Dabrowski M. Central Asia – twenty-five years after the breakup of the USSR // U. Batsaikhana, M. Dabrowski // Russian Journal of Economics. – 2017. – Vol. 3. – Issue 3. – P. 296-320.
174. Bergeijk, P., Brakman, S. The Gravity Model in International Trade. Advances and Applications. / P. Bergeijk, S. Brakman. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2009. – P. 1-26.
175. Berger, A. The efficiency effects of a single market for financial services in Europe. / A. Berger // European Journal of Operational Research. – 2003. – Vol. 150(3). – P. 466-481.
176. Berger, A., Humphrey D. Efficiency of financial institutions: international survey and directions for future research. / A. Berger, D. Humphrey // European Journal of Operational Research. – 1997. – Vol. 98. – P. 175-212.
177. Bevan, A., Estrin S. The determinants of foreign direct investment into European transition economies. / A. Bevan, S. Estrin // Journal of Comparative Economics. – 2004. – № 3. – P. 775–787.
178. BP Statistical Review of World Energy – 2019. – 64 p.
179. BP Statistical Review of World Energy. – 2018. – 56 p.
180. Braha, K., Qineti A., Ibraimi S., Imeri A. Trade and Integration: A Gravity Model of Trade for Selected EU Candidate Countries / K. Braha, A. Qineti, S. Ibraimi, A. Imeri // International Conference of Agricultural Economists. – 2015. – P. 8-14.
181. Breuss, F. A. Prototype Model of European Integration: The Case of Austria. In: Bednar-Friedl B., Kleinert J. (eds.) Dynamic Approaches to Global Economic Challenges. / F. A. Breuss. – Springer, Cham, 2016. – P. 9-30.

182. Brugmans, H. L'idée européenne, 1920–1970 / H. Brugmans. London : Palgrave Macmillan, 1970. – P. 373-376.
183. Bussiere, M., Fidrmuc J., Schnatz B. Trade Integration of Central & Eastern European Countries: Lessons from a Gravity Model. / M. Bussiere, J. Fidrmuc, B. Schnatz // ECB Working Paper. – 2005. – No. 5. – P.45.
184. Butorina, O. The specifics of the Eurasian model of economic integration. / O. Butorina // Contemporary Europe. – 2016. – №2 (68). – P. 28-30.
185. Casu, B., Girardone C. Integration and efficiency convergence in EU banking markets. / B. Casu, C. Girardone // Omega. – 2010. – № 38(5). – P. 260-267.
186. Casu, B., Girardone C., Molyneux P. Productivity change in European banking: a comparison of parametric and non-parametric approaches. / B. Casu, C. Girardone, P. Molyneux // Journal of Banking and Finance 28. – 2004. – P. 2521-2540.
187. Cherp, A., Jewell J. The concept of energy security: Beyond the four as / A. Cherp, J. Jewell // Energy Policy. – 2014. – №. 75. – P. 415-421.
188. Chester, L. Conceptualising energy security and making explicit its polysemic nature / L. Chester // Energy Policy. – 2010. – Vol. 38. – № 2. – P. 887-895.
189. Claar, S., Noelke A. Deep Integration: trade through the front door, and investment through the back? Politics in Hard Times / S. Claar, A. Noelke // International Relations Responses to the Financial Crisis. – 2010. – №3. – P. 114-117.
190. Claes, D. H. Global Energy Security: Resource Availability, Economic Conditions and Political Constraints / D. H. Claes // Contextualizing energy security and transition. Concepts, framing and empirical evidence, at the SGIR 7th Pan-European International Relations Conference: September 9-11, 2010. – P. 1-24.
191. Commission of the EC. The Internal Energy Market. Commission Working Document. COM (88) 238 final. – Brussels, 1988. – P. 5.
192. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – 20 20 by 2020 – Europe's climate change opportunity. – Brussels, 2008. – 12 p.
193. Dagtoglou, P. D., Basic Problems of the European Community. / P. D. Dagtoglou. London : Oxford, 1975. – P. 64.

194. Daumal, M. The impact of trade openness on regional inequality: the cases of India and Brazil. / M. Daumal // *The International Trade Journal*. – 2013. – Vol. 27. – №. 3. – P. 243-280.
195. De Lombaerde, P., Van Langenhove L. Regional Integration, Poverty and Social Policy. / P. De Lombaerde, L. Van Langenhove // *Global Social Policy*. – 2007. – 7 (3). – P. 377-383.
196. De Vany, A. Pipeline Access and Market Integration in the Natural Gas Industry: Evidence from Cointegration Tests / A. De Vany, D. Walls // *The Energy Journal*. – 1993. – No 14 (4). – C. 1-19
197. Deardorff, A. Determinants of Bilateral Trade: Does Gravity Work in a Neoclassical World in *The Regionalization of World Economy*. / A. Deardorff // – Chicago: Chicago University Press. – 1998. – P. 7–32.
198. Debreu, G. The coefficient of resource utilization / G. Debreu // *Econometrica* 19. – 1951. – P. 273-292.
199. Dietmar, P., Wolfgang F., Hudson M. The Origin of the European Coal and Steel Community: Economic Forces and Political Interests / P. Dietmar, F. Wolfgang, M. Hudson / *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* // *Journal of Institutional and Theoretical Economics* Bd. 137, H. 3., // *Economic Reconstruction in Europe: The Reintegration of Western Germany: A Symposium (September 1981)*. – P. 450-468.
200. Dyson, T., Konstadinides Th. Enhancing Energy Security in the EU: Pathways to Reduce Europe's Dependence on Russian Gas Imports / T. Dyson, Th. Konstadinides // *European law review*. – 2016. – Vol. 41. – № 4. – P. 535-556.
201. Emiris, M. Measuring capital market integration. / M. Emiris // *BIS Papers* 12. – 2002. – P 200-221.
202. *Energy Dictionary* // World Energy Council. – Paris: Jouve SI, 1992. – 635 p.
203. Esakova, E. European energy security: analyzing the EU-Russia energy security regime in terms of interdependence theory / E. Esakova // *Springer Science & Business Media*. – 2013. – P. 280.
204. *EU Energy in Figures. Statistical Pocketbook 2018*. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2018. – P. 24.

205. European Council Meeting (19 and 20 March 2015). Conclusions, EUCO 11/15. – Brussels: European Council, 2015. – 6 p.
206. Färe, R, Grosskopf S, Norris M, Zhang Z. Productivity growth, technical progress, and efficiency change in industrialized countries. / R. Färe, S. Grosskopf, M. Norris, Z. Zhang // *American Economic Review*. – 1994. – № 84. – P. 66-83.
207. Frankel, J., Stein E., Wei S. Regional Trading Blocs in the World Economic System / J. Frankel, E. Stein, S. Wei. Washington : Peterson Institute, 1997. – 364 p.
208. Friedmann, J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela / J. Friedmann // *Urban Studies*. – 1966. – P. 279.
209. Galimov, D., Gnidenko A., Sabelnikov E., Salnikov V. Cross-sectoral effects of Russia's trade integration in the EAEU / D. Galimov, A. Gnidenko, S. Sabelnikov, V. Salnikov // *Issues of Economics*. – 2017. – № 10. – P. 123-139.
210. Genna, G., Feng Y. Regional Integration & Domestic Institutional Homogeneity: A Comparative Analysis of Regional Integration in the Americas, Pacific Asia & Western Europe / G. Genna, Y. Feng // *Review of International Political Economy*. – 2003. – Vol. 10. – №. 2. – P. 278-309.
211. Gillessen, B., Heinrichs, H., Hake J., Allelein H. Energy security in context of transforming energy systems: a case study for natural gas transport in Germany / B. Gillessen, H. Heinrichs, J. Hake, H. Allelein // *Energy Procedia*. – 2019. – № 158. – P. 3339-3345.
212. Goddard, J., Molyneux P, Wilson J. Dynamic of growth and profitability in banking / J. Goddard, P. Molyneux, J. Wilson // *Money Credit Bank*. – 2004. – № 36(6). – P. 1069-1090.
213. Gokgos, F., Guvercin, M. Energy security and renewable energy efficiency in EU / F. Gokgos, M. Guvercin // *Renewable & sustainable energy reviews*. – 2018. – № 96. – P. 226-239.
214. Goncharova, N., Degtereva V., Sopilko N. Contradictions in Regional Innovative Activity and Ways to Overcome Them / N. Goncarova, V. Degtereva, N. Sopilko // *Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference (IBIMA) 2018, Milan, Italy*, – 2018, – P. 967-977.

215. Gordon, H. Economic integration, intraindustry trade and frontier regions / H. Gordon // *European Economic Review*. – 1996. – № 40. – P. 941-949.
216. Greenaway, D., Milner C. Trade and Industrial Policy in Developing Countries: A Manual of Policy Analysis. / D. Greenaway, C. Milner // The Macmillan Press, esp. Evaluating Comparative Advantage. – 1993. – P. IV. – P. 181-208.
217. Grigoriev, L. Russia, Gazprom and Cenral Asia-Center: interests and relations / L. Grigoriev // *Russian Energy Security and Foreign Policy*, ed. By Adrian Dellecker and Thomas Gomart. London and New York : Routledge, 2011. – P. 147-169.
218. Gropp, R., Kashyap A. A New metric for banking integration in Europe. / R. Gropp, A. Kashyap // *NBER Working Paper Series*. Working Paper 14735, 2009. – 34 p.
219. Grosse, R., Kujawa D. International Business: theory and managerial applications / R. Grosse, D. Kujawa. – Chicago : Irwin, 1995. – P. 273-276.
220. Grossman, S. On the Efficiency of Competitive Stock Markets where Traders have Diverse Information/ S. Grossman // *Journal Finance*. – 1976. – № 31. – P. 573-585.
221. Grubel, H., Lloyd P. Intra-industry trade: the theory and measurement of international trade in differentiated products. / H. Grubel, P. Lloyd. – London: Macmillan, 1975. – 205 p.
222. Guliyev, I., Mekhdiev E. The Role of Fuel and Energy Sector in the Eurasian Economic Community Integration Process. / I. Guliyev, E. Mekhdiev // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2017. – № 7(2). – P. 72-75.
223. Haas, E. International Integration: The European and the Universal Process. International Organization. / E. Haas // *International organization*. – 1961. – Vol. 15 – №. 3. – P. 366–392.
224. Helpman, E. Mystery of Economic Growth. / E. Helpman. – London : Harvard University Press, 2004. – 240 p.
225. Helpman, E., Krugman, P. Market Structure and Foreign Trade. / E. Helpman. – Massachusetts : MIT Press, 1987. – 283 p.

226. Khalova, G., Sopilko N., Illeritskiy I. Republic of Turkey Gas Complex Development. Problems and Prospects / G. Khalova, N. Sopilko, I. Illeritskiy // International Journal of Energy Economics and Policy, – 2019, – 9(1). – P. 237-243.
227. Knobel, A. Eurasian Economic Union: development prospects and possible obstacles. / A. Knobel // Issues of economics. – 2015. – № 3. – P. 87-108.
228. Krugman, P., Venables A. Intagration, specialization and adjustment / P. Krugman, A. Venables // Economic Review. – 1996. – № 40. – P. 959-967.
229. Le, Th., Nguyen C. Is energy security, a driver for economic growth? Evidence from a global sample / Th. Le, C. Nguyen // Energy Policy. – 2019. – № 129. – P. 436-451.
230. Li, J., Wang L., Li T., Zhu Sh. Energy Security Pattern Spatiotemporal Evolution and Strategic Analysis of G20 Countries / J. Li, L. Wang, T. Li, Sh. Zhu // Sustainability. – 2019. – Vol. 11. – № 6. – P. 1-14.
231. Liesner, H. H. The European Common Market and British Industry / H. H. Liesner // Economic Journal. – 1968. – P. 302-316.
232. Lipsey, R., Lancaster K. The General Theory of Second Best / R. Lipsey, K. Lancaster // Review of Economic Studies. – 1956. – Vol. 24. – № 1. – P. 11-32.
233. Lodge, J., Herman V. Direct Elections to the European Parliament: A Supranational Perspective / J. Lodge, V. Herman // European Journal of Political Research. – 1980. – vol. 8. – № 1. – P. 45-62.
234. Mamatzakis, E., Staikouras C., Koutsomanoli-Filippaki A. Bank efficiency in the new European Union member states: Is there convergence? / E. Mamatzakis, C. Saikouras, A. Koutsomanoli-Filippaki // International Review of Financial Analysis. – 2008. – 17. – P. 1156-1172.
235. Martín-Oliver, A., Saurina J., Salas-Fumás V. Interest rate dispersion in deposit and loan markets. / A. Martín-Oliver, J. Saurina, V. Salas-Fumás. // Documentos de Trabajo № 0506. – Madrid : Banco de España, 2005. – 36 p.
236. Mattli, W. The logic of regional integration. / W. Mattli. – London : Cambridge University Press, 1999 – 197 p.

237. Mitrany, D. A. The prospect of integration: federal or functional. / D. A. Mitrany // *Journal of Common Market Studies*. – 1965. – Vol. 4. – P. 63.
238. Mitrany, D. A. Working Peace System. / D. A. Mitrany // – Chicago: Quadrangle Books, 1966. – 221 p.
239. Monnet, J. Memoirs. / J. Monnet. – New York : // Doubleday. – 1978. – 544 p.
240. Moravcsik, A. Preferences and power in the European Community. A liberal Intergovernmentalist Approach / A. Moravcsik // *Journal of Common Market Studies* – 1993. – № 31 (4). – P. 480.
241. Murinde, V., Agung J., Mullineux A. Patterns of corporate financing and financial system convergence in Europe. / V. Murinde, J. Agung, A. Mullineux // *Review of International Economics*. – 2004. – 12 – P. 693-705.
242. Navrotskaya, N., Sopilko, N., Shamsheev S., Bolotova R., Bondarchuk N., Margolina E. The assessment of the development of foreign trade relations of Russia based on the cointegration analysis / N. Navrotskaya, N. Sopilko, S. Shamsheev, R. Bolotova, N. Bondarchuk, E. Margolina // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. – 2019. – Vol.10 – № 2. – P. 1899-1911.
243. Nazarova, Y., Sopilko, N., Bolotova R. et al. Increase of Social Impact Due to the Development of the Renewable Energy Industry in Russia / Y. Nazarova, N. Sopilko, R. Bolotova // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2017. – № 7(5). – P. 263-270.
244. Nazarova, Y., Sopilko, N., Kovaleva E. et al. How to Solve Water Shortage Problem by Means of Renewable Power Generation? / Y. Nazarova, N. Sopilko, E. Kovaleva // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2019. – № 9(1). – P. 244-249.
245. Nazarova, Y., Sopilko, N., Kulakov A. et al. Feasibility Study of Renewable Energy Deployment Scenarios in Remote Arctic Communities / Y. Nazarova, N. Sopilko, A. Kulakov // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2019. № 9(1). – P. 330-335.

246. North, D. Institutions, institutional change and economic performance. / D. North. – London : Cambridge, 1990. – 52 p.
247. Nunn, N. Relationship-specificity, incomplete contracts, and the pattern of trade / N. Nunn // The Quarterly Journal of Economics. – 2007 – Vol. 122(2). –P. 569-600.
248. Olivero, M., Yotov Y. Dynamic gravity: endogenous country size and asset accumulation. / M. Olivero, Y. Yotov // Canadian Journal of Economics. – 2012. – № 45 (1). – P. 64-92.
249. Osterkamp, R. Measuring Regional Trade Integration in Southern Africa. / R. Osterkamp // – 2008. – Vol. 8. – P.22.
250. O'Sullivan, A., Sheffrin S. Economics: Principles in Action. Upper Saddle River / A. O'Sullivan, S. Sheffrin. New Jersey : Pearson Prentice Hall, 2003. – 609 p.
251. Perskaya, V. The Comparison of the Energy Markets of the EAEU and the Scandinavian Countries: Best Practices for the Energy Integration / V. Perskaya // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2020. – № 10(1). – P. 81-88.
252. Qasmi, B., Fausti S. NAFTA Intra-industry Trade in Agricultural Food Products / B. Qasmi, S. Fausti // Agribusiness: An International Journal. – 2001. – № 17(2). – P. 279-308.
253. Redding, S., Venables A. Economic Geography and International Inequality. / S. Redding, A. Venables // Journal of International Economics. – 2004. – № 62. – P. 53-82.
254. Ringel, M., Knodt M. The governance of the European Energy Union: Efficiency, effectiveness and acceptance of the Winter Package 2016 / M. Ringel, M. Knodt // Energy Policy. – 2018. – Vol. 112. – P. 209-220.
255. Schuman, R. France and Europe / R. Schuman // Foreign Affairs. – 1953. – Vol.31 – № 3. – P. 349-360.
256. Smith, J. R. Economic Access and Neutralization of Waterways. / J. R. Smith // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. – 2017. – Vol. 7, – No. 2, – P. 80-86.

257. Sopilko, N. Yu., Nawrotskaya N.A., Kovaleva E.A. et al. Dynamics factors and slow-response characteristics of Russian trade ties / N. Yu. Sopilko, N. A. Nawrotskaya, E. A. Kovaleva, et al. // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – Spring. – 2017. – Vol. VIII. – № 2(24). – P. 625-634.

258. Sopilko, N., Bondarchuk N., Margolina E., Shcherbakova N., Stashevskaya N. Estimation of the Degree of Entropy of Russia's Foreign Economic Relations in the Choice of an International Industrial and Technological Partnership / N. Sopilko, N. Bondarchuk, E. Margolina, N. Scherbakova, N. Stashevskaya // International Journal of Engineering & Technology. – 2018. – № 7. – P. 533-537.

259. Sopilko, N., Navrotskaia N., Kutlyeva G., Lysytska S. Modeling the international-trade network: a cointegration approach / N. Sopilko, N. Navrotskaia, G. Kutlyeva, S. Lysytska // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – 2018. – Special Edition. – P. 1564-1570.

260. Sopilko, N., Shatalova I., Navrotskaia N. Integration potential for technological cooperation of the EAEU countries / N. Sopilko, I. Shatalova, N. Navrotskaia // Proceedings of the 2nd International Scientific conference on New Industrialization: Global, national, regional dimension (SICNI 2018), Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2019. – Vol. 240. – P. 616-622.

261. Thissen, M., Di Comite F., Kancs d'Artis, Potters Lesley. Modelling Inter-Regional Trade Flows Data and Methodological Issues in Rhomolo. / Mark Thissen, Francesco Di Comite, d'Artis Kancs, Lesley Potters. – Bruxelles : European Commission. – 2014. – 24 p.

262. Tortosa-Ausina, E. Exploring efficiency differences over time in the Spanish banking industry. / E. Tortosa-Ausina // European Journal of Operational Research. – 2002. – № 3. – P. 643-664.

263. Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. OJ C 80, 10.3.2001. // Official Journal of the European Communities. – 2001. – P. 1-87.

264. Treaty on European Union. OJ C 191, 29.7.1992. // Official Journal of the European Communities. – 1992. – P. 1–112.

265. Valdes, J. Evolution and consistency in EU's energy security policy: analyzing the projects of common interest / J. Valdes // *Papeles de Europa*. – 2016. – Vol. 29. – № 2. – P. 69-93.
266. Van Ginkel, H., Van Langenhove L. Integrating Africa: Perspectives on Regional Integration and Development. / H. Van Ginkel, L. Van Langenhove. – Tokyo : – UNU Press, 2003. – P. 1-9.
267. Viner, J. The Customs Union Issue / J. Viner. – New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. – 221 p.
268. Vinokurov, E., Tsukarev T. Agenda for the EAEU Economy / E. Vinokurov, T. Tsukarev // *EEL*. – 2015. – №4 (29). – P. 7-21.
269. Waever, O. Discursive Approaches. European Integration Theory. / O. Waever. – London: Oxford University Press, 2005. – P. 163-180.
270. Wang, Q., Xu L., Li N., Du X., Wu Sh. The evolution of the spatial-temporal patterns of global energy security since the 1990s / Q. Wang, L. Xu, N. Li, X. Du, Sh. Wu // *Journal of Geographical Sciences*. – 2019. – Vol. 29. – № 8. – P. 1245-1260.
271. Wang, Q., Zhou, K. A framework for evaluating global national energy security / Q. Wang, K. Zhou // *Applied Energy*. – 2017. – № 188. – P. 19-31.
272. Winters, A. International Economics. Fourth edition / A. Winters. – London : Routledge, 1991. – 528 p.
273. Yasar, N. Stationarity Properties of Renewable Energy Consumption in the Commonwealth of Independent / N. Yasar // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2020. – № 10(1). – P. 155-159.
274. Zemskova, K. The common energy market of the Eurasian Economic Union: Implications for the European Union and the role of the Energy Charter Treaty (ECT) / K. Zemskova. – Brussels, Belgium: Energy Charter Secretariat, 2018. – 22 p.
275. База данных комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан (оперативные данные) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.gov.kz>. (дата обращения: 21.08.2018).
276. Беларусь: Нефтяной «тигр» в Европе // *Ведомости*, №2 (1776), 11.01.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/>

newspaper/articles/2007/01/11/belorussiya-neftyanoj-tigr-v-evrope. (дата обращения: 15.07.2018).

277. Борталевич, С.И. Методология управления энергобезопасностью регионов / С. И. Борталевич // Электронный научный журнал «Управление экономическими системами». – 2012. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1111232&selid=18877394>. (дата обращения: 15.10.2018).

278. Братство кольца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neftegaz.ru/news/view/142647-Bratstvo-koltsa.-A.-Teksler-predlozhit-KNR-Yaponii-Mongolii-i-Yuzhnoy-Koree-sozdat-Aziatskoe-superenergokoltso>. (дата обращения: 23.09.2018).

279. Браузер статистических данных Международного энергетического агентства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iea.org/statistics>. (дата обращения: 11.11.2018).

280. В фокусе: Армения – проблемы и перспективы роста. На пульсе: выбросы парниковых газов в 2016 году // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2017. – № 21. – 20 с [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13563.pdf>. (дата обращения: 23.12.2017).

281. Валовая, Т. Участие в ЕАЭС дает большие экономические эффекты // Международная жизнь, 31.01.2019 [Электронный ресурс] / Т. Валовая // – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/21537>. (дата обращения: 15.04.2019).

282. Вектор на Азию: о чем договорились на Восточном экономическом форуме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/business/02/09/2016/57c95d2b9a7947690102d269>. (дата обращения: 24.09.2018).

283. Владимирова, И. Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия / И. Владимирова // Менеджмент в России и за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/management/2001-3/10.shtml>. (дата обращения: 04.03.2017).

284. Голованова, С. В. Общий рынок [Электронный ресурс]. / С. В. Голованова. // – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19280142/>. (дата обращения: 03.03.2019).

285. Гулиев, М. Международная производственная интеграция и инвестиционное сотрудничество нефтедобывающих стран СНГ [Электронный ресурс]. / М. Гулиев // – Режим доступа: <http://www.m-esconomy.ru/art.php?nArtId=1768>. (дата обращения: 04.03.2018).

286. Динамика потребления населения России в условиях кризиса // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. – М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2015. – № 4. – 23 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/6157.pdf>. (дата обращения: 04.04.2017).

287. Динамика промышленного производства: региональные различия // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. – М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2017. – № 27. – 24 с [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf>. (дата обращения: 05.05.2018).

288. Домбровский, М., Антчак Р. Экономические реформы в Кыргызстане / М. Домбровский, Р. Антчак // Центр социально-экономических исследований CASE Research Foundation. – Варшава, 1994. – 34 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.case-research.eu/sites/default/files/publications/3414525_028_0.pdf. (дата обращения: 04.03.2017).

289. Еще 20 лет стагнации прогнозирует Минэкономразвития // Ведомости, 20.10.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/20/661689-20-let-stagnatsii>. (дата обращения: 04.03.2017).

290. ЕЭК, «Взаимные инвестиции государств – членов ЕАЭС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/mutual_investments/express_mi_4Q2018.pdf. (дата обращения: 21.09.2019).

291. ЕЭК, «Информационный портал Евразийского экономического союза. ЕЭК и страны ЕАЭС обсудили перспективы национальных и наднациональных бюджетных правил в ЕАЭС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/13-09-2019-4.aspx>. (дата обращения: 25.09.2019).

292. ЕЭК, «Информационный портал Евразийского экономического союза. Функционирование внутренних рынков» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://barriers.eaeunion.org/info/documents>. (дата обращения: 25.11.2019).

293. Завершена процедура ратификации Договора о присоединении Кыргызстана к Договору Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/06-08-2015-1.aspx>. (дата обращения: 04.03.2017).

294. Индексы и индикаторы человеческого развития, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf. (дата обращения: 05.03.2019).

295. Интервью Министра ЕЭК Ара Нраняна журналу «Таможня»: «ЕАЭС выходит в Персидский залив» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-11-2015-1.aspx>. (дата обращения: 15.05.2019).

296. Информационная база данных Thomson Reuters Datastream [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infobase.thomsonreuters.com/infobase/login/?next=/infobase/>. (дата обращения: 21.06.2018).

297. Казахстан: затяжной путь к восстановлению // Доклад Всемирного банка об экономике Казахстана. – 2016. – № 3. – 33 с [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/161971468948927405/pdf/107133-REPLACEMENT-PUBLIC-KAZ-BEU3-Summer-2016-public-rus.pdf>. (дата обращения: 30.05.2017).

298. Кудрин, А. Л. Об источниках экономического роста (в перспективе до 2025 года) / А. Л. Кудрин // Официальный сайт Алексея Кудрина, 25.05.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://akudrin.ru/news/tezisy-doklada>

aleksey-kudrina-ob-istochnikah-ekonomicheskogo-rosta-v-perspektive-do-2025-g-predstavlenno-na-zasedanii-prezidiuma-ekonomicheskogo-soveta-25-maya-2016-goda. (дата обращения: 04.06.2017).

299. Курбатыров, Н. Н., Тулукбекова А.А. Энергетический аспект евразийской интеграции. Статья в журнале Евразийская Экономическая Интеграция. [Электронный ресурс]. – 2014. – № 1\16. / Н. Н. Курбатыров, А. А. Тулукбекова // – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/energeticheskiy-aspekt-evraziyskoj-integratsii>. (дата обращения: 05.02.2018).

300. Мид, Дж. Теория таможенных союзов. 1955. [Электронный ресурс] / Дж. Мид // – Режим доступа: http://analyticalschool.seinst.ru/milestones-of-economic-thought/ VEH16_Meade2.pdf. (дата обращения: 08.06.2019).

301. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/>. (дата обращения: 15.04.2019).

302. Общие рынки в рамках Евразийского экономического союза: движение товаров, услуг, труда и капитала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eabr.org/upload/docs/EDB%20Centre%202017_Monograph_Chapter%204.pdf. (дата обращения: 10.10.2017).

303. Общие рынки энергоресурсов ЕАЭС заработают с 1 января 2025 года // ЕЭК, 26.09.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/26-09-2019-4.aspx>. (дата обращения: 26.09.2019).

304. Общий электроэнергетический рынок ЕАЭС будет запущен не позже 1 января 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-08-2019-2.aspx>. (дата обращения: 20.10.2019).

305. Отношение населения и бизнеса постсоветских стран к ЕАЭС: результаты опроса (2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasianstudies.org/archives/12982>.

306. Отчет ЕЭК за 2012-2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_ar2015_preview.pdf. (дата обращения: 22.05.2017).

307. Официальный сайт Межгосударственного статистического комитета Содружества независимых государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cisstat.com> (дата обращения: 14.10.2019).

308. Официальный сайт министерства труда и социального развития Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mlsp.gov.kg/?q=ru/prs>. (дата обращения: 04.03.2017).

309. Официальный сайт Правительства Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.kg/?page_id=31364&lang=ru. (дата обращения: 04.03.2017).

310. Показатели международной миграции в государствах - членах ЕАЭС 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx. (дата обращения: 20.01.2019).

311. Попович, А. Интеграция: теоретические аспекты [Электронный ресурс]. / А. Попович // – Режим доступа: <http://fmp-gugn.narod.ru/pop2.html>. (дата обращения: 18.09.2017).

312. Прогноз роста экономики на 2017 год увеличен по поручению правительства // Ведомости, 18.10.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/18/661348-minekonomrazvitiya-skorrektirovalo-dinamiku>. (дата обращения: 15.07.2018).

313. Проекты Евразийского банка развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eabr.org/projects/eabr/>. (дата обращения: 10.09.2019).

314. Путин: рост ВВП в России должен составлять в перспективе не менее 4% год // РИА Новости, 17.06.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20160617/1448960220.html>. (дата обращения: 12.03.2017).

315. Россети и Государственная электросетевая компания Китая договорились об условиях создания СП [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://neftegaz.ru/news/view/150440-Rosseti-i-Gosudarstvennaya-elektrosetevaya-kompaniya-Kitaya-dogovorilis-ob-usloviyah-sozdaniya-SP>. (дата обращения: 23.09.2017)

316. Россию ждут 15 лет застоя, если не будет реформ и не подорожает нефть // Ведомости, 15.02.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/02/15/629411-15-let-zastoya>. (дата обращения: 15.03.2017).

317. Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/developDocs/Documents. (дата обращения: 23.07.2019).

318. Сопилко, Н. Ю., Мясникова О. Ю., Медведева А. А. Современные мировые тенденции, влияющие на развитие производственно-технологических связей стран [Электронный ресурс] / Н. Ю. Сопилко, О. Ю. Мясникова, А. А. Медведева // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2018. – № 11. – Режим доступа: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=5204. (дата обращения: 14.03.2019).

319. Сопилко, Н. Ю., Навроцкая Н. А., Кутлыева Г. М. Перспективы развития технологичных производственных связей России в современных условиях мировой экономики [Электронный ресурс]. / Н. Ю. Сопилко, Н. А. Навроцкая, Г. М. Кутлыева / Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2017. – № 8. – Режим доступа: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=4517:2017-08-21-09-39-51. (дата обращения: 21.10.2018).

320. Стенников, В. А. Материалы открытого семинара «Экономические проблемы энергетического комплекса» 22.11.2016г. Иркутск – [Электронный ресурс] / В. А. Стенников // – Режим доступа: <http://isem.irk.ru/upload/iblock/cef/cef1938237b98ee723192b6676049d89.pdf>. (дата обращения: 28.12.2018).

321. Суперкольцо против монгольской суперпустыни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eastrussia.ru/material/superkoltso-protiv-mongolskoj-superpustyni/>. (дата обращения: 22.09.2016).

322. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/spreads.pdf>. (дата обращения: 04.03.2019).

323. Узбекистан прорабатывает вопрос о присоединении к ЕАЭС, заявила Матвиенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191002/1559343154.html>. (дата обращения: 02.10.2019).

324. Урунов, А. А., Родина И. Б., Владимирова А. Ф. Внешние и внутренние противоречия интеграции стран евразийского экономического союза [Электронный ресурс] Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2019. – № 4(122). / А. А. Урунов, И. Б. Родина, А. Ф. Владимирова // – Режим доступа: <http://uecs.ru/makroekonomika/item/5472-2019-04-10-14-22-53> (дата обращения: 25.11.2019).

325. Экономические связи и развитие ЕАЭС // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. [Электронный ресурс] – М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2017. – № 23. – 20 с. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14124.pdf>. (дата обращения: 04.03.2018).

326. Beckman, K. The Energy Union: it's now or never for a European energy policy. [Электронный ресурс] February 18 – 2015. / K. Beckman // – Режим доступа: www.energypost.eu/energy-union-now-never-european-energy-policy/. (дата обращения: 11.09.2019).

327. Clean energy for all Europeans: European Commission [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/energy-strategy-and-energy-union/clean-energy-all-europeans>. (дата обращения: 25.06.2019).

328. Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions: A policy framework for climate and energy in the period from 2020 to 2030 /* COM/2014/015 final */. 2014. – 18 p.

329. Concept Note for Norhteast Asia Regional Power Forum 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unescap.org/sites/default/files/Concept%20note_NEARPIC2018_web.pdf. (дата обращения: 16.07.2019).

330. Doing business, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB07-Report.pdf>. (дата обращения: 24.08.2018).

331. Doing business, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB15-Report.pdf>. (дата обращения: 24.08.2018).

332. Doing business, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB17-Report.pdf>. (дата обращения: 24.08.2018).

333. Doing business, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB19-Report.pdf>. (дата обращения: 24.08.2018).

334. Energy Union Choices. A Perspective on Infrastructure and Energy Security In the Transition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.energyunionchoices.eu/wp-content/uploads/2016/07/EUC_Report_Web.pdf. (дата обращения: 21.09.2018)

335. Forecasts, macro data, transition indicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/forecasts-macro-data-transition-indicators.html>. (дата обращения: 10.06.2019).

336. Human Development Index (HDI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi>. (дата обращения: 12.06.2019).

337. OECD Economic Outlook No 103 – May 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EO99_INTERNET. (дата обращения: 06.06.2018).

338. Pastukhova, M., Westphal, K. Eurasian Economic Union integrates energy markets: EU stands aside. (SWP Comment, 5/2018). / M. Pastukhova, K. Westphal //

Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik – SWP – Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-56216-3>. (дата обращения: 23.09.2019).

339. Sopilko, N., Kurashova A., Shatalova I. et al. Modeling the development of trade ties of Russia within the framework of regional integration based on the theory of gravity / N. Sopilko, A. Kurashova, I. Shatalova et al. // [Электронный ресурс] *Espacios*. – 2017. – Vol. 38. – Режим доступа: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n62/a17v38n62p22.pdf>. (дата обращения: 16.03.2018).

340. Schuman, R. The Schuman Declaration – 9 May 1950 / R. Schuman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/europe-day/schuman-declaration_en. (дата обращения: 22.04.2019).

341. Treaty establishing the European Coal and Steel Community, ECSC Treaty // Document 11951K/TXT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:11951K/TXT>. (дата обращения: 12.03.2019).

342. TPP, the Trade Deal Trump Killed // New York Times, July 14, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/07/14/business/trans-pacific-partnership-trade-japan-china-globalization.html>. (дата обращения: 10.07.2019).

343. UNCTAD Handbook of Statistics, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unctad.org/en/Pages/Statistics.aspx>. (дата обращения: 10.09.2019).

344. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2017 Revision, DVD Edition [Электронный ресурс]. – New York, United Nations, 2017. – 1 электрон, опт. диск (DVD-ROM).

345. World Bank Statistics Database // База данных статистики Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org>. (дата обращения: 24.05.2019).

346. World Economic Outlook // Международный валютный фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx>. (дата обращения: 24.05.2019).

347. World Energy Balances 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://webstore.iea.org/world-energy-balances-2019>. (дата обращения: 13.09.2019).
348. WTO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx>. (дата обращения: 13.04.2018).